ГОВАРД М.САКЕР

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИОНИЗМА
ДО СОЗДАНИЯ
ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ
Том 2

Говард М.Сакер ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

II

174

Говард М.Сакер

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

От возникновения сионизма до создания государства Израиль

עיריית חיפה
מערכת תרבות חפצאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....
82132/4

Говард М.Сакер

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

От возникновения сионизма до создания государства Израиль

Том 2

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1993

האורד מ.סכר

תולדות ישראל

מראשית ימיה של התנועה
הציונית עד להקמת מדינת ישראל

Howard M.Sachar

A History of Israel

From the Rise of Zionism
to the Establishment of the State of Israel

Перевод с английского *В.Орёл*
Редактор *Е.Родионова*

ISBN 965-320-245-6

© All rights reserved

Copyright © 1976 by Howard M.Sachar.
This translation published by arrangement
with Alfred A.Knopf Inc.

כל הזכויות שמורות
לספרית־עליה
ת.ד. 4140 ירושלים

יצא לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
קרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו־יורק
ואירגון הג'רינט העולמי, ניו־יורק

Typesetting, plates and printing by PRISMA-PRESS,
Jerusalem
OCR Давид Титиевский, ноябрь 2021 г., Хайфа
Printed in Israel

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....
82132/4

СОДЕРЖАНИЕ

Том 2

Глава VIII. ИСТОКИ АРАБСКО-ЕВРЕЙСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ
Арабы и евреи в домандатный период 9
Палестинские арабы 17
Отсутствие дальновидности. Новые проявления насилия 26
Последствия беспорядков 31
Неопределенность целей 40
Ответ ревизионистов 50
Пятая алия. Рост капиталистического сектора ... 60
Обострение политической борьбы в сионистском движении 64

Глава IX. ОТСТУПНИЧЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ
Вмешательство стран Оси 72
Накануне арабского восстания 75
Арабское восстание начинается 81
Комиссия Пиля 85
Доклад Пиля и общественное мнение 89
Колебания в связи с разделом 96
Возобновление арабского восстания 100
Укрепление еврейской самообороны 106
Великобритания отказывается от раздела Палестины 113

Лондонская конференция за круглым столом ... 118
Белая книга 1939 года 123

Глава X. ПАЛЕСТИНА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
Успехи и неудачи англичан 132
Единственный союзник 137
Трагедия и спасение 150
Сионисты и Англия 159
Усиление боевого духа в ишуве 163

Глава XI. ИШУВ ПРОТИВ МАНДАТА
Послевоенная ситуация: позиции евреев и англичан 175
США и проблема беженцев 185
Объединенная англо-американская комиссия ... 193
Усиление еврейского экстремизма 205
Нелегальная иммиграция 211
Последняя попытка англичан: план Моррисона—Грэйди и лондонские переговоры 217

Глава XII. РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ
Палестинский вопрос на повестке дня ООН ... 233
Доклады специальной комиссии ООН 242
США делают выбор 249
Голосование в ООН 259
Реакция на раздел 264
Раздел под угрозой 275
Евреи ускоряют развитие событий 281
Рождение Израиля 292

Глава XIII. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
Арабские государства готовятся к вторжению 302
Евреи противостоят вторжению 306

Израиль сохраняет равновесие сил 311
Битва за Иерусалим 319
Первое перемирие 323
Территориальные и демографические изменения 330
Предложение Бернадота 341
Битва за Негев 346
Последняя кампания палестинской войны 353
Переговоры о перемирии 360

Примечания 371

Глава VIII

ИСТОКИ АРАБСКО-ЕВРЕЙСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Арабы и евреи в домандатный период

В 1907 г. д-р Ицхак Эпштейн[1]*, известный сионист и просветитель, опубликовал в ивритском журнале "Ха-Шиллоах" статью, в которой писал: "Среди серьезных вопросов, связанных с идеей возрождения нашего народа на своей земле, есть один *более существенный, чем все остальные, вместе взятые.* Это вопрос наших отношений с арабами. Наши национальные чаяния зависят от его верного решения... [Однако] сионисты о нем просто забыли, и он практически не затрагивается в сионистской литературе". Эпштейн не преувеличивал. Упоминания об арабах встречались в работах Калишера, Лилиенблюма, Леванды, но упоминались они мимоходом, словно наличие арабского населения не имеет никакого политического значения. "За пределами Палестины, — отмечал Ахад ха-Ам в 1891 г., — мы свыклись с мыслью, что все арабы — дикие

---

* Здесь и далее цифрами обозначены примечания, помещенные в конце тома.

звери из пустыни, стадо ослов, не понимающих, что творится вокруг них".

Так или иначе, представители раннего политического сионизма не сомневались, что еврейское предпринимательство и капиталы вызовут у арабов Палестины энтузиазм. Напомним, что этот оптимизм полностью разделял Герцль в своем романе "Altneuland". В других сочинениях и даже в подробных дневниковых записях Герцль ни разу не упоминает арабов. Однажды, судя по всему, об этом задумался Нордау. "Но ведь в Палестине есть арабы! — в изумлении сказал он Герцлю. — Я этого не знал! Мы творим несправедливость!" Однако сомнения быстро исчезли. Они не вернулись и при развитии деятельности в самой Палестине. До начала века конфликты между арабами и евреями случались редко. Хотя сионистским колониям постоянно угрожали набеги соседей, в этом не было элемента какой-то особой национальной вражды. Еврейский национальный фонд, приобретая у арабов землю, иногда лишал феллахов[2] их традиционных мест поселения, но эти нечастые случаи несправедливости компенсировались той выгодой, которую извлекали из еврейской иммиграции многие арабы. Примечательно, что на Ближнем Востоке только в Палестине арабская иммиграция превышала эмиграцию: благодаря евреям образовался новый рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов, требовались рабочие руки. Евреи и арабы нередко по-соседски помогали друг другу, захаживали друг к другу в гости. Евреи охотно перенимали традиции арабской национальной кухни и одежды, осваивали язык своих "исламских кузенов" и не подозревали о грядущих конфликтах в отношениях между двумя народами.

Но, вообще говоря, сионисты не пытались всерьез вникнуть в систему арабских обычаев во всей их

сложности. Первые киббуцы, с их радикальными социально-политическими установками рабочего сионизма, предоставлением рабочих мест только евреям, подчеркнутым равноправием полов в среде иммигрантов-пионеров — все это оскорбляло арабов в большей степени, чем можно было себе представить. Эпштейн в своей статье 1907 г. имел в виду именно это отсутствие такта, когда призывал евреев "избегать узкого, ограниченного национализма, который ничего, кроме себя, не замечает". Взамен он предлагал "союз с арабами и договор с ними, от которого выиграют обе стороны и все человечество". Однако его слова не были услышаны. Зеев Смилянский, один из лидеров Второй алии, выразил принятое сионистами мнение, когда обвинил Эпштейна в том, что тот пал "жертвой собственных фантазий". Смилянский писал об Эпштейне: "Его привлекают несчастные арабы... Эпштейн говорит нам, что мы не сможем возродить землю наших праотцов с помощью денег, даже если это будет делаться честно и мирно... Неужели у нас нет других забот, кроме судьбы палестинских арабов?" По мнению Смилянского, Эпштейн не смог избавиться от "галутного мышления" и проявлял характерную робость перед тем, "что скажут неевреи".

Возможно, сионисты и не были особенно виноваты в том, что без должной серьезности относились к арабскому национализму. В то время его практически не существовало. Арабский национализм сформировался позднее, чем национальные движения других народов Оттоманской империи, за исключением албанцев. Антитурецкие выпады ал-Афгани, Мухаммада Абду, Рашида Риды и других мусульманских идеологов были вызваны не столько протестом против угнетения, сколько возмущением

тем, что султан не способен защитить империю от воздействия христианского Запада. Именно эта беспомощность Турции была первым фактором, спровоцировавшим враждебность к Константинополю со стороны небольшой, но сплоченной группы арабских писателей, ученых, офицеров, деловых людей. После революции младотурок 1908 г. партии ал-Фатат и ал-Ахд пытались выразить требования нарождавшейся арабской буржуазии о культурно-политической автономии. Этот призыв подхватили египетские и сирийские журналисты в Каире, большинство которых принадлежало к распавшейся к этому времени "партии децентрализации". Были и другие небольшие оппозиционные группы, но до революции 1908 г. они не слишком интересовали турок и Запад, а евреев — тем более. Неудивительно, что в этих условиях сионисты полагали, что арабский антисионизм ограничивается сопротивлением христиан, один из которых, Нагиб Азури, бывший оттоманский чиновник, основал в Париже общество под названием "Союз арабской родины". В своей книге "Пробуждение арабской нации" он предупреждал, что "евреи стремятся восстановить "древнее царство Израиля" и утверждал, что арабский и еврейский национализм "несовместимы". То обстоятельство, что с сочинениями Азури были знакомы лишь немногие мусульмане, убедило евреев в том, что его неприязнь — всего лишь разновидность христианского антисемитизма, который отравлял им жизнь в диаспоре.

С другой стороны, революция младотурок придала новый смысл проблеме еврейско-арабских отношений. Озабоченные перспективами самоуправления, арабско-мусульманские члены турецкого парламента впервые начали антисионистскую кампанию. В ходе парламентских дебатов, а также в

турецкой прессе Константинополя они указывали, что евреи в Палестине стремятся к автономии — с собственными школами, национальным гимном, почтовыми марками, денежной эмиссией[3] и даже нелегальной милицией. Эти утверждения были подхвачены палестинской арабской прессой, которая перешла в энергичное наступление на сионизм. В 1911 г. около 150 арабских старейшин Палестины основали в Яффо антиеврейскую ассоциацию, направили в Константинополь телеграмму с протестом против продажи земли евреям и организовали ряд небольших демонстраций. Однако сионисты по-прежнему объясняли арабскую оппозицию неприязнью немногочисленных купцов-христиан и богатых эфенди. Более того, строго соблюдая лояльность по отношению к оттоманскому режиму, евреи не пытались создать с арабскими националистами единый фронт — они надеялись, что турецкое правительство оценит их в качестве силы, препятствующей стремлению арабов к автономии. В результате их декларативная преданность Константинополю еще больше разожгла враждебные настроения среди арабов. Сионистскому руководству так и не удалось разрешить эту дилемму.

Не сумели сионисты воспользоваться и уникальной возможностью вступить в сотрудничество с арабами в 1913 г. В июне в Париже собрался Арабский конгресс с целью сформулировать требования по вопросу автономии. Перед началом конгресса арабские лидеры обратились к представителю сионистов в Константинополе Виктору Якобсону, прибывшему в Париж в качестве наблюдателя, с предложением создать арабско-еврейский союз против турок. Якобсон был как раз одним из немногих сионистских деятелей, которые уже давно пытались установить связь с арабским движением.

Он немедленно направил своего помощника Хохберга в Каир для встречи с арабскими представителями. Вступив в переговоры с арабами, Хохберг доверительно сообщил им, что евреи могли бы поддержать арабское национальное движение, если бы на предстоящем конгрессе были признаны и требования сионистов. На это арабы пойти не могли — очевидно, "по тактическим соображениям". Тем не менее, председатель комитета Рафик-бей ал-Азм опубликовал следующее официальное заявление:

> Партия намерена защищать национальные права евреев и не принимать никаких резолюций или законов, ограничивающих их права или ведущих к их изоляции... Мы полностью осознаем, какую ценную помощь могут оказать капитал, трудолюбие и ум евреев в том, чтобы ускорить развитие наших областей, и готовы принять эту помощь без колебаний. Разумеется, может возникнуть необходимость в упорядочении иммиграции, как еврейской, так и любой другой... Однако есть разница между разумным, честным упорядочиванием и такими чрезвычайными мерами, которые были введены старым турецким режимом и поддерживаются новым.

Отнюдь не удовлетворенный этим заявлением, Хохберг все же согласился стать посредником между Арабским конгрессом и лидерами младотурок в Константинополе. Ему удалось добиться от оттоманских властей заверения в сочувствии к арабским требованиям, причем до начала войны многие из этих требований были выполнены.

Однако усилия Хохберга не завоевали признания у сионистов и были раскритикованы. Рихард Лих-

тхейм, который в свое время работал в константинопольском представительстве вместе с Якобсоном, предупреждал впоследствии, что "пока Палестина принадлежит туркам", евреи слишком многим рискуют, вступая в сотрудничество с арабами. Когда арабские лидеры в мае 1914 г. предложили руководителям сионистов встретиться, исполнительный комитет Сионистской организации отклонил это приглашение, опасаясь реакции Константинополя. Все его усилия по-прежнему были направлены на то, чтобы "[оттоманское] правительство оставалось на нашей стороне". Узнав об отказе, Насиф ал-Халиди, представитель Арабского конгресса, мрачно предупредил Нахума Соколова, который был в это время в Париже: "Осторожно, господа сионисты! Правительства приходят и уходят, а народ остается".

С началом войны эти слова подтвердились. Через несколько лет стало ясно, что арабские лидеры Палестины в значительно большей степени, чем хашимитская династия, рассматривают сионизм как реальную опасность. С их враждебностью Вейцман столкнулся в апреле 1918 г. в Париже во время встречи с палестинскими эмигрантами, среди которых был Муса Казим ал-Хусейни, мэр Иерусалима, и несколько известных арабов-христиан. К началу 1919 г. антисионистские настроения палестинцев стали выражаться еще более явно. Ораторы во главе с Арефом ал-Арефом и Амином ал-Хусейни, объезжая деревни и города, призывали арабов к демонстрациям во время приезда комиссии Кинг-Крейна, назначенной президентом Вильсоном для изучения арабского общественного мнения на Ближнем Востоке. Однако и к этим событиям евреи отнеслись без должной серьезности. Вейцман продолжал надеяться на Фейсала. "Я надеюсь установить с ним

настоящий политический союз, — писал он ранее. — Что касается палестинских арабов, в которых он мало заинтересован, то с ними необходимы только нормальные экономические отношения". Однако, как показали последующие события, ситуация в Палестине значила куда больше, чем недолгий дипломатический контакт Вейцмана с хашимитской династией.

И сам Фейсал чувствовал, что отсутствие спокойствия в Палестине угрожает его отношениям с сионистами. В это время, еще надеясь на создание крепкого арабско-еврейского союза, он пригласил Хаима Кальвариского, известного своей умеренностью и поддержкой идеи такого сотрудничества, на Сирийский национальный конгресс в июле 1919 г. В Дамаске Кальвариский предложил проект будущей системы управления Палестиной. В документе декларировалась свобода религии и равные права для всех; в нем предусматривалось преподавание как арабского, так и иврита во всех школах и говорилось об отмене каких-либо сепаратистских установлений для евреев, мусульман и христиан в государственных учреждениях. Поначалу арабские лидеры одобрили эти предложения. Однако через несколько дней, когда Кальвариский вынес этот проект на обсуждение собрания палестинских евреев — Временного еврейского комитета, который предшествовал созданию Собрания депутатов, его план был отвергнут как "опасный и смехотворный". Моше Медзини, еврейский палестинский журналист, впоследствии с горечью писал:

> Самая серьезная политическая неудача ишува заключалась в том, что он не сумел создать атмосферу взаимопонимания между евреями и арабами... Отношения с арабами должны

были бы стать главной политической проблемой ишува... [Но] печальный факт заключается в том, что ишув не сумел понять и оценить этого вопроса ни до войны, ни сразу после нее... Занятый своими экономическими проблемами и внутренними распрями, ишув не обратил внимания на [Кальвариского и ему подобных].

Между тем, арабские волнения в апреле 1920 г. должны были показать евреям, что они плохо знают своих соседей.

Палестинские арабы

В 1882 г. арабское население Палестины едва достигало 260 тысяч. Однако в 1914 г. это число удвоилось, а в 1920 г. арабов в Палестине было уже 600 тысяч. В мандатный период количество арабов увеличивалось еще быстрее и к 1931 г. составляло 840 тысяч человек, то есть 81 процент всего населения страны. Среди них было около 75 тысяч христиан, проживавших в основном в городах, более или менее грамотных и занимавших низшие посты в мандатной администрации. Мусульманское большинство было значительно более отсталым. 70 процентов арабов-мусульман жили в сельской местности, преимущественно на севере и в центре страны — там они занимались выращиванием зерновых, овощей, масличных культур и табака. Перепись 1922 г. показала, что треть арабских крестьян составляли феллахи, которые арендовали земельные участки, редко превышавшие по площади 100 дунамов. Они постоянно находились в долговой кабале у землевладельцев, отдавая им от трети до половины урожая, жили в глинобит-

ных хижинах, часто страдали от инфекционных заболеваний.

И все же эти условия были неизмеримо лучше тех, в которых жили арабы-мусульмане других стран Ближнего Востока. Показательна система роста арабского населения: в Палестине он с 1922 по 1946 г. составил 118 процентов, то есть почти 5 процентов в год, и, за исключением Египта, был рекордным в арабском мире. Однако это объяснялось не только естественным приростом — за 24 года в Палестину переселилось из соседних стран около 100 тысяч арабов. Их приток отчасти был связан с отлаженной административной системой мандата, но еще в большей степени — с экономическими возможностями, открывшимися в связи с еврейской колонизацией. Рост ишува оказывал благоприятное влияние на жизнь арабов, во-первых, косвенно — значительный вклад евреев в мандатный бюджет позволял увеличивать инвестиции и в арабский сектор, а во-вторых, непосредственно — возникали новые рынки сбыта для арабской продукции, а до "гражданской войны" 1936 г.[4] и рабочие места. Примечательно, что переезжая в Палестину, арабы стремились поселиться в районах с высокой плотностью еврейского населения. Например, в 30-е гг. прирост арабского населения в Хайфе составил 87 процентов, в Яффо — 61 процент, в Иерусалиме — 37 процентов. Такой же процесс наблюдался в арабских городах, расположенных рядом с еврейскими сельскохозяйственными колониями. 25-процентное увеличение числа арабов, занятых в промышленности, объяснялось исключительно потребностями широкомасштабной еврейской иммиграции.

Арабы хорошо осознавали выгоды, которые предоставлял им ишув. Если бы феллахи не испытывали постоянного давления извне, вряд ли их

отношение к сионистам было бы столь враждебным. Однако сама ситуация в 20-е и 30-е гг. препятствовала терпимости и добрососедству. Во время английской военной оккупации генералы Алленби, Мани и Болс проявляли открытую враждебность по отношению к сионизму, опасаясь, что идея еврейского национального очага способна разжечь сепаратистские настроения среди арабов. Поэтому до мая 1920 г. Декларация Бальфура вообще официально не упоминалась английскими властями в Палестине. Кроме того, английские офицеры сыграли определенную роль в создании мусульманско-христианской ассоциации, первой после войны арабской организации в Палестине. Даже в гражданской администрации Сэмюэла ряд влиятельных чиновников категорически противился планам создания еврейского национального очага. Среди них был полковник Эрнест Ричмонд, заместитель главы политического департамента. "В вопросах, касающихся участия арабов [в законодательном собрании], — признавал в 1923 г. Рахиб-бей ал-Нашашиби, — верховный комиссар руководствуется советами Ричмонда, который делает всякое сотрудничество с евреями невозможным".

Несколько раз англичане прерывали переговоры еврейских и арабских лидеров. Например, в начале 1922 г. в Каире состоялись неофициальные встречи арабских и сионистских руководителей. На этих встречах арабская сторона была представлена известными сирийскими националистами, в том числе шейхом Рашидом Ридой, председателем центрального комитета Сирийской объединенной партии, Риадом ал-Сулхом, позднее — премьер-министром Ливана, и Эмилем Хори, палестинским арабом, редактором ведущей египетской газеты "Ал-Ахрам". Еврейскую делегацию составляли член ис-

полнительного комитета Сионистской организации д-р Монтегю Давид Эдер и Ашер Сапир, человек с широкими связями в арабском мире. Во время каждой встречи происходил обычный обмен комплиментами, с чувством говорилось об "общем семитском возрождении" на Ближнем Востоке. На первом заседании 18 марта арабы повторили предложения, сделанные в январе 1919 г. Тогда они, во-первых, призывали евреев способствовать им в вытеснении французов из Сирии. Другое предложение призывало сионистов отказаться от Декларации Бальфура и вступить с арабами в прямые переговоры. Первое предложение поставило бы в затруднительное положение Лондон, второе означало бы, что еврейский национальный очаг зависит не от британского покровительства, а от договоренности с арабами. В связи с этим министерство по делам колоний попросило сионистов отложить дальнейшие переговоры до ратификации мандата. Они согласились.

Переговоры, возобновленные в апреле 1922 г. оказались плодотворнее. В совместном коммюнике объявлялось, что обе стороны готовы к активному сотрудничеству. Евреи обещали своим арабским соседям экономическую и политическую помощь, а арабы обязались прекратить всякую антисионистскую пропаганду и, кроме того, создать совместную христианско-мусульманско-еврейскую комиссию в Палестине. Главное, было решено, что в дальнейшем переговоры евреев с арабами не будут согласовываться с Декларацией Бальфура и мандатом, а арабы, в свою очередь, не будут настаивать на выполнении договора 1915 г., принципы которого были сформулированы в переписке Хусейна с Мак-Магоном. Очевидно, они пересмотрели свои позиции и не требовали уже, чтобы евреи отвергли

Декларацию Бальфура: они просто хотели, чтобы этот документ не упоминался как основа арабско-еврейского сотрудничества. Эту договоренность в принципе одобрил Вейцман — но никак не англичане. Министерство по делам колоний снова потребовало немедленно прекратить переговоры. Намечавшиеся встречи Вейцмана с Саадом Заглул-пашой, лидером египетских националистов, и с трансиорданским эмиром Абдаллахом также были отменены англичанами. Соглашений между арабами и евреями независимо от мандатных властей они допустить не могли.

Однако взаимопониманию между арабами и евреями мешала не только позиция англичан. Важную роль в этом играли и крайности палестинской арабской политики. При турках политическая жизнь в арабской среде была незначительной и заключалась в основном в интригах между знатными семьями, стремившимися получить какой-либо пост в администрации. До конца войны не существовало никакого организованного националистического движения — лишь после перемирия 1918 г. в арабских городах начала действовать мусульманско-христианская ассоциация, выступавшая против создания еврейского национального очага. Да и эта оппозиция поначалу была не более чем отголоском сирийского национализма, и во время неудачной попытки создать независимое сирийское королевство в 1919 — 1920 гг.[5] она лишь следовала в фарватере арабской политики Дамаска. Решающую роль в развитии собственно палестинского национализма сыграло падение Фейсала летом 1920 г. и перенос штаб-квартиры националистов из Дамаска в Иерусалим. Арабские лидеры, особенно те, кто до этого всеми силами боролся за контроль династии Хашимитов над Сирией, пони-

мали, что сионисты как меньшинство куда менее защищены от организованного нажима, чем французы или англичане.

В результате мусульманско-христианская ассоциация созвала в декабре 1920 г. в Хайфе Палестинскую конференцию, предшествующую созданию Палестинского арабского конгресса, на которой уже открыто было выражено требование к англичанам создать национальное (то есть арабское) правительство Палестины. Конгресс избрал исполнительный орган — арабский исполнительный комитет, который с 1921 г. решительно противостоял и британскому мандату, и созданию еврейского национального очага. Хотя эта враждебность в какой-то степени коренилась в недоверии к еврейскому свободному труду и коллективному сельскому хозяйству, а также в опасении, что эти идеи могут повлиять и на феллахов, главным образом она отражала страх националистов перед политическими последствиями еврейской иммиграции. Благодаря многовековому пребыванию в Европе евреи приобрели опыт, который позволял им далеко обогнать арабов в интеллектуальной и технологической сфере. Арабские лидеры были встревожены притоком этих "бесцеремонных пришельцев" и предсказывали, что европейские евреи, энергия и финансы которых, казалось, неисчерпаемы, в конце концов могут стать хозяевами в Палестине.

Первые попытки арабского исполнительного комитета получить поддержку в Лондоне и в Лиге Наций получили отпор. Несмотря на это, Палестинский арабский конгресс сумел утвердить свое влияние в арабской общине. Его представители избирались мусульманско-христианской ассоциацией, которая руководила местными организациями националистического движения в городах. В какой-то

момент казалось, что этот процесс ведет к выборам представительного органа, наподобие возникавшего в это время еврейского руководства ишува. Этого не случилось главным образом потому, что лидерство в националистическом движении целиком находилось под контролем одного семейного клана Хусейни. Хусейни — семья богатых землевладельцев с юга Палестины в промежутке между 1864 и 1920 гг. дала 13 мэров Иерусалима. Один из них, Муса Казим ал-Хусейни, смещенный со своего поста англичанами за участие в беспорядках 1920 г., председательствовал в арабском исполнительном комитете и на нескольких Палестинских арабских конгрессах, а также возглавлял арабские делегации в Англии. Влияние клана подкреплялось и его контролем над религиозной жизнью мусульманской общины. Еще до войны центральной фигурой у палестинских мусульман был муфтий[6] Иерусалима, в юридические полномочия которого входило издание указов по исламскому праву. Сложилось так, что вскоре после приезда Сэмюэла в Палестину умер Камал ал-Хусейни и место муфтия оказалось вакантным — утверждение кандидатуры на этот пост было прерогативой верховного комиссара. В апреле 1921 г., стремясь сохранить шаткое равновесие между семьями Хусейни и Нашашиби — традиционными соперниками в борьбе за все официальные должности в Палестине, Сэмюэл утвердил результаты сомнительных выборов, в результате которых муфтием стал Хадж Мухаммад Амин ал-Хусейни (на самом деле он получил голосов меньше, чем три других кандидата).

Амин ал-Хусейни родился в 1893 г., учился в государственной школе в Иерусалиме, затем в университете в Каире. Во время войны он служил офицером в турецкой армии, но сразу после на-

чала британской оккупации вернулся в Иерусалим и включился в политическую жизнь арабской общины. Хадж Амин, в то время учитель иерусалимской школы Рашидия, призывал к погрому толпу во время апрельских событий 1920 г., бежал в Трансиорданию и был заочно приговорен к десяти годам тюрьмы. После объявленной амнистии ал-Хусейни в 1921 г. вернулся в Иерусалим, а вскоре стал муфтием. Выбор этот нельзя назвать удачным. Несмотря на внушающую доверие и располагающую внешность — добродушные голубые глаза, аккуратную бородку, мягкость в обращении — Хадж Амин в самом скором времени показал себя фанатичным ксенофобом, проповедником ненависти, призывавшим к уничтожению врагов.

Опасность, которую Хадж Амин представлял для мандатных властей, была связана не только с его должностью муфтия, но и с тем, что он имел еще и огромное влияние как председатель Верховного мусульманского совета. Это учреждение было создано с согласия англичан в декабре 1921 г. для руководства религиозными делами мусульманской общины в Палестине — как аналог Верховного раввината у евреев. Мусульманский совет пользовался практически неограниченными правами в том, что касалось надзора и контроля над исламской религиозной иерархией в Палестине, мусульманскими школами, религиозными судами и фондами вакфа[7]. В 1922 г. Хадж Амин был избран председателем этого совета теми немногими мусульманами, которые, согласно имущественному цензу, имели право голосовать на выборах еще в оттоманский парламент. После этого, пользуясь тройными полномочиями главы религиозной общины, национального лидера и высокопоставленного правительственного чиновника (фактически муфтии находились на го-

сударственной службе), Хадж Амин начал завоевывать сторонников для достижения своих личных и националистических целей.

На первых порах, в 20-е гг., борьба муфтия против мандата и сионистов не приносила особого успеха. Недовольные и раздраженные властью Хусейни, многочисленные арабские мэры, торговцы и знать объединились вокруг Рахиб-бея ал-Нашашиби, создав Национальную партию в противовес мусульманско-христианской ассоциации. Около пяти лет это соперничество позволяло сдерживать националистическое движение. Сыграла свою роль и твердость характера, проявленная лордом Плумером, преемником Сэмюэла на посту верховного комиссара. Пользовавшийся авторитетом, волевой генерал Плумер ясно дал понять, что не потерпит беспорядков. Кроме того, в результате экономического спада еврейская иммиграция в Палестину в 1925 — 1927 гг. частично уменьшилась, что несколько успокоило арабов. Благодаря мирной обстановке Плумер почувствовал себя настолько уверенно, что распустил палестинскую и английскую жандармерию и несколько сократил численность военного гарнизона. В 1928 г. 7-й Палестинский арабский конгресс проявил необычайную сдержанность: вместо того, чтобы, как обычно, требовать полного отказа от идеи еврейского национального очага, делегаты высказались за создание парламентских учреждений на основе демократического большинства. Эта кажущаяся перемена произвела впечатление на нового верховного комиссара сэра Джона Ченслера. Уезжая на отдых в июне 1929 г., он пообещал проконсультироваться в Лондоне относительно создания "более приемлемых" (для арабов) законодательных органов.

Отсутствие дальновидности. Новые проявления насилия

Не только верховный комиссар проявил недальновидность и не заметил, как разгорается пламя арабской ненависти, — евреи тоже не понимали этого. После окончания войны они по-прежнему не обращали внимания на палестинских арабов, как повелось со времени раннего сионизма. Вейцман придавал значение переговорам с Фейсалом, с лидерами Сирии и Египта, но не с арабами Палестины. Добиться понимания сирийцев и египтян казалось ему главной задачей. Характерно, что и Усышкин отмахивался от отношений с палестинскими арабами как от "пренебрежимой величины". Эта иллюзия не была преодолена даже после апрельских волнений 1920 г. — кровопролитие было воспринято как случайная вспышка, вызванная английским двурушничеством. Наконец, события 1921 г. застали сионистов врасплох и ясно показали, какие серьезные опасности подстерегают их впереди. Георг Ландауэр, лидер немецких сионистов, призвал в том же году 12-й Сионистский конгресс возобновить усилия по урегулированию отношений между арабами и евреями. В мае 1921 г. Хаим Арлозоров писал из Яффо о том, что к этой проблеме следует отнестись со всей серьезностью и единственным решением ее может быть программа взаимного примирения. Но после того, как в середине 20-х гг. в Палестине наступило спокойствие, сионистская политика по отношению к арабам осталась прежней — пассивной и недальновидной. Предполагалось, что когда еврейская иммиграция наберет полную силу, отсталое местное население смирится с еврейским национальным очагом как с свершившимся фактом.

С точки зрения сионистов-социалистов, экономические преимущества еврейской колонизации представляют серьезную угрозу для арабского национализма. Например, Берл Кацнельсон, вообще отличавшийся проницательностью и здравым смыслом, был убежден, что феллахи, эксплуатируемые феодалами, быстро оценят важность экономического сотрудничества с евреями. По мнению Бен-Гуриона, "только у узких кругов правящей арабской верхушки есть эгоистические причины для того, чтобы бояться еврейской иммиграции и вызванных ею социально-экономических изменений". А трудовые массы должны понять, что еврейская иммиграция и колонизация несет с собой процветание. Лидеры социалистов были уверены, что готовят еврейских трудящихся к созданию союза с их арабскими братьями. "Могут ли быть сомнения, — вопрошал Яаков Хаззан, один из самых авторитетных деятелей ха-Поэл ха-цаир, — что только организованная помощь еврейских рабочих приведет к развитию арабского рабочего класса?" Однако если подлинными врагами сионизма, по мнению сионистов, были арабские эфенди, примечательно, что левые партии не слишком утруждали себя поиском путей сотрудничества с арабскими рабочими и крестьянами. В 1927 г. 3-й съезд Хистадрута принял решение о создании Палестинской конфедерации труда — организации, которая должна была объединить всех трудящихся Палестины. Несколько еврейско-арабских профсоюзов было создано государственными служащими, в частности, железнодорожниками и телеграфистами. Однако, несмотря на резолюцию 1927 г., Хистадрут не проявил никакого интереса к созданию таких профсоюзов в других отраслях.

Несомненно, неприязнь эфенди к социалистиче-

ским идеям укрепляла враждебность арабов. Однако этот фактор был не единственным и не главным. Уровень жизни арабских крестьян и рабочих, конечно же, возрастал, однако арабское руководство замечало лишь то, что у евреев этот рост происходит быстрее. Особенное ожесточение арабов вызывала продажа земли евреям и политика Еврейского национального фонда, который стремился к тому, чтобы земля, перешедшая к евреям, не перепродавалась арабам и не обрабатывалась ими. Это недовольство высказывалось отнюдь не эфенди. Более того, именно у эфенди Еврейский национальный фонд покупал землю за огромные деньги. Таким образом, "классовый" подход к арабскому национализму с самого начала был обречен на банкротство, а вместе с ним — и любые другие попытки представить арабское национальное чувство как нечто поверхностное. Возможно, единственным течением в сионизме, которое с самого начала серьезно отнеслось к арабской проблеме, был ревизионизм, однако предлагавшееся ревизионистами решение никак не назовешь мирным и гуманным. Таким образом, не было никакой надежды на то, что недовольство арабов или притязания муфтия могут быть успокоены заверениями сионистов. Внешняя сдержанность предложений 7-го Палестинского арабского конгресса сэру Джону Ченслеру говорила о смене тактики, но не цели. Вдобавок к лету 1929 г. еврейская иммиграция снова начала увеличиваться. Создание Еврейского Агентства в августе того же года означало, что еврейскому национальному очагу обеспечен еще один источник финансовой поддержки. С 1921 г. между арабами и евреями не было серьезных столкновений, а теперь нужна была только искра, чтобы дать выход накопившемуся раздражению.

Насилие вспыхнуло в неожиданном месте — в Старом городе Иерусалима, где религиозные арабы и евреи жили бок о бок в течение нескольких столетий. Здесь, на Храмовой горе, неподалеку от мечетей находится почитаемая евреями Западная стена (часто называемая Стеной плача[8]), сохранившаяся от древнего Храма. Тогда это была территория мусульманской общины. Однако по традиции, восходящей, по меньшей мере, к средневековью, евреи пользовались правом прохода по мощеному участку к этому историческому месту и могли молиться у Стены. В 1928 г., незадолго до еврейского Судного дня[9], который пришелся в тот год на 24 сентября, еврейский смотритель, состоявший при Стене, установил рядом с нею перегородку, чтобы, согласно ортодоксальным правилам, мужчины во время молитвы были отделены от женщин. Арабы немедленно обратились к властям с жалобой по этому поводу. Англичане распорядились убрать перегородку. Евреи протестовали, но безрезультатно. Тогда весь ишув, верующие и неверующие, начали выражать свое возмущение посягательством на право евреев свободно молиться у Стены плача. Сионистская организация обратилась с протестами в Лондон и Женеву. В то же время арабы воззвали к мусульманскому миру, заявляя, что евреи собираются посягнуть на почитаемую исламом мечеть ал-Акса[10] на Храмовой горе. По инициативе руководимого муфтием Верховного мусульманского совета арабы начали строительные работы поблизости от Стены, чтобы помешать молящимся евреям. Кроме того рядом со Стеной стали проводить многолюдные мусульманские религиозные церемонии. На протяжении месяцев продолжался обмен протестами. 11 июня 1929 г., после длительных колебаний мандатной администрации

и неоднократных консультаций с юристами Великобритании, верховный комиссар известил муфтия, что евреи имеют право спокойно совершать свои молитвы. Строительные работы могут быть продолжены при том условии, что "это не причинит беспокойства молящимся евреям в принятые ими часы молитв".

Такое решение не удовлетворило ни евреев, ни мусульман. 16 августа правая молодежная еврейская организация попросила разрешения провести мирный марш к Западной стене. В отсутствие Ченслера, который уехал в Лондон, чтобы передать правительству арабские предложения о создании законодательного совета, исполняющий обязанности верховного комиссара сэр Гарри Лук позволил молодежной организации провести марш. Сразу после этого мусульманское руководство организовало рядом со Стеной бурную контрдемонстрацию — зазвучали подстрекательские призывы, произошло несколько мелких стычек. В течение последующей недели мусульманские агитаторы разъезжали по стране, призывая крестьян "защитить ал-Акса от нападения евреев". В ночь на 23 августа и на следующее утро толпы вооруженных арабов хлынули в Иерусалим. Перед собравшимися на площади возле мечети выступил муфтий, а после этого толпа ринулась в еврейские кварталы. Насилие быстро распространилось по всей Палестине. К вечеру арабские банды напали на ортодоксальную еврейскую общину Хеврона, убили 60 и ранили 50 человек. Бесчинства происходили в Хайфе, Яффо и даже в Тель-Авиве. Не избежали нападения и многие сельскохозяйственные поселения. Английских войск, расположенных в Аммане, было недостаточно для наведения порядка, а арабская полиция сочувствовала погромщикам. Исполняющий

обязанности верховного комиссара сэр Лук вынужден был вызвать военное подкрепление из Египта. Основная часть войск прибыла в Палестину лишь три дня спустя. Порядок был восстановлен 28 августа. 133 еврея было убито, 399 — ранено. У арабов были ранены 178 человек, убиты — 87.

Ченслер поспешил вернуться из Англии и 1 сентября издал декларацию, в которой сурово осудил действия арабов и потребовал от них выплаты значительной контрибуции. Однако решительность его была недолговременной. Стоило муфтию выразить протест по поводу "жестокости" Ченслера, как несколько дней спустя верховный комиссар выступил с новой декларацией, в которой сообщал, что в ближайшее время будет проведено расследование причастности *обеих* сторон к конфликту. В ответ на это евреи, потрясенные тем, что убийцы и их жертвы уравнены таким образом, обратились за помощью к Лондону.

Последствия беспорядков

В этот критический для ишува момент сионисты с ужасом обнаружили, что они больше не пользуются поддержкой и сочувствием английского правительства. В середине лета 1929 г. к власти пришли лейбористы во главе с их лидером Рамсеем Макдональдом. Пост министра по делам колоний, который раньше занимал Леопольд Эмери, последний из членов военного кабинета, поддержавшего Декларацию Бальфура, перешел к Сидни Уэббу, вскоре ставшему лордом Пасфилдом. Несмотря на значительное число евреев в рядах лейбористской партии, сионизма она не поддерживала. Макдональд побывал в Палестине в 1922 г. и по возвращении в Лондон заявил, что обещания, данные англичанами

евреям и арабам, противоречивы. Вейцман, приехав в Лондон, вскоре почувствовал перемену: впервые лидер сионистов ощутил холодок в Вестминстере и на первых порах не смог добиться встречи с Пасфилдом. Жена министра Беатрис Уэбб при встрече с Вейцманом высказалась так: "Не понимаю, почему евреи подняли такой шум из-за нескольких десятков убитых в Палестине. Такое же количество людей погибает в Лондоне за неделю в автомобильных авариях, и никто не делает из этого трагедии". Когда Пасфилд в конце концов принял Вейцмана, он прямо высказался против массовой еврейской иммиграции в Палестину.

Но худшее было впереди. Политические последствия конфликта затянулись еще на полтора года и вызвали бурные споры, угрожавшие самой идее создания еврейского национального очага. В середине сентября министерство по делам колоний отправило в Палестину комиссию с тем, чтобы "расследовать непосредственные причины, приведшие к недавнему взрыву насилия в Палестине, и выработать рекомендации о мерах, необходимых для предотвращения подобных инцидентов". Председателем был назначен сэр Уолтер Шоу, бывший верховный судья сеттльмента[11] на Босфоре и Дарданеллах. В комиссию вошли представители трех ведущих политических партий Великобритании. В отличие от расследования, проводившегося в 1921 г. Хайкрафтом, комиссия Шоу имела полномочия судебного органа с правом вызова свидетелей, принятия показаний под присягой и получения рекомендаций от мандатной администрации, Еврейского Агентства и арабского исполнительного комитета.

Слушания заняли пять недель, после чего комиссия 31 марта 1930 г. опубликовала доклад. Этот документ произвел эффект разорвавшейся бомбы.

В докладе была установлена ответственность арабов за насилие, причем "доля ответственности за беспорядки" возлагалась на муфтия и некоторых членов арабского исполнительного комитета. Тем не менее, большинством в один голос комиссия отвергла утверждение, что погромы были тщательно спланированы заранее. При том же соотношении голосов ею были сняты обвинения с администрации и полиции в недостаточной активности во время наведения порядка. Более того, расширяя свои полномочия, ограниченные рассмотрением непосредственных причин насилия, комиссия констатировала, что основной причиной трагедии стало "неприязненное и враждебное чувство арабов по отношению к евреям, связанное с их разочарованием в возможности осуществления своих политических и национальных устремлений и опасением за свое экономическое будущее". В докладе отмечалось, что правительство пока не удосужилось выработать точную формулировку своих обязательств по отношению к "нееврейским общинам", а значит, должно заняться этим в будущем. Пока же мандатным властям предлагалось ужесточить контроль над еврейской иммиграцией, защитить феллахов от вытеснения еврейскими скупщиками земли и довести до сведения Еврейского Агентства, что оно ни в коей мере не полномочно участвовать в управлении Палестиной.

Доклад комиссии Шоу ошеломил сионистов и вызвал ликование арабов. Дальнейшие меры только усилили эти чувства. 12 мая министерство по делам колоний распорядилось, чтобы мандатные власти приостановили выдачу 3300 рабочих сертификатов для очередной группы еврейских иммигрантов. Две недели спустя в заявлении, направленном в Совет Лиги Наций, английское правительство сообщило,

что положительно относится к рекомендациям комиссии Шоу и изучает вопрос о дополнительных мерах по ограничению еврейской иммиграции и защите арабского населения. Хотя Совет Лиги Наций и отверг точку зрения, согласно которой права арабов могут быть обеспечены путем ограничения въезда евреев и покупки ими земли, Лондон продолжил рассмотрение рекомендаций, предложенных в докладе Шоу. В том же месяце Великобритания направила в Палестину сэра Джона Хоуп-Симпсона. Отставной чиновник индийской колониальной администрации и специалист по сельскому хозяйству, Хоуп-Симпсон в течение трех месяцев был в Палестине, после чего составил 185-страничный отчет о землепользовании, который был завершен 20 октября 1930 г.

Хоуп-Симпсон пришел к выводу, что площади, находящиеся в распоряжении арабов, меньше, чем было принято считать. Арабов, согласно его заключению, вытесняли евреи, скупавшие земельные участки. Свою роль играла и политика Еврейского национального фонда, стремившегося не перепродавать землю арабам и не нанимать их для работы на еврейских участках. Таким образом, явно нарушались условия мандата. В докладе ставилась под сомнение возможность существенного промышленного развития Палестины. Поэтому "переселение большого числа иммигрантов для работы на новых промышленных предприятиях, экономическое будущее которых проблематично, вполне может привести к [серьезному] кризису..." Фактически администрация передала контроль над выдачей рабочих сертификатов Еврейскому Агентству и Хистадруту, а это недопустимо, говорилось в докладе. Должны быть приняты дополнительные меры, чтобы ограничить иммиграцию и скупку земли евреями. Хоуп-

Симпсон утверждал, что при полном осуществлении всех программ развития Палестины там найдется место для 20 тысяч семей, то есть для 100 тысяч человек, из которых евреи дожны составлять не более половины.

Возмущенные и разгневанные сионисты поспешили опровергнуть данные и выводы Хоуп-Симпсона. Он значительно преуменьшил размеры сельскохозяйственных площадей в Палестине, утверждали они, и преувеличил объем земель, необходимых арабам и евреям. Попытка Хоуп-Симпсона возложить ответственность за бедность арабских крестьян на еврейскую иммиграцию — подстрекательство и клевета. Даже согласно официальной статистике, из 1 481 000 дунамов земли, принадлежащей евреям, 350 000 дунамов заболочено, а 500 000 составляют участки, ранее не обрабатывавшиеся. Ишуву принадлежит всего 6,3 процента всей пригодной для обработки земли. Однако показательны даже не эти данные, а факт существенного повышения уровня жизни арабов вследствие еврейской колонизации Палестины и то, что поток арабских иммигрантов — не в меньшей степени, чем еврейских, — хлынул в Палестину после того, как перспектива еврейского национального очага открыла и перед ними новые экономические возможности.

Однако, еще не выслушав всех этих аргументов, 20 октября, в тот же день, когда появился доклад Хоуп-Симпсона, Лондон сделал официальное заявление. Оно представляло собой составленную лордом Пасфилдом 23-страничную Белую книгу. "Следует раз и навсегда понять, — говорилось в Белой книге, — что еврейские лидеры напрасно оказывают нажим на правительство Его Величества, чтобы добиться согласия на свою политику каса-

тельно иммиграции и земли, на устремления радикальных направлений сионизма. Принятие такой политики означало бы пренебрежение долгом государства-мандатория по отношению к нееврейским жителям Палестины". Подчеркивая, что "в равной степени бесполезны и требования арабских лидеров [сформировать самоуправление на основе большинства]", Белая книга тем не менее зачеркивала все надежды сионистов на будущее. "В Палестине не осталось больше земли, пригодной для сельскохозяйственной обработки новыми иммигрантами, — говорилось в документе, — за исключением тех неосвоенных площадей, которые держат про запас различные еврейские учреждения". Что касается еврейской иммиграции, она должна быть прекращена до тех пор, пока в Палестине сохраняется значительная безработица.

Белая книга Пасфилда была намного категоричней, чем Белая книга Черчилля 1922 г., поскольку в ней фактически отвергались цели Декларации Бальфура и сформулированные в Сан-Ремо условия мандата. Она предвещала серьезные ограничения иммиграции и угрожала евреям запретом на приобретение новых земель. Более того, в ней содержались пренебрежительные отзывы о работе евреев в Палестине и никак не отмечались заслуги сионистов в развитии страны и населяющих ее народов. Естественно, арабы были удовлетворены этим документом. Реакция евреев была иной. Возмущенный Вейцман немедленно подал в отставку с поста председателя Еврейского Агентства. Обращаясь к английскому правительству с официальным протестом, он писал:

> Если обязательства мандатория сводятся к его долгу по отношению к 170 000 человек в про-

тивовес 700 000 и это меньшинство противопоставляется огромному большинству, тогда, конечно, можно дать объяснение и всему остальному. Но обязательства государства-мандатория распространяются на весь еврейский народ, и эти 170 000 являются лишь его авангардом. Я самым энергичным образом выражаю протест против понимания обязательств государства-мандатория в равной степени распространяющихся на обе части населения Палестины.

Реакция Вейцмана была куда более сдержанной, чем отклики других сионистов. Во всем мире, в том числе в Палестине, Англии и Америке, евреи были возмущены. Это выразилось не только в письмах, петициях и телеграммах протеста, резких газетных статьях, но и в организации множества встреч с британскими общественными деятелями. Некоторых из этих деятелей не нужно было убеждать в том, что английское правительство нарушило собственные официальные обязательства. Консерваторы поспешно отмежевались от Белой книги Пасфилда, Леопольд Эмери и Уинстон Черчилль в палате общин раскритиковали этот документ. 17 ноября во время ожесточенных парламентских дебатов Ллойд Джордж упрекнул Макдональда в том, что тот нарушил слово, данное Великобританией. "Нам досталось в наследство не слово, а множество слов, — возразил премьер-министр, — и одно не согласуется с другим". Тем не менее, Макдональд не выдержал обрушившихся на него нападок и раскола в его собственной лейбористской партии, многие члены которой зависели от поддержки либералов и евреев. Поэтому по предложению самого уважаемого теоретика партии Гарольда Ласки и

сына премьер-министра Малкольма Макдональда, глава правительства пригласил Вейцмана на обед 6 ноября, через несколько дней после парламентского обсуждения. Годы спустя вдова Вейцмана опубликовала его рассказ об этой встрече:

> Премьер-министр повторял: "Я понимаю, что в этой Белой книге есть ошибки". Я сказал ему, что они относятся к двум различным типам: нарушения условий мандата и толкования, вызывающие существенные трудности и возражения... На это премьер-министр ответил: "Ошибки следует исправить, а сомнительные места разъяснить. В будущем новые заявления будут согласовываться с вами... [Но] мы не можем просто взять и отказаться от этой Белой книги..."

Было достигнуто соглашение о том, как, внеся изменения, сохранить престиж правительства: 13 февраля 1931 г. премьер-министр направил Вейцману письмо, в котором содержались существенные поправки к Белой книге Пасфилда. Собственно говоря, содержание письма перечеркивало утверждения Белой книги. В нем говорилось: "Задача способствовать еврейской иммиграции и обеспечивать по возможности плотное расселение евреев в Палестине по-прежнему остается мандатным обязательством, которое можно выполнить, не ставя под угрозу права и условия жизни другой части палестинского населения". В письме признавалось, что количество арабов, лишившихся земли, заведомо меньше, чем утверждал Хоуп-Симпсон, и что требуется проведение более тщательного обследования. Кроме того, вновь давались заверения о том,

что правительственная политика не запрещает евреям приобретать землю.

> Правительство Его Величества не намерено приостанавливать или запрещать иммиграцию какой-либо категории населения... Иммигрантам, рассчитывающим на получение работы, пусть даже временной, не будет отказано во въезде из-за того, что им не гарантируется трудоустройство на неограниченный срок.

Кроме того, были подтверждены полномочия Еврейского Агентства по трудоустройству иммигрантов на еврейских предприятиях и право евреев на законную долю рабочих мест на общественных работах и предприятиях, контролируемых мандатными властями. Итог был сформулирован Макдональдом следующим образом: "Обязательства, возложенные мандатом, имеют характер международного значения. Намерения пренебречь ими не было в прошлом и нет в настоящее время".

Хотя письмо не являлось правительственным распоряжением или заявлением министра по делам колоний, Макдональд сделал его достоянием гласности, передал как официальный документ в Лигу Наций и выслал в качестве инструкции верховному комиссару Палестины. Вейцман, справедливо рассматривая этот текст как государственный документ, приветствовал его как символ восстановления сотрудничества сионистов с Великобританией. Однако это письмо никак не способствовало развитию сотрудничества между арабами и евреями. Напротив, Белая книга Пасфилда и письмо Макдональда выставили английскую политику в самом неблагоприятном свете: эти документы убедили арабов,

а затем и евреев в том, что с помощью выступлений и давления можно добиться от мандатных властей перемены политического курса. Арабы, конечно, не верили, что последнее слово остается за письмом Макдональда. "Хочу поставить в известность Ваше Превосходительство о том, — писал Муса Казим ал-Хусейни, председатель арабского исполнительного комитета, верховному комиссару 19 февраля, — что письмо премьер-министра Макдональда подорвало надежду на политику сотрудничества между арабами и евреями, если такая надежда вообще существовала, и сделало взаимопонимание между двумя этими сторонами совершенно невозможным".

Неопределенность целей

У арабов были причины для несговорчивости. Прежде всего, численность их выросла к 1935 г. до 960 тысяч, то есть арабское население меньше чем за два десятилетия увеличилось на 67 процентов, а в абсолютных цифрах превышало еврейское на 500 тысяч человек. Городское арабское население возросло с 194 тысяч в 1922 г. до 398 тысяч в 1936 г. Кроме того, приток еврейского капитала, которым оплачивалась земля, сельскохозяйственная продукция, строительные материалы, наемный труд и арендаторство явились мощными стимулами для арабской экономики. В меньшей степени такое же влияние на нее оказали строительные программы и программы благоустройства, созданные мандатными властями. Особенно значительно эти изменения коснулись арабских высших и средних классов. Их вложения в цитрусоводство увеличились с 1918 по 1935 г. в четыре раза. К этому времени арабская промышленность расширила сферу

производства, выйдя за пределы своего традиционного ассортимента, включавшего мыло, оливковое масло и домотканый текстиль. Теперь капиталы вкладывались в торговлю и транспорт, были основаны также первые два банка арабской общины. В 1935 г. функционировало не менее 700 арабских кооперативов. Новые возможности открывались в здравоохранении, юриспруденции, журналистике, образовании и на государственной службе. Если в 1920 г. школы посещало 2 процента арабских детей, то в 1936 г. в них училось уже около 13 процентов.

Таким образом, налицо были все классические компоненты нарождающегося национализма: рост образованности, увеличение среднего класса, большое число привилегированных служащих и квалифицированных специалистов. Кроме того, укрепление арабских позиций в 30-х гг. объяснялось растущим влиянием муфтия: он приобретал все большую силу по сравнению со своим стареющим родственником Мусой Казимом ал-Хусейни. Престиж Хадж Амина и контроль с его стороны придал арабскому национализму черты религиозной ксенофобии. В отличие от предшественников, муфтий не питал иллюзий и не надеялся, что англичане помогут арабам в борьбе против еврейского национального очага. Он учил своих сторонников рассматривать мандатный режим как тиранию неверных, заключивших союз с еврейскими нечестивцами. Влияние муфтия нашло политическое выражение в создании Палестинской арабской партии, основанной в 1935 г. номинально под руководством его двоюродного брата и верного помощника Джамиля ал-Хусейни. С кланом Хусейни были связаны мэры некоторых городов и лидеры хайфского и иерусалимского отделений Палестинского общества арабских рабочих. Это движение организовало собственное по-

лувоенное формирование "Ал-Футувва" и заняло непримиримую позицию по отношению к Декларации Бальфура и мандату.

Однако лидерство муфтия, несмотря ни на что, вовсе не было бесспорным. Ему противостояли круги, преимущественно связанные с семьей Нашашиби. Выступив в 1935 г. во главе партии Национальной защиты, клан Нашашиби заручился определенной поддержкой в Галилее, а также сторонниками среди мэров прибрежных арабских городов. Кроме того, было известно, что семья Нашашиби установила прочные связи с Абдаллахом, эмиром Трансиордании. Разумеется, и у Нашашиби были политические соперники, причем не только среди последователей Хусейни, но и среди сторонников других организаций, возникших в начале 30-х годов. Как бы эти организации ни назывались: партия Национального блока, Конгресс арабской молодежи, Реформистская партия — партиями в западном значении этого слова они не были. Эти группы объединялись на основе эгоистических интересов отдельных влиятельных семей. Однако для того, чтобы получить политическое влияние в арабском национальном движении, все они должны были соревноваться друг с другом в проявлении антисионизма. К середине десятилетия это положение превратило возможность нормальных взаимоотношений с евреями в дело вполне безнадежное. Но эта же фракционность и соперничество между семьями блокировали и все попытки совместных выступлений арабов против сионистов и англичан. Например, когда в начале 1934 г. умер Муса Казим ал-Хусейни, клану Нашашиби удалось предотвратить избрание Джамиля ал-Хусейни председателем арабского исполнительного комитета. В последующие месяцы сторонники обеих

семей не прекращали яростной перепалки, обвиняя друг друга в трусости, в продаже земли евреям и в отсутствии патриотизма. Парализованный междоусобицей исполнительный комитет едва не был распущен, а 8-й Арабский конгресс, назначенный на лето 1935 г., вообще не состоялся.

С другой стороны, отсутствием арабского единства объясняется то, что сионисты, в свою очередь, не торопились с определением своих планов в Палестине. Даже события 1929 г. были оценены ими не вполне верно. Ишув воспринял погромы не столько как националистическое восстание, сколько как религиозный джихад[12], развязанный Хадж Амином для удовлетворения личных амбиций. От англичан потребовали обеспечения безопасности, — казалось, этого было достаточно. Неформальное общение арабов и евреев в сферах торговли, в муниципальных советах, во время проведения ряда общественных мероприятий ослабляло потребность в официальной формулировке тех отношений, которые сионисты, в конечном счете, намеревались установить с арабами.

Конечно, многие еврейские мыслители обращались к этой проблеме. Среди них был и уроженец Соединенных Штатов, реформистский раввин Йехуда Магнес[13]. Он еще до войны дважды побывал в Палестине, увлекся мечтой о еврейском национальном возрождении и в 1922 г. поселился в Иерусалиме. В 1925 г. он возглавил только что основанный Еврейский университет. С самого начала своей деятельности в Иерусалиме Магнес выражал беспокойство по поводу идеи исключительности, следовавшей из концепции еврейского национального очага. Его воззрения разделяли члены незадолго до того возникшего общества Брит-Шалом[14], которое объединило интеллектуалов, высту-

павших за создание арабско-еврейского государства в Палестине. Среди самых влиятельных членов Брит-Шалом были евреи из Центральной Европы, в том числе профессора Еврейского университета Хуго Берман и Гершом Шолем, бывший редактор "Jüdische Rundschau" Роберт Вельч и главное — Мартин Бубер, которого остальные члены общества считали своим духовным наставником. Бубер еще в 1920 г. призвал евреев заложить основу подлинного братства с арабами и не полагаться на "ослепляющую мечту о том, чтобы стать эмиссарами Запада, который обречен на гибель". Казалось, события 1929 г. подтверждали это пророчество. Однако Брит-Шалом был группой идеологической, а не политической. В этом обществе никогда не состояло больше 200 человек, речи и статьи их не оказывали ни малейшего воздействия на руководство ишува и не вызвали никакой реакции у арабов.

Существовали и другие группы, в той или иной форме выражавшие заинтересованность в арабско-еврейском государстве, которое обеспечило бы свободную еврейскую иммиграцию. Наиболее отчетливо эта позиция была выражена у радикальных утопистов из ха-Шомер ха-цаир. В 20-е гг. федерация киббуцов этого движения энергично выступала за идею политического паритета в Святой земле. Именно ха-Шомер ха-цаир в 1926 г. убедил Хистадрут рассмотреть план создания арабско-еврейской Палестинской конфедерации труда. Впрочем, из этого мало что вышло. Однако ха-Шомер ха-цаир все равно оставался самой влиятельной из тех партий ишува, которые стремились к обоюдному примирению арабов и евреев, и неустанно боролись за классовую и политическую солидарность еврейского и арабского рабочего класса.

Как бы ни были незначительны размеры и вли-

яние этих идеологических и политических организаций, они, по крайней мере, заняли четкую позицию по отношению к целям сионистов в Святой земле. Этого никак нельзя было сказать о политическом руководстве ишува, что не ускользнуло от внимания арабов. Мухаммад Ахтар, редактор самой крупной арабской палестинской газеты "Фаластын", коснулся этого вопроса в речи, с которой обратился к группе евреев 26 ноября 1930 г.:

> Одна из ошибок, которая всегда меня удивляла, заключается в огромном количестве денег, времени, бумаги и чернил, потраченных на пропаганду сионизма среди западных народов. Если хотя бы тысячная доля этих усилий пошла на то, чтобы разъяснить, что такое сионизм, арабам... Полагаю, что не найдется ни одной листовки на арабском языке, в которой сионисты разъяснили бы свои стремления, права и требования, — таких листовок нет. Вы лучше меня знаете, как подробно все это излагалось американцам, англичанам, французам. Хотя сионисты собирались жить среди арабов, они не интересовались, понимают их арабы или нет. Они думали, что важнее, чтобы в Вене или в Париже кто-то знал, чего они желают.

Более того, сионисты не удосужились ясно сформулировать свои цели даже для себя самих. Возможно, сионисты-социалисты и признавали, что поиски компромиссного решения в Палестине — важная задача. Но если отвлечься от ха-Шомер ха-цаир, эти стремления левых были скорее теоретическими, чем практическими. Стараясь ограничиваться лишь упоминанием о будущей еврейской

государственности, их руководство не задумывалось о сближении с арабами и не тратило на это усилий. Собственно говоря, именно социалисты в большей мере, чем другие группы, были за создание автономной социально-экономической системы вне арабского большинства.

Вейцман лучше многих своих соратников понимал, что исходить из максималистских установок при создании национального очага невозможно. Он интуитивно сумел почувствовать заблуждение, свойственное ряду сионистов. Одержимые идеалом самоопределения, которое стало темой Парижской мирной конференции и всей послевоенной эпохи, многие из них считали, что евреи, стремящиеся к национальному самоопределению, должны рассматриваться в том же ряду и пользоваться теми же правами, что чехи, поляки, хорваты, литовцы и другие народы Европы, которые долгое время жили под чужой властью. Вейцман считал эту аналогию крайне опасной в контексте сотрудничества с арабами и англичанами. Он боялся, что арабская оппозиция нанесет сионистам такой же удар, какой был нанесен сначала армянам, а потом грекам турками, когда англичане лишили эти народы своего покровительства. Только с помощью умеренной политики можно было добиться от англичан поддержки и понимания. Именно это имел в виду Вейцман, когда, оправившись от растерянности, вызванной Белой книгой Черчилля, обращался в 1923 г. к Сионистскому конгрессу в Карлсбаде: "Я не стыжусь сказать: мне нечем похвастаться. После установления мандата пройдут годы, прежде чем удастся добиться политического успеха. Тех политических успехов, которые вы хотите, вам придется добиваться своим трудом в Изреельской долине, в горах и в болотах, а не в кабинетах на Даунинг-стрит".

Однако даже те его последователи, которые понимали всю важность позиции сдержанности, считали, что Вейцман в своей умеренности заходит слишком далеко. В перерыве между заседаниями 17-го Сионистского конгресса он дал интервью Еврейскому телеграфному агентству. "Я не понимаю и не поддерживаю требования присутствия еврейского большинства в Палестине, — сказал Вейцман. — Большинство не гарантирует безопасности, оно не является необходимой гарантией для развития еврейской цивилизации и культуры. Мир может понять подобное стремление только в том смысле, что мы хотим заполучить большинство, чтобы изгнать арабов". Это замечание вызвало бурю среди делегатов от всех партий. Они заявили, что подобная позиция ведет к отречению от национальных интересов. Конгресс выразил свое "сожаление" по этому поводу и принял иную, безнадежно запутанную формулировку сионистских целей: "Лишенный родины и очага, стремящийся эмигрировать, еврейский народ желает положить конец своим экономическим, духовным и политическим бедствиям, вновь укоренившись на своей исторической родине путем непрекращающейся иммиграции, и возродить в Эрец-Исраэль национальную жизнь, наделенную всеми характерными чертами нормальной жизни нации". Однако и это заявление показалось Вейцману неосторожным, и он отказался его принять. Когда же голосованием была утверждена эта формулировка, он подал в отставку.

Примечательно, что впоследствии сионисты предпочли собственной "официальной" формулировке другую, более компромиссную, предложенную директором политического отдела Еврейского Агентства Хаимом Арлозоровым. Согласно Арлозорову, цель сионизма заключается в развитии "дру-

жеских отношений и сближении между евреями и арабами в Палестине, исходящих из того фундаментального принципа, что *ни один из двух народов не должен господствовать над другим или находиться в подчинении у другого, независимо от его численности*". В 1933 г. Бен-Гурион, один из руководителей Еврейского Агентства и исполнительного комитета Сионистской организации, на словах продолжал придерживаться этой умеренной позиции. Однако вскоре он ясно продемонстрировал, что не интересуется определением политического будущего ишува, пока евреи составляют в Палестине меньшинство. В понимании Бен-Гуриона, урок погромов 1929 г. заключался отнюдь не в том, что евреи проявили недальновидность и упрямство и не сумели найти общий язык с арабами, напротив: "Мы грешили в этой стране и во всех остальных странах, грешили две тысячи лет, *погрязая в слабости*. Мы слабы — в этом наше преступление". Поэтому для Бен-Гуриона первостепенная задача сионизма заключалась в том, чтобы укрепить еврейскую самооборону в Палестине, быстро увеличить численность ишува, потребовать от мандатория выполнения его обязательств, касающихся еврейского национального очага. В конечном счете, осуществление сионистской мечты неизбежно связывалось для него с силой и количеством евреев. "Сможем ли мы в будущем стать большинством?" — вот в чем заключался главный вопрос.

Бен-Гурион не был лицемером. Он не скрывал своей точки зрения ни от арабов, ни, тем более, от евреев. В 30-е гг. он не раз прямо излагал свои взгляды тем арабским лидерам, которые хотели с ним говорить. Так, в 1934 г. он вел переговоры с Ауни Абд ал-Хади, лидером одной из арабских партий. "Ауни спросил меня, — вспоминал впослед-

ствии Бен-Гурион: — 'Сколько евреев вам нужно?' Я ответил: 'Через тридцать лет — четыре миллиона'". Год спустя Бен-Гурион вместе с Моше Шаретом беседовал с Мусой ал-Алами, представителем аристократического рода и советником по арабским делам при верховном комиссаре сэре Артуре Уокопе. Шарет начал разговор в традиционно мягком тоне, сравнил Палестину с заполненным залом, "где всегда найдется еще одно место", и указал, что в стране всегда сумеют разместиться евреи, желающие иммигрировать, и это не причинит арабам никакого ущерба. В этот момент вмешался Бен-Гурион, заявивший, что незачем вести подобную беседу с таким реалистом, как Муса ал-Алами. Евреям некуда деваться, кроме Палестины, констатировал он, в то время как в распоряжении арабов необъятные и неосвоенные просторы арабского мира. И ему хотелось бы выяснить, могут ли арабы согласиться на создание еврейского государства на территории Палестины и Трансиордании в обмен на поддержку евреями федерации независимых арабских государств. Алами ушел от прямого ответа. Смелость Бен-Гуриона произвела на него впечатление, но он сделал для себя окончательный вывод относительно природы и целей сионизма.

Позиция Бен-Гуриона, однако, была далека от официальной сионистской точки зрения. Вейцман продолжал отстаивать идею паритета. 19 сентября 1936 г. он — снова в качестве президента Сионистской организации — изложил то, что представлялось ему принципиальной основой, и передал проект этого документа в британское министерство иностранных дел:

> По нашему мнению, евреи и арабы в Палестине должны рассматриваться как две раз-

личные общины, две единицы с абсолютно равными правами — эти права не зависят от численности. Мы предложим им это как основу для взаимодействия, с тем чтобы система постоянного паритета была обеспечена гарантиями британской короны.

Шарет от имени Еврейского Агентства поддержал это предложение. Паритет представлялся единственным приемлемым подходом в поисках взаимопонимания со стороны арабов и англичан. До доклада комиссии Пиля, которая через месяц после этого была направлена в Палестину, проблема государственности никогда открыто не обсуждалась. Неудивительно, что из-за всех этих противоречий и нечеткости определений евреи не меньше, чем арабы, испытывали сомнения относительно конечных целей сионизма в Святой земле.

Ответ ревизионистов

Многие арабы и, по крайней мере, часть евреев желали как можно скорее определить дальнейшие перспективы. Конечно, иммигрантов из Польши, Румынии и Венгрии, которые в 20-е гг. испытали на себе проявления антисемитизма в этих возникших после первой мировой войны государствах, антисемитизма, подобного дореволюционной российской юдофобии, не устраивала политика постепенности. Им нужна была уверенность в том, что еврейский национальный очаг в самое ближайшее время станет их постоянным убежищем и предоставит им возможности для процветания. Нордау был одним из тех, кто доказывал, что многочисленное европейское еврейство окажется в безопасности только если ему позволят и даже помогут быстро,

в массовом порядке переселится в Палестину, не дожидаясь гарантированного жилья и трудоустройства. Какими бы ни были при этом первоначальные трудности, иммигранты, по крайней мере, сумеют избежать погромов и немедленно придадут еврейству статус большинства в Палестине, что обеспечит ишуву важные политические преимущества. Правда, в 20-е годы идеи сионизма как альтернативы физического уничтожения народа не разделялись ни Вейцманом, ни большинством его коллег. Тем не менее, эта точка зрения продолжала существовать, и в 30-е гг. она все в большей степени становилась противовесом доминирующей концепции о плановом "постепенном строительстве".

В это время главным сторонником максимализма стал Владимир Жаботинский. Жаботинский вырос в России, в нерелигиозной еврейской семье и с юности органически вписался в русскую жизнь, впитал русские идеалы, погрузился в русскую литературу. Преследования царских властей нанесли удар по его русофильству. Подобно Герцлю и Нордау, Жаботинский воспринял идею еврейского государства как прямую возможность добиться свободы и самоутверждения для своего народа. В возрасте двадцати трех лет он принял участие в 6-м Сионистском конгрессе, попал под влияние Герцля и стал яростным сторонником политического сионизма. Кроме того, для Жаботинского, как и для Герцля, сионизм означал революцию не только в положении евреев, но и в их национальном характере. Презрительно относясь к ограниченности еврейского прозябания в диаспоре, Жаботинский рассматривал сионизм как средство, с помощью которого евреи преодолеют покорность и трусость и станут гордым, воинственным и отважным народом. Он хотел, чтобы евреи были не хуже других

и на поле боя, и в спорте. Во время путешествий он изучил ряд языков. В Италии он с восторгом изучал Данте и д'Аннунцио[15]. Там его внимание привлекли Мадзини и Гарибальди. В Италии Жаботинский развил и свой недюженный дар оратора со склонностью к театральным эффектам. Ни его очки, ни выпяченный подбородок, ни подчеркнутая резкость не могли ослабить его необыкновенного личного обаяния. Он стал, наряду с Герцлем, одним из самых ярких лидеров сионизма.

Мы уже говорили о том, что формирование Еврейского легиона во время войны практически было заслугой Жаботинского. Впоследствии он работал в тесном сотрудничестве с недолго просуществовавшей сионистской комиссией в Палестине. Еще в пору своего политического становления он упрекал Вейцмана, президента Сионистской организации, в доверчивости и даже наивности по отношению к англичанам. Жаботинский доказывал, что следует немедленно добиваться их согласия на широкомасштабную еврейскую иммиграцию и создание еврейских вооруженных сил в Палестине. Войдя в руководство организации самообороны, Жаботинский лично руководил ее действиями во время апрельских событий в Иерусалиме. После этого он был арестован англичанами и за "подстрекательство к насилию" осужден на длительный срок. Хотя вскоре приговор был отменен, в ишуве и в диаспоре с именем Жаботинского был связан с той поры образ невинно осужденного героя. В кругах еврейской молодежи он стал символом воинствующего сионизма.

Впоследствии Жаботинский как член исполнительного комитета Сионистской организации все больше возражал против вейцмановской практики постепенности действий в Эрец-Исраэль. В 1922 г.

он выступил с предложением потребовать от мандатных властей усиления деятельности по созданию еврейского национального очага, смещения антисионистски настроенных чиновников и "обеспечения безопасности еврейского населения и беспрепятственного развития созидательной деятельности сионистов..." Он утверждал, что из создавшегося тупика существует лишь один выход: "выяснить отношения" с англичанами. Нетрудно представить реакцию Вейцмана на столь далекий от дипломатии подход к делу. Ввиду невозможности дальнейшего сотрудничества с президентом Жаботинский вышел из состава руководства Сионистской организации. Затем он переехал в Берлин, где вошел в редакционную коллегию "Рассвета", органа русских сионистов, эмигрировавших в Европу. В этом журнале он повел активную борьбу с лидерами сионизма. Великие планы Герцля остались нереализованными, Сионистская организация отреклась от своих политических целей, она занята поисками денежных фондов и филантропией, утверждал Жаботинский.

К 1923 г. умерли два последних крупных деятеля из поколения Герцля — Нордау и Оскар Марморек[16]. В это время Жаботинский принял решение создать собственное альтернативное политическое движение. Побывав в Латвии и Литве, он познакомился с группой деятельных молодых людей, разделявших его взгляды и уже организовавших общество Бетар[17] с максималистской программой. Это общество стало опорой Жаботинского. В 1924 г. он перенес редакцию "Рассвета" в Париж, а в апреле следующего года основал ревизионистское движение. Программное обращение Жаботинского было распространено в странах Восточной Европы и сразу вызвало отклик в среде молодых ев-

реев диаспоры, разочаровавшихся в сионизме из-за его явной неспособности решить мучительные проблемы антисемитизма и еврейской государственности. Жаботинский яростно нападал на "вялую и бледную" сионистскую программу, которая ограничилась созданием Еврейского университета и абсорбцией нескольких тысяч иммигрантов. Ревизионизм, говорил Жаботинский, требует "постоянного и активного участия" мандатория в создании еврейского государства. Массовая колонизация — не дело частных лиц или энтузиастов, это государственная задача, для которой необходима деятельная поддержка государственного аппарата. Иными словами, по мнению Жаботинского, следовало привлечь Великобританию к созданию национального очага в качестве полноправного партнера — в противовес политике Вейцмана, считавшего, что колонизация Палестины — это задача еврейского народа.

Через несколько лет на смену этой бескомпромиссной программе пришла другая, еще более решительная, требовавшая "постепенного превращения Палестины [включая Трансиорданию] в самоуправляемое образование под эгидой сложившегося еврейского большинства". "Постепенность" в понимании Жаботинского заключалась в создании еврейского большинства в Палестине. Это и есть главная задача сионизма, утверждал он, и для нее необходимо поддерживать иммиграцию на уровне 40 000 человек в год в течение ближайших двадцати пяти лет. План был революционным, хотя Сионистская организация и ее печатные органы и заклеймили его как "предательство": он подрывал неутомимые дипломатические усилия Вейцмана по умиротворению арабов и англичан. Однако и Жаботинский сбрасывал со счетов арабскую проблему

— просто, в отличие от социалистов, он принимал оппозицию арабов как нечто неизбежное и считал их враждебность неминуемой. В конце концов, у арабов есть на Ближнем Востоке и другие земли, а евреи в Европе, по сути дела, обречены, поэтому их моральное право на Палестину неоспоримо. Компромиссы же невозможны.

Эта программа, ясная, жесткая и прямолинейная, возникшая в момент глубокого разочарования еврейства, по силе воздействия была сродни "Еврейскому государству" Герцля. На конференции Союза сионистов-ревизионистов собиралось все больше делегатов из Европы и Соединенных Штатов. В 1925 г. ревизионисты были представлены на Сионистском конгрессе четырьмя делегатами. Не обескураженный таким скромным результатом, Жаботинский много ездил, активно занимался пропагандой и заручился поддержкой нескольких десятков тысяч новых сторонников. В 1929 г. на Сионистском конгрессе присутствовал уже 21 делегат-ревизионист, а в 1931 г. их стало 52.

Именно в это время Жаботинский окончательно разочаровался в сионистском руководстве. Это объяснялось несколькими причинами. Несмотря на возражения ревизионистов (и не только их), за счет представителей несионистских течений был расширен состав Еврейского Агентства. Вскоре после этого начались погромы 1929 г., и англичане под давлением арабов продемонстрировали готовность отказаться от идеи еврейского национального очага. Наконец, Сионистская организация, осудив Вейцмана за "минимализм", в то же время приняла весьма расплывчатую резолюцию о будущих еврейских действиях в Палестине. Возмущенный этими свидетельствами слабости, Жаботинский заявил, что "политику исполнительного комитета следует

объявить обанкротившейся" и что ревизионистам лучше вообще выйти из Сионистской организации. Это решение было ускорено 18-м Сионистским конгрессом 1933 г., когда после убийства Арлозорова[18] большинство сионистов, в частности, социалистов, отказалось от совместной работы с ревизионистами в исполнительном комитете. Напряжение стало невыносимым, и ревизионисты решили форсировать события. Их Союз постановил начать независимые от Сионистской организации действия, организовать свои представительства в зарубежных странах, создать собственные фонды, а также другими способами показать свою независимость от официального сионистского движения. В 1935 г. все попытки примирения закончились крахом. Летом того же года, после опроса членов Союза, Жаботинский объявил об учреждении Новой сионистской организации, которая порывает всякие связи со старой. Первый конгресс созданной организации состоялся в Вене; его делегаты представляли 713 тысяч ревизионистов (представителей на 19-й Сионистский конгресс избирало всего 635 тысяч человек).

Свободные от подчинения Сионистской организации и от ее обязательств по отношению к мандаторию, ревизионисты перешли к установлению контактов с другими правительствами без согласия англичан. Так, сам Жаботинский взялся за то, чтобы добиться поддержки от восточноевропейских государств, возникших в результате Версальского договора 1919 г.: от них требовался нажим на Великобританию с целью открытия доступа в Палестину еврейской иммиграции. В сотрудничестве с реакционным польским правительством Жаботинский и его коллеги разработали десятилетний план массового переселения евреев в Святую землю. В то же время они осуществляли свою собственную

программу нелегальной иммиграции — к 1939 г. им удалось тайно переправить в Палестину почти 15 тысяч евреев. К этому моменту Новая сионистская организация располагала большой сетью вспомогательных организаций, в том числе союзами студентов, ветеранов, женщин, Ревизионистским школьным обществом и спортивным клубом "Нордия". В Палестине группы молодых ревизионистов основали военную организацию Эцел[19], которая повела решительную борьбу с арабским террором.

К концу 30-х гг., по мере того как выдвигались новые молодые лидеры, ревизионизм становился все более радикальным. Эта новая ориентация возникла под влиянием молодежного движения Бетар — в 1938 г. оно насчитывало 78 тысяч членов в 26 странах мира. Как и другие сионистские молодежные движения, Бетар готовил европейских евреев к жизни в Палестине, организовывал учебные хозяйства и курсы иврита. Однако особое внимание уделялось военной подготовке, дисциплине, массовым видам спорта; была введена военизированная форма, устраивались факельные шествия. Руководители Бетара признавали Жаботинского своим лидером, но, вопреки его желанию, движение это все больше приобретало правый уклон, а временами — опасное сходство с итальянским молодежным фашистским движением. Против милитаризма как такового Жаботинский не возражал: из занятий историей он вынес убеждение, что все великие нации рождаются благодаря военным победам. Однако до конца жизни он опасался того, что деятельность Бетара может, вопреки истине, создать ему репутацию фашиста. Интересно, что Муссолини благосклонно относился к сравнению бетаровцев с фашистами и в 1935 г. сказал главному рав-

вину Рима Давиду Прато: "Чтобы сионизм победил, нужно, чтобы у вас было еврейское государство с еврейским флагом и еврейским языком. По-настоящему это понимает ваш фашист Жаботинский". На самом деле, Жаботинский отвергал фашизм. Он подчеркивал, что образцами ему служат Мадзини и Гарибальди, а не Муссолини или — Боже сохрани! — Гитлер. И сам он, и Бетар боролись против нацизма на словах и на деле — они первыми среди сионистов объявили коллективный бойкот германских товаров.

Тем не менее, социально-экономические воззрения Жаботинского отнюдь не ослабляли представления о нем как об ультраправом лидере. В юности он был социалистом, восхищался киббуцным и мошавным движением в Палестине, но был потрясен тем разрушительным действием, которое оказала большевистская революция на его семью и на российский сионизм. В последующие годы он рассматривал борьбу сионистов-социалистов за заработную плату, страхование, организации забастовок как отвлечение от национальной борьбы против англичан и арабов. Жаботинский, с его властным характером, не выносил социалистической уравниловки, он возлагал надежды на средний класс, зарождавшийся в Палестине. "Если существует класс, в руках которого будущее, — писал он в одной из статей, — то это мы, буржуазия, враги всевластного полицейского государства, идеологи индивидуализма... Нам нечего стыдиться, друзья мои — буржуа". Борьбу против социалистов Жаботинский вел не только на страницах газет. С его одобрения руководство Бетара в октябре 1935 г. распространило среди членов своей организации секретный циркуляр, согласно которому желающие эмигрировать в Палестину должны были избегать

сотрудничества с Еврейским Агентством, выдававшим разрешения на въезд, поскольку в нем господствовали социалисты. Лучше связаться в Палестине непосредственно с работодателями, которым разрешено набирать рабочих за границей, — так рекомендовалось в циркуляре. За год до этого Жаботинский санкционировал учреждение Национальной федерации труда, которую поддерживали ревизионисты. Эта организация отрицала классовую борьбу и действовала независимо от Хистадрута. Большинство этих мер не принесло результатов. Однако они и то, что бетаровцы время от времени выступали в качестве штрейкбрехеров по просьбе еврейских работодателей, вызывало возмущение сионистов-социалистов.

Вражда между левым и правым крылом в сионизме могла оказаться такой же опасной, как и классовый раскол в европейских странах. Это показывает случай, произошедший ночью 16 июня 1933 г., когда Хаим Арлозоров, директор политического отдела Еврейского Агентства и самый молодой среди палестинских лидеров рабочего сионизма, был убит выстрелом во время прогулки с женой по набережной Тель-Авива. Три дня спустя был арестован Аврахам Ставский, рабочий-ревизионист; позже вдова Арлозорова опознала в нем человека, сопровождавшего убийцу. Представ перед окружным судом, Ставский был признан виновным и приговорен к повешению. Немаловажно было то, что его арестовали в доме Аббы Ахимеира, редактора ревизионистской газеты, которого заподозрили в том, что он спланировал преступление. Ведущий теоретик палестинского ревизионизма, Ахимеир неоднократно высказывал свое презрение к "большевистскому духу" социалистического сионизма. Позднее в своих статьях он отстаивал и

правомерность политического террора.

Хотя обвинение против Ставского было снято после апелляции, социалисты продолжали считать, что и он, и Ахимеир замешаны в убийстве. Однако эти подозрения не подтвердились. Напротив, после второй мировой войны в суде было рассмотрено несколько дел о клевете, показавших, что Ставский, возможно, был невиновен. Тем не менее, к этому времени ревизионизм и социалистический сионизм уже были разделены пропастью смертельной братоубийственной ненависти. Бен-Гурион назвал Жаботинского фашистом и дал ему прозвище "Владимир Гитлер". В дальнейшем под давлением событий расхождение между Бен-Гурионом и ревизионистами по арабскому вопросу значительно уменьшилось. Но все же социально-экономическая конфронтация между двумя течениями не прекращалась ни на минуту, даже в самые критические дни, когда на карту было поставлено существование нации.

Пятая алия. Рост капиталистического сектора

Если в 20-е и 30-е гг. социалистический сионизм и его организации укрепили свои позиции, то не менее ощутимым в этот период был и рост капиталистического предпринимательства. Спрос на палестинские цитрусовые был постоянным. В 1931 г. еврейским (капиталистическим) хозяевам плантаций принадлежало 50 тысяч дунамов земли, а в 1936 г. площади плантаций выросли в три раза. Экспорт увеличился с 2,5 млн. ящиков в 1931 г. до 5,9 млн. в 1936 г., а число наемных рабочих-евреев — с 8 тысяч до 16 тысяч человек. К 1936 г. еврейская промышленность окрепла настолько, что смогла выйти за пределы внутреннего рынка, за-

хватывая Египет, Левант[20] и Южную Африку. В то время, как остальной мир погрузился в экономическую депрессию, Палестина, как ни парадоксально, вступила в период небывалого роста.

Такое развитие событий отчасти объяснялось деятельностью нового верховного комиссара Артура Уокопа, проявлявшего заботу об ишуве и еврейском частном предпринимательстве. Однако главная причина заключалась в массовом притоке новых иммигрантов. В 1932 г. иммиграция выросла до 12,5 тысяч человек, в 1933 г. она достигла 37 тысяч, в 1934 г. — 45 тысяч и в 1935 г. — 66 тысяч. Затем были введены новые ограничения, и темпы иммиграции несколько замедлились. Тем не менее, существенно, что лишь за период с 1932 по 1935 г. еврейское население Палестины удвоилось, увеличившись со 185 до 375 тысяч. В эти годы ни в какую другую страну не въехало такое количество евреев. Как и раньше, большинство иммигрантов прибывало из Восточной Европы, где полуофициальная юдофобия польского и румынского правительств сделала жизнь евреев невыносимой. Однако впервые за все время значительное число переселенцев составили евреи, бежавшие из Центральной Европы от преследований нацистов. Для страны, характер которой определялся восточноевропейскими иммигрантами, такое количество немецкоязычных евреев было совершенно новым явлением. До 1933 г. число приезжавших за год немецких, австрийских и чехословацких поселенцев никогда не превышало 2 тысяч, что составляло менее 2,5 процентов от общего числа иммигрантов. Затем, в 1933 г., их количество составило уже четверть всех приехавших за год, в 1934 г. — 23 процента, в 1935 г. — 13 процентов, в 1936 г. — 29 процентов, в 1937 г. — 35 процентов, в 1938 г. —

55 процентов и в 1939 г. — 71 процент. Хотя евреи из Центральной Европы численно и оставались в меньшинстве, благодаря своей культуре, профессиональным навыкам и ввезенному капиталу они придали особый характер тому, что получило название Пятой алии.

В экономическом отношении немецкоязычные иммигранты оказались самой преуспевающей группой в истории ишува. В большинстве своем они усвоили сионистские идеи еще в Европе. Преданные сионизму, образованные и достаточно обеспеченные, за несколько лет они сумели встать на ноги. Приблизительно четверть выходцев из Центральной Европы поселилась в деревнях. Бóльшая часть молодежи, входившей в сионистские движения в Европе, вступила в киббуцы. Среди них было и несколько тысяч человек, прибывших в Палестину в рамках Молодежной алии, организованного переселения еврейских детей из Германии[21]. В киббуцах, в обществе сверстников им было легче приспособиться к жизни вдалеке от родителей. Многие иммигранты также занялись сельским хозяйством в киббуцах и на различных частных и кооперативных фермах. В результате еврейское сельское население возросло с 45 тысяч человек в 1931 г. до 105 тысяч в 1939 г. и составило около 27 процентов всего ишува. В это время сельскохозяйственный сектор находился на подъеме. Существенную роль в этом сыграли агростанции и современные системы ирригации, созданные благодаря Еврейскому Агентству, однако еше более важным фактором оказалось увеличение городского рынка сбыта. Еврейские сельскохозяйственные колонии впервые смогли продавать свои товары по ценам, окупающим затраты, и все в большем количестве. В 1938 г. поселения всех типов — коллективные, кооперативные и капита-

листические — давали доход. Многие оказались в состоянии начать возврат ссуд.

Однако основным результатом Пятой алии (как и иммиграции начала и середины 20-х гг.) было развитие еврейских городских поселений, которые полностью преобразились и начали превращаться в города современного типа. Тель-Авив с пригородами абсорбировал не менее половины всех новых иммигрантов. Население этой "метрополии", включая Яффо, выросло с 46 тысяч в конце 1931 г. до 135 тысяч в 1935 г. Еврейское население Иерусалима увеличилось с 53 тысяч в 1931 г. до 70 тысяч в 1935 г. В Хайфе, которую Герцль считал "городом будущего", англичане в 1933 г. построили современный морской порт, а в 1934 г. туда был проведен нефтепровод из Мосула. Еврейское население Хайфы с 1931 по 1935 г. почти утроилось, увеличившись с 16 до 40 тысяч. За то же время в Тверии и Цфате поселилось по 11 тысяч новых иммигрантов. Петах-Тиква, население которой достигло 18 тысяч, в 1938 г. получила статус муниципального центра.

Развитие городов, в свою очередь, было обусловлено притоком значительных капиталов немецких евреев. Как ни парадоксально, нацисты не слишком противились перемещению еврейских денег в Палестину. В соответствии с соглашением между германским министерством иностранных дел и Еврейским Агентством, евреи, эмигрируя из рейха, могли вывезти часть своих капиталов в виде немецких товаров. Приобретенная таким образом собственность перевозилась в Палестину и продавалась там. Таким образом, немецкие евреи привезли с собой не только знания и опыт в области бизнеса, промышленности и различных профессий, но и капитал, составляющий 63 миллиона палестин-

ских фунтов. Вложение этих денег в торговлю и промышленность привело к заметному расширению производства, особенно в области металлообработки, а также текстильной и химической индустрии. Число промышленных фирм возросло с 6 тысяч в 1930 г. до 14 тысяч в 1937 г. За тот же период число наемных рабочих выросло с 19 до 55 тысяч. О темпах развития можно судить по тому, что с 1931 по 1939 г. промышленное потребление электроэнергии, которую обеспечивала Палестинская электрическая корпорация, увеличилось в семь раз. За то же время другой важнейший концессионер Палестины — Палестинская поташная компания — вшестеро увеличил объем добычи на Мертвом море в стоимостном выражении с 70 до 428 тысяч палестинских фунтов. В середине 30-х гг. были все основания с оптимизмом смотреть на экономическое будущее ишува, связанного с Европой и Азией торговыми отношениями и новыми морскими и авиационными линиями.

Обострение политической борьбы в сионистском движении

Следовало ожидать, что развитие капиталистического предпринимательства в Палестине окажет значительное влияние на политическую жизнь ишува. И действительно, стремительный рост ревизионистских настроений в 20-е — 30-е гг. явно отражал тенденцию к правому уклону в идеологии. Однако возмущение, вызванное убийством Арлозорова, и предположение, что в этом замешаны ревизионисты, существенно подорвали репутацию этого движения в ишуве. После смерти Арлозорова социалистические партии укрепили свой контроль над общественными учреждениями ишува и над

Сионистской организацией. У нерелигиозных и не настроенных социалистически евреев оставалась только одна возможность — центристская позиция общих сионистов[22]. В диаспоре большинство сионистов по-прежнему принадлежало к среднему классу, и именно их голоса в совокупности с голосами ишува определяли состав конгрессов, на которых избирали членов Еврейского Агентства. А в 30-е гг. Еврейское Агентство играло в самоуправлении ишува более важную роль, чем Собрание депутатов.

Сионизм среднего класса и среднего, центристского направления в политике на протяжении десятилетий не выступал в качестве партии на Сионистских конгрессах и не имел собственной четко выраженной позиции. В это течение, не имевшее специфических черт, кроме преданности идеям сионизма как такового, входили те члены организации, которые не принадлежали к какой-либо определенной идеологической группировке, будь то Мизрахи, Поалей Цион или ревизионисты. Вне всякого сомнения, к сионистам центристского толка принадлежали Вейцман, Соколов, Брандайз и другие лидеры — люди, одержавшие в военный и послевоенный периоды великие политические победы, включая Декларацию Бальфура и решение относительно еврейского национального очага. На 12-м Сионистском конгрессе в 1921 г. сионисты центристского направления составляли 73 процента делегатов, в то время как социалисты — 8, а Мизрахи — 19 процентов. Однако дальнейшие события показали, что на 12-м конгрессе влияние общих сионистов достигло своего апогея. В последующие годы идеологический и численный перевес принадлежал уже не им, а социалистам, ревизионистам и религиозным сионистам. Общие сионисты

пренебрегли возможностью сплотиться в активно действующую партию с четко сформулированной программой, вследствие чего на более поздних конгрессах это движение переживало явный упадок. Так, в 1923 — 1925 гг. число его представителей среди делегатов снизилось до 60 процентов, а в 1931 г. — до 36 процентов. Еще важнее то, что у общих сионистов не оказалось достаточной опоры в ишуве. Они ограничивались тем, что поддерживали Керен ха-Иесод и Еврейский национальный фонд, сионистскую школьную сеть и культурные учреждения диаспоры. Достижения общих сионистов в Палестине в сравнении с успехами социалистов выглядели не блестяще, особенно потому, что это направление не пыталось создать собственную идеологическую доктрину.

Поражение 1931 г. показало центристам, что пора укреплять свои позиции. В том же году они включились в политическую борьбу и основали в Базеле Всемирный союз общих сионистов. Это дало лишь отрицательный эффект: участники учредительного съезда не сумели прийти к согласию в вопросах идеологических установок. Вскоре после того, как 2-й конгресс Всемирного союза общих сионистов в 1935 г. поддержал программу, направленную против социалистического сионизма, организация распалась, и вместо нее возникло две новых: консервативное крыло сохранило прежнее название, а либералы назвали свою ассоциацию Конфедерацией общих сионистов; однако в Палестине она получила название "общие сионисты "А". Общие сионисты "А" привлекли к себе недавних иммигрантов из Центральной Европы, которых устраивала возможность отмежеваться от социалистов, не примыкая к чрезмерно радикальным ревизионистам. Однако в 1936 г. группировка "А"

в Палестине едва насчитывала 6 тысяч членов. Правда, она пользовалась признанием как партия Вейцмана, и три ее члена заседали в "правительстве" ишува — исполнительном комитете Еврейского Агентства. Вторая, консервативная фракция с 1935 г. была известна в Палестине как общие сионисты "Б". Отвергая экстремизм и правый уклон экономической доктрины ревизионизма, группировка "Б" сосредоточилась на защите частного предпринимательства. С нею были связаны Федерация фермеров (капиталистической направленности) и Палестинская ассоциация промышленников. Однако фракция "Б" была еще меньше, чем либеральная фракция "А", и в исполнительном комитете Еврейского Агентства ее представлял один человек. Общие сионисты "Б" не проявили особой активности в политической сфере ни в Палестине, ни на Сионистских конгрессах.

У не принадлежащей к религиозным кругам буржуазии ишува почти не оставалось выбора. Религиозный сионизм, представленный Мизрахи, казался наименее привлекательным. Это движение, несомненно, приобрело влияние с начала XX века, когда первые раввины Мизрахи решили примкнуть к сионизму. В 20-е — 30-е гг. многие иммигранты-традиционалисты стали убежденными последователями почитаемого главного раввина Палестины Аврахама Кука[23]. Однако, если сам Кук был человеком подлинной святости и колоссального ума, его сторонники отнюдь не проявляли свойственной ему терпимости по отношению к неверующим. Кроме того, они использовали сионистские учреждения для того, чтобы навязывать свои взгляды другим. В результате как в Палестине, так и на Сионистских конгрессах от Мизрахи отвернулись все, кроме самых фанатично верующих.

Политические интриги были свойственны и другой партии — Агуддат Исраэль[24]. В ее состав входили самые крайне религиозные ортодоксы, в том числе и хасиды, проживавшие в Иерусалиме в Старом городе и в районе Меа-Шеарим, а также в Тель-Авиве, Бней-Браке и Петах-Тикве. В XIX и начале XX века они существовали за счет халукки и с презрением отвергали участие в сионистском движении. В 1927 г. они добились от мандатной администрации признания их особого статуса вне организованной тогда Кнесет-Исраэль[25]. Очевидно, жизнь, выходившая за пределы семьи и синагоги, их не интересовала.

Расколы партий были обусловлены не только идеологическими расхождениями и многовековой склонностью евреев к расколу из-за мельчайших расхождений в доктринах, но и внутренним устройством Сионистской организации. На протяжении многих лет складывались традиции проведения конгрессов. Система выборов становилась все сложнее: сохранялся отживший метод голосования не за отдельных кандидатов, а по спискам, представленным международными сионистскими партиями, с последующим пропорциональным представительством. Метод этот не допускал выражения индивидуальных предпочтений, связанных с конкретными кандидатами. Центральные комитеты партий бдительно контролировали и выдвижение своих представителей в списки, и чистоту идеологических догм. Политическая жизнь усложнялась и тем, что сионисты Палестины, участвуя в выборах, имели по два голоса. С течением времени это обстоятельство дало лидерам партий ишува возможность занять доминирующие позиции на конгрессах.

Еще важнее было то, что партийные интересы самым пагубным образом влияли на политиче-

скую жизнь ишува. Особенно страсти накалялись в связи с проблемой иммиграции. Напомним, что мандатные власти определяли количество иммигрантов различных "категорий" (капиталисты, земледельцы, наемные рабочие и т.п.), а Еврейское Агентство должно было распределять сертификаты на въезд в Палестину в Европе и за ее пределами. Это распределение и вызвало жесточайшую борьбу между партиями, каждая из которых имела квоту в соответствии с ее влиянием в Сионистской организации и особенно — в Палестине. Фракционная борьба за иммиграцию определяла все аспекты жизни потенциального переселенца. От нее зависело не только, как и когда он приедет в Палестину, но и какова будет его дальнейшая судьба в ишуве. Ибо и на Святой земле от партий зависела почти вся жизнь общества. Они контролировали киббуцы, мошавы, рабочие места в городах, в Хистадруте и даже в аппарате мандатной администрации. Под их контролем находились три основные системы школ и банки. В сущности, партии представляли замкнутые и соперничающие друг с другом сообщества, во власти которых была вся жизнь палестинского еврея — от колыбели до могилы.

Национальный очаг с трудом выдерживал этот накал политических страстей. В 1933 г., когда наступила кульминация мирового экономического кризиса, а в Германии пришел к власти Гитлер, Сионистская организация осознала, какие возможности она упустила. Сионизм по-прежнему оставался движением меньшинства в диаспоре. Денег, поступавших от Керен ха-Иесод и Еврейского национального фонда, явно не хватало. Палестинский бюджет, принятый конгрессом, — 175 тысяч палестинских фунтов — оказался самым маленьким за всю историю мандата. Чаяния Вейцмана, наде-

явшегося в 1929 г., что расширенное Еврейское Агентство сумеет мобилизовать все ресурсы мирового еврейства, явно не оправдались. Через несколько дней после создания Агентства Луи Маршалл, председатель его совета, на которого возлагались надежды как на защитника интересов Агентства в Соединенных Штатах, скоропостижно скончался. Без его руководства и престижа фонды Джойнта и деньги еврейских филантропов, входивших в американский истеблишмент, были недоступны. Хуже того, к категории несионистских членов Агентства начали причислять всех тех, кто не был официальным представителем какой-либо сионистской партии или учреждения. В такой ситуации Еврейское Агентство вместо того, чтобы дать возможность для подлинного сотрудничества между мировым еврейством и сионизмом, вновь очутилось в руках людей, жесткие идеологические установки которых определяли их позицию.

Как ни мрачно обстояли в 30-е гг. дела сионистов в организационном плане, все же можно было заметить и проблески надежды. В Европе и в Соединенных Штатах разрастались сионистские молодежные движения всех партий и направлений. В рамках этих движений особый упор делался на эмиграцию в Палестину, создание киббуцов и других сельскохозяйственных поселений. В Польше и прибалтийских государствах усилиями сионистов была создана сеть ивритских школ "Тарбут", — таким образом, сбылась мечта Бен-Иехуды. Более того, организационные просчеты сионизма не скомпрометировали в глазах мирового еврейства значимости роста впечатляющих достижений ишува. Свобода, физическое и духовное пробуждение, чувство собственного достоинства, уверенность в себе — все это пришло вместе с возрожденным национа-

льным чувством. Оно заставляло чаще биться сердца польских евреев в лапсердаках и пробуждало симпатии у выходцев из Восточной Европы, обосновавшихся в Америке. Бухарестский школьник, бруклинский портной, разочаровавшийся в жизни венский интеллектуал — все они не остались безразличны к новому образу еврея, покрытого бронзовым загаром, говорящего на собственном языке — иврите, вспахивающего собственное поле, крепко держащего в руках винтовку, поющего свой национальный гимн, говорящего громким голосом и не придавленного страхом. Реальные достижения вызывали у евреев диаспоры надежды и тревожили воображение, они нашли выход в постепенном, порой робком возрождении еврейской народной музыки и театра, живописи и литературы, даже еврейского религиозного самовыражения. Накануне второй мировой войны уже можно было сказать, что мечта Ахад-ха-Ама о нравственном возрождении диаспоры относится не только к отдаленному будущему.

Глава IX

ОТСТУПНИЧЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Вмешательство стран Оси

Военная мощь Великобритании на Ближнем Востоке в 20-е и 30-е гг. была велика. Англичане со всей серьезностью относились к своим мандатным обязательствам в том, что касалось стремления их арабских подопечных к независимости. Так, в 1930 г. они заключили с багдадским правительством короля Фейсала договор, предоставляющий юридический суверенитет Ираку при сохранении на его территории британских военных баз. Точно так же Абдаллаху, ставшему в 1922 г. эмиром Трансиордании, было позволено создать собственное правительство и в перспективе обещана независимость. Египет, оккупированный англичанами в 1882 г., в 1922 г. обрел независимость, а еще 14 лет спустя британская армия сократила численность находившихся там гарнизонов. Эти действия имели большое значение, и в 1935 — 1936 гг. примеру Англии последовала Франция, заключив договоры с правительствами Сирии и Ливана. Однако и англичане, и французы поступили подобным образом, не просто следуя своим юридическим обязательствам. Не в

меньшей степени на их решения влияло давление арабских и египетских националистов. Рост национализма временами приводил к вспышкам насилия, которые не только угрожали прочному положению Англии и Франции на Ближнем Востоке, но и могли быть на руку европейским противникам этих государств.

Италия, выступавшая против англичан и французов, стремилась "исправить несправедливость" Парижской мирной конференции и распространить свое влияние на все средиземноморское побережье. Надо сказать, что после 1935 г. эти имперские амбиции стали вполне реальными. Укрепившись в Африке: в Ливии, Эфиопии и итальянском Сомали, — Муссолини начал подумывать о французском Тунисе на западе и Египте и Леванте на востоке. Некогда в эти края приходили торговые суда из Венеции, Генуи и Триеста. Каждый вечер расположенная в Бари мощная коротковолновая радиостанция вела на арабском языке пропагандистские передачи, предназначенные для стран Магриба[26] и Ближнего Востока. Они были полны нападок на английские и французские оккупационные власти в арабских государствах. Выступая в качестве "друга и защитника ислама", дуче в то же время ясно давал понять, что считает Средиземное море "итальянским".

Стремление Италии заручиться влиянием в мусульманском мире всячески поддерживалось нацистской Германией. Гитлер, в сущности, не пытался распространить свои территориальные претензии на восточное Средиземноморье. Считалось само собой разумеющимся, что Ближний Восток включен в сферу итальянской экспансии. Однако в планы фюрера входил подрыв англо-французского влияния в регионе, который традиционно считался

сферой влияния Франции и Великобритании. Поэтому уже в 1935 г. нацистское министерство пропаганды субсидировало различные курсы, институты и журналы, посвященные Ближнему Востоку, вкладывая миллионы марок в "просветительскую" деятельность немецких пресс-атташе и советников по культуре в исламских столицах. В 1938 г. немцы открыли радиостанцию для ведения пропагандистских передач в страны Ближнего Востока на всех языках этого региона — разумеется, за исключением иврита. Как и передачи итальянской станции в Бари и испанской в Севилье, немецкая программа имела большой успех в арабском мире. С одобрением встречали арабы и известных нацистов, приезжавших на Ближний Восток с "визитами доброй воли" — среди них были, между прочим, д-р Яльмар Шахт и Бальдур фон Ширах[27].

Пропагандисты из стран Оси достигли особого успеха, прибегнув к идеологическому трюку. Немецкие журналисты и дипломаты неустанно проводили параллель между пангерманскими идеями нацистов и "молодыми силами панарабского национализма, [который] является залогом арабского будущего". Еще важнее было то, что арабам постоянно напоминали о врагах, которые были в то же время и врагами нацистов. Даже в середине 30-х гг., когда Берлин проявлял известную сдержанность и не слишком явно обнаруживал свою неприязнь к Англии и Франции, немецкие дипломаты открыто пропагандировали нацистскую кампанию, направленную против евреев. Практически все газеты и журналы на арабском языке, издававшиеся немцами на Ближнем Востоке, пестрели антисемитскими выпадами. Выдержки из этих изданий широко распространялись Верховным арабским комитетом под руководством муфтия. Когда в 1935 г.

в Германии были введены Нюрнбергские расовые законы[28], Гитлер получил поздравительные телеграммы и хвалебные послания со всех концов арабского мира. Палестинская газета "Ал-Лива" не замедлила позаимствовать у нацистов их лозунг: "Одна страна, один народ, один вождь". Ахмед Хусейни, лидер "младоегипетского" движения, заявлял, что "сегодня в Европе подлинными демократиями являются только Италия и Германия, все прочие — всего лишь парламентские плутократии". Делегация иракских спортивных клубов, вернувшись в сентябре 1937 г. домой после поездки в Германию, выразила искреннее восхищение "национал-социалистическим порядком и дисциплиной". Карл Расван, известный журналист немецкого происхождения, в 1939 г. побывал в Трансиордании и был поражен почти полным единодушием арабов, говоривших ему, что "Италия и Германия сильны, а Англия, да и вся Британская империя существует лишь с согласия Муссолини и Гитлера". На Ближнем Востоке одна за другой появлялись ультраправые политические группировки и партии, сознательно взявшие за образец нацизм и итальянский фашизм.

Накануне арабского восстания

Ирония судьбы заключалась в том, что нацистская Германия, взявшая на себя роль покровительницы арабского мира и вдохновительницы арабского национализма правого толка, невольно способствовала развитию и укреплению сионизма в Палестине. По мере того, как росло преследование евреев в Германии, росла и еврейская эмиграция в Палестину и другие страны. Решающее значение в ее организации сыграли сионистские учебные

центры по приему беженцев, однако неожиданным образом исходу содействовало и правительство рейха. Напомним, что по уникальному в своем роде соглашению, евреи, эмигрируя из Германии, могли вывезти оттуда свои сбережения в виде немецких товаров, которые они затем продавали в Палестине. Необычное и по своим причинам, и по целям экономическое сотрудничество между рейхом и евреями Палестины окрепло и оказалось обоюдовыгодным. Хотя некоторые чиновники германского министерства иностранных дел и выражали недовольство такими отношениями, нацистское руководство по-прежнему положительно смотрело на любые действия, которые могли ускорить эмиграцию евреев из страны. Так и получилось, что Адольф Эйхман[29], эсэсовец, ответственный за еврейскую эмиграцию, не отказывал в помощи представителям сионистов из Палестины. Когда они попросили разрешения открыть учебные лагеря, где будущие эмигранты смогут пройти профессиональную подготовку, Эйхман охотно предоставил им помещения и оборудование.

Напомним, что Германия была не единственной страной, откуда вынуждены были уехать десятки тысяч евреев. Безобразный государственный антисемитизм процветал и в странах Восточной Европы, возникших после первой мировой войны. В 1939 г., когда "Великую Германию" покинуло 275 тысяч евреев, примерно такое же число их бежало из Польши, Венгрии и Румынии. Во многих государствах были установлены жесткие иммиграционные квоты и ограничения, поэтому не менее трети еврейских беженцев направилось в Палестину. Не удивительно, что эта волна еврейской иммиграции в Святую землю во второй половине 30-х гг. стала главной причиной новых арабских волнений. Даже

наиболее сдержанные и здравомыслящие арабские лидеры заявляли в 1936 г., что обязательство способствовать созданию еврейского национального очага уже выполнено Великобританией. Этот очаг, несомненно, существует, говорили они, поскольку почти 400 тысяч евреев располагают своей системой самоуправления, школами, университетами, больницами, культурными центрами, клубами и ассоциациями. Не пора ли, вопрошали критически настроенные арабы, вообще покончить с палестинским мандатом? Ирак, Египет, Сирия, Ливан получили независимость, даже в Трансиордании создано нечто вроде независимого правительства. Разве Палестина с ее арабским большинством не имеет на это права?

Яркими выразителями недовольства стали молодые арабские писатели Палестины, получившие образование уже во времена мандата. Некоторые из них были родом из Наблуса, небольшого города, жители которого — преимущественно мусульмане — при турках имели исключительно выгодные условия для развития промышленности; это привело к возникновению значительной прослойки националистически настроенных буржуа. В 30-е гг. самый выдающийся из писателей националистического толка, Мухаммад Иззат Дарваза, был директором средней школы, позже вошел в состав Верховного арабского комитета. Писатели Мухаммад Рафик ал-Тамини и Кадри Хафиз ал-Тукан, выходцы из Наблуса, служили учителями в частных школах, Ареф ал-Ареф был скромным чиновником в мандатном учреждении. Все они писали злобные антисионистские памфлеты, имевшие значительный успех. В арабском мире никто, пожалуй, не мог сравниться с ними по плодовитости и литературным достоинствам их журналистской деятельности. К

этой группе примыкали писатели помоложе — Мухаммад Юсуф ал-Хусейни (из знаменитого клана Хусейни) и Хасан Сидки ал-Даджани. Все их сочинения объединял один призыв — сплотиться в борьбе против сионистов и их покровителей-англичан и начать священную войну в Палестине, *джихад* палестинских арабов (именно так, кстати, называлась популярная книга, написанная в конце 30-х гг. тремя авторами-арабами из Яффо).

В результате беспрецедентной по размаху Пятой алии страсти разгорелись с новой силой. В статье, опубликованной в "International Affairs", палестинский христианин, юрист и журналист Эмиль Гори так выразил суть недовольства, царившего среди арабов:

> В 1918 г. мы, арабы, составляли 93 процента населения Палестины. К счастью, мы выросли численно, но в 1936 г. мы составляем лишь 70 процентов населения. В 1918 г. евреев было 7 процентов, а теперь — 29... Если еврейская иммиграция будет продолжаться, мы рискуем превратиться в меньшинство, что противоречит статье 6-й [постановления Лиги Наций о предоставлении мандата].

Арабские лидеры остро реагировали на публичные высказывания ряда воинствующих сионистов, в том числе Усышкина. "Конечно, я считаю, что евреи и арабы могут прийти к соглашению, — писал Усышкин в 1936 г., — но только если поставить арабов перед свершившимся фактом того, что евреи перестали быть меньшинством в стране". Схожее мнение Бен-Гурион высказывал Мусе ал-Алами. Разумеется, воплощением зла в глазах арабской интеллигенции был Жаботинский, который открыто

требовал создания в Палестине (включая Трансиорданию) еврейского государства. Это выводило из себя даже самых умеренных, опасавшихся всепоглощающего вала еврейской иммиграции.

Напомним, что несколькими годами ранее доклады Шоу и Хоуп-Симпсона 1929 г. и Белая книга 1930 г. только подкрепили эти опасения. Даже по завышенным оценкам арабов евреи владели в Палестине всего лишь 20 процентами пригодной для сельского хозяйства земли (по утверждению сионистов — менее, чем 5 процентами). Но арабы признавали лишь то, что бросалось в глаза, а видели они, что евреи покупают все новые и новые участки, что арабские феллахи все чаще перебираются в города. Видели они, и какой высокой производительности достигло еврейское сельское хозяйство. Для араба семейный надел обладал почти мистической ценностью — и вот земель у арабов становится все меньше! Однако ненависть к сионистам была вызвана не только страхом перед увеличением еврейского населения и расширением его землевладения. Не в меньшей степени она представляла собой реакцию на то деморализующее воздействие, которое еврейские социальные модели оказывали на традиционный арабский уклад. Карл Расван так передает эмоциональный монолог арабского крестьянина:

> Деньги — вот Бог [в Тель-Авиве]... Неужели вся Палестина когда-нибудь станет такой, и даже Святой город Иерусалим?.. Тель-Авив — это язва, разъедающая нашу страну. Если евреи хотят сделать такой всю Палестину, пусть лучше умрут мои дети. Мы не боимся бедности, но когда нас лишают покоя, мы скорбим. Мы жили скромно и без тревог, но что нам делать, если наши дети вырастут и на-

чнут, как обезьяны, подражать этим шумным пришельцам?

В 1936 г. под влиянием немецкой и итальянской пропаганды страх и ненависть, раздуваемые религиозными ксенофобами — сторонниками муфтия, вырвались наружу. Арабская пресса Палестины утверждала, что англичане разрешают евреям въезд в Святую землю, чтобы "столкнуть арабов в море и покончить с ними", что сионисты подстрекают к убийствам, нападениям на арабских женщин и разорению мечетей.

Напряжение еще более усилилось, когда вновь — и весьма несвоевременно — был поднят вопрос об управлении страной. В декабре 1935 г. верховный комиссар сэр Артур Уокоп предпринял новую попытку создать законодательные органы, в которые вошли бы арабы и евреи под беспристрастным руководством председателя, назначенного мандатными властями. На первый взгляд, идея казалась вполне здравой, поскольку уже в течение ряда лет действовали объединенные арабско-еврейские муниципальные советы. Однако муфтий и его приверженцы категорически отвергли этот план. Для них была неприемлема сама мысль о том, что к управлению Палестиной будут допущены евреи. Евреи тоже были не в восторге от этого плана, так как опасались, что арабы наложат свое вето на создание еврейского национального очага. Вейцман со своими коллегами повел борьбу против идеи Уокопа в Лондоне и в Иерусалиме и весьма в этом преуспел. Зимой 1936 г. возражения сионистов прозвучали в британском парламенте, подвергшем план законодательного совета резкой критике. Сионистов поддержала и мандатная комиссия Лиги Наций. Несмотря на предшествующие возражения,

арабы пришли в ярость от того, что в Лондоне и Женеве опять, как всегда, прислушались не к их заявлениям, а к протестам евреев: очевидно, сионисты в 1936 г. так же сумели заручиться могучими союзниками, как и в 1930 г., когда премьер-министр Макдональд дезавуировал Белую книгу Пасфилда. Пользуясь моральной и идеологической поддержкой стран Оси и видя, что в Европе Великобритания занимает сугубо оборонительные позиции, последователи муфтия решили, что сейчас представляется самый удобный случай нанести сионистам ответный удар.

Арабское восстание начинается

Первые неорганизованные вспышки насилия произошли в апреле 1936 г. Арабские бандиты остановили автобус и убили двух пассажиров-евреев. На следующую ночь в отместку были убиты два араба. После этого сторонники воинственного шейха Фархана ас-Саада начали уничтожать принадлежащую евреям собственность, разорять посевы и убивать мирных граждан. В ответ британские власти ввели в городах Палестины комендантский час и прибегли к другим чрезвычайным мерам. Этот взрыв насилия был на руку муфтию. Финансовые возможности Хадж Амина были очень велики — ежегодный доход за счет различных фондов в 1936 г. составил почти 115 тысяч палестинских фунтов. Теперь бóльшая часть этих денег была предоставлена представителям муфтия и зачинщикам беспорядков, которые начали активно действовать по всей стране, в мусульманских городах и селах. 25 апреля по инициативе и под председательством муфтия лидеры нескольких палестинских кланов создали Верховный арабский комитет.

Комитет поддержал призыв муфтия не платить налогов после 15 мая и провести общепалестинскую забастовку арабских рабочих и предпринимателей. Англичане поначалу решили не прибегать к карательным мерам в ответ на столь явное посягательство на их власть. Более того, верховный комиссар Уокоп готов был начать переговоры с муфтием и комитетом.

Сдержанность Уокопа не дала желаемого результата. Хадж Амин потребовал, чтобы англичане немедленно прекратили еврейскую иммиграцию, угрожая при этом "местью всемогущего Аллаха". За первыми вспышками насилия последовала массовая забастовка в знак протеста против иммиграционной политики властей. Она продолжалась около шести месяцев. Эта забастовка, организованная подручными муфтия, парализовала работу правительственных учреждений и транспорта, а также всего арабского частного сектора и, в значительной степени, сельского хозяйства. Как ни парадоксально, одним из прямых следствий забастовки было развитие еврейской экономики. Впервые значительное число евреев заменило арабских рабочих на цитрусовых плантациях, а еврейская сельскохозяйственная продукция вытеснила на рынках арабскую. С другой стороны, бремя забастовки все сильнее сказывалось на положении самих арабов.

К середине лета 1936 г. борьба разгорелась с новой силой: арабские террористы появились в окрестностях Иерусалима, в Галилее и Самарии. В большинстве своем это были местные жители, завербованные агентами Хадж Амина, однако вскоре в соседних арабских странах были созданы "Комитеты в защиту Палестины". Каждый месяц из Сирии и Ирака прибывало по 200–300 добровольцев. В последовавшей гражданской войне главную роль

сыграл Фаузи ал-Каукджи. Он родился в Алеппо, во время первой мировой войны служил в турецкой армии, а затем недолгое время работал на французскую разведку в Сирии. Однако, когда в 1925 г. в Сирии вспыхнул мятеж, Каукджи неожиданно переметнулся к повстанцам.

После подавления восстания он бежал и некоторое время находился на службе в иракской армии. Теперь, в 1936 г., решив выступить в роли арабского Гарибальди, Каукджи взялся за организацию палестинского восстания. Когда началась гражданская война, ему едва перевалило за сорок. Это был невысокий светловолосый человек, решительный, деятельный, энергичный — эти качества он развивал в себе, открыто подражая своему кумиру, Адольфу Гитлеру. Летом 1936 г. Каукджи организовал военную подготовку арабских националистов и создал объединенное командование разрозненными силами повстанцев. Он же наладил контрабанду оружия из стран Оси. Его партизанская тактика была довольно проста: заключалась она в ночных набегах на еврейские поселения, уничтожении посевов и скота и в убийствах.

Муфтий сделал ставку на вооруженное восстание за неимением лучшего — в результате забастовки палестинские арабы оказались в тяжелом положении. Прошло почти полгода с тех пор, как они не работали, и даже ресурсы среднего класса истощились. Верховному комитету нужно было найти предлог, чтобы без ущерба для своего авторитета прекратить забастовку. На помощь пришли мандатные власти. Сначала они обратились с просьбой о посредничестве к трансиорданскому эмиру Абдаллаху. К сожалению, в глазах муфтия хашимитский владыка был скомпрометирован своей зависимостью от англичан и дружескими связями

с сионистами. Сторонники муфтия уже несколько раз организовывали на него покушения. Тогда англичане решили обратиться к иракскому правительству. Это дало некоторые результаты. Министр иностранных дел Нури ас-Саид в конце июля 1936 г. приехал в Иерусалим и убедил членов Верховного арабского комитета вступить в переговоры с мандатными властями. На их решение повлияло и то, что Уокоп намекнул на возможность применения военной силы со стороны Великобритании. Это была не пустая угроза. В то время в Палестине было размещено 20 тысяч английских солдат, и еще десять тысяч должны были прибыть в скором времени.

Чтобы подсластить пилюлю, верховный комиссар объявил, что после прекращения восстания и забастовки в Палестину прибудет из Англии для расследования комиссия, и Верховный арабский комитет сможет представить свои жалобы на рассмотрение в соответствующие инстанции. Эта информация была передана муфтию правителями соседних арабских стран, которые убеждали его довериться "доброй воле дружественного британского правительства, которое заявляет о своем стремлении к справедливости". Предложение было принято. 11 октября Верховный арабский комитет призвал к прекращению забастовки. На следующий день арабы приступили к работе. Отрядам повстанцев, к тому времени основательно потрепанным англичанами, было разрешено беспрепятственно покинуть Палестину. Фаузи ал-Каукджи отбыл в Трансиорданию. С организованными действиями террористов было покончено. За время восстания в Палестине число пострадавших достигло 1300. Было убито 197 арабов, 80 евреев и 28 английских солдат. Убытки палестинских налогоплательщиков от

беспорядков, продолжавшихся полгода, составили почти 6 миллионов фунтов.

Комиссия Пиля

11 ноября 1936 г. Королевская комиссия прибыла в Палестину. Ей было поручено выяснить причины волнений, расследовать жалобы арабов и евреев и дать рекомендации на будущее. Все шесть членов комиссии были заслуженными людьми. Председатель, лорд Роберт Пиль, внук выдающегося английского политика XIX века[30], ранее занимал пост министра по делам колоний. Высокому, любезному, внушающему уважение Пилю было в то время семьдесят лет. Во время заседаний он неизменно сохранял присутствие духа. Вице-председатель, сэр Рамболд, был английским верховным комиссаром в Константинополе, а затем — послом в Берлине. В комиссию входили профессиональные дипломаты и опытные юристы, однако особым влиянием пользовался единственный ученый в составе комиссии — д-р Реджиналд Купленд, специалист в области истории колоний, профессор Оксфорда, приверженец неортодоксальной системы взглядов.

Хотя сионистов вовсе не радовало то, что их национальным очагом займется еще одна Королевская комиссия (слишком горькими были их воспоминания о предшествующих комиссиях Шоу и Хоуп-Симпсона), они согласились сотрудничать с Пилем. Напротив, Верховный арабский комитет решил из стратегических соображений бойкотировать заседания. Комиссия мужественно перенесла этот удар. С первого дня она начала собирать подробные показания свидетелей — англичан и евреев. За два месяца пребывания в Палестине состоялось 30 публичных и 40 закрытых слушаний. Сотруд-

ники Еврейского Агентства хорошо подготовились к расследованию и составили тщательно сформулированные меморандумы. Самым красноречивым свидетелем был Вейцман. Трижды выступив перед комиссией, лидер сионистов говорил о трагическом положении евреев в Европе и об антисемитизме, который поднимает голову во всех странах мира. Как обычно во время своих выступлений перед государственными деятелями, Вейцман остановился на исторической связи евреев со Святой землей и подробно рассказал об их достижениях в подмандатной Палестине. Он обратился к Англии со страстным призывом выполнить обязательства, содержащиеся в Декларации Бальфура и в условиях мандата Лиги Наций, и заверил своих слушателей, что "[если] теперь будет учрежден законодательный совет и если еврейское меньшинство получит в нем то же число мест, что и арабское большинство, евреи... никогда не потребуют изменения этого паритета, каким бы ни оказалось в будущем соотношение между арабским и еврейским населением".

Это заявление было поддержано выступлением Бен-Гуриона, председателя палестинского исполнительного комитета Еврейского Агентства. В планы сионистов вовсе не входит превращение Палестины в еврейское государство, говорил Бен-Гурион (вероятно, все-таки не вполне искренне), или господство над арабским населением. Одновременно он и его сторонники настаивали на праве евреев на неограниченную иммиграцию и приобретение земли. Сионистские лидеры приводили экономические и агрономические данные, чтобы опровергнуть заявления арабов, будто в Палестине не хватает земли и нет возможности принять новых иммигрантов. Они постоянно подчеркивали, что лучший способ примирить арабские и еврейские

интересы — это экономическое развитие.

Но и на этот раз сионисты не сумели правильно оценить всей глубины страха и ненависти, владевших арабами. Это стало ясно лишь после того, как муфтий и его сторонники — под давлением иракского короля Ибн Сауда[31] — решили в последний момент прекратить бойкот комиссии. В своих показаниях ни один из арабских деятелей не признал каких-либо положительных качеств идеи еврейского национального очага. Они утверждали, что британский мандат и еврейское экономическое развитие принесли их народу только горе. Главное их требование сводилось к созданию независимой Палестины в то время, когда арабы все еще составляют большинство населения. Только таким путем палестинский народ может избавиться от опасности сионистского экономического господства и добиться того же положения, что и другие независимые арабские страны. 13 января 1937 г. муфтий предстал перед комиссией в качестве главного свидетеля, представляющего арабов. Изысканные манеры, изящество жестов и завораживающий музыкальностью голос Хадж Амина должны были убеждать в том, что свидетель — воплощение сдержанности и благоразумия. Его аргументы, как и доводы сионистов, были в это время уже известны членам комиссии. Он рассказал об истории арабской борьбы за независимость, об обещаниях, полученных от англичан во время мировой войны, и утверждал, что с самого начала арабский национализм соответствовал планам президента Вильсона[32]. Подобно своим предшественникам, Хадж Амин подчеркивал, что абсорбировать 400 тысяч евреев, проживавших в тот момент в Святой земле, Палестина не в состоянии. Когда Пиль спросил его, не означает ли это, что из независимой арабской

Палестины придется удалить некоторое количество евреев, муфтий ответил: "Это мы должны оставить на будущее". Другие свидетели-арабы говорили о том же, только в более прямой форме.

Когда Вейцман давал показания на 51-м заседании комиссии 8 января 1937 г., там впервые была высказана идея о разделе страны. Профессор Купленд обратился к Вейцману со следующим предложением: "Если иного пути к миру нет, возможно ли такое решение — по взаимному соглашению действие мандата прекратить, а Палестину разделить надвое: Изреельская долина и побережье станут независимым еврейским государством... а остальная Палестина плюс Трансиордания — независимым арабским государством..." Вейцмана удивил размах этого предложения. Сначала реакция его была неопределенной. "Да, но это же значит разрезать ребенка пополам", — сказал он и попросил время для обдумывания. Однако в кулуарах Вейцман сказал своему секретарю, что дело его жизни, наконец, увенчалось успехом, еврейское государство будет создано. Он уже представлял себе будущее и даже изложил план политического устройства нового государства.

Вскоре после этого, в феврале, состоялась частная встреча Вейцмана с Куплендом в мошаве Нахалал. Погода была по-зимнему унылой. Целых восемь часов политики совещались в помещении сельскохозяйственной школы. Теперь уже Вейцман старался убедить англичанина в том, что стоит бороться за раздел Палестины. Видимо, лидер сионистов справился со своей задачей. Много лет спустя Купленд рассказал об этой встрече Обри (Аббе) Эвену[33]. Вейцман тогда изложил условия, необходимые для процветания еврейского национального очага, и Купленд понял, что эти условия невыпол-

нимы под властью англичан. Он сказал Вейцману: "Здесь требуется операция — ни один серьезный врач не прописал бы в данном случае аспирин и грелку". Вейцман вспоминал об этом разговоре так:

> Я видел в создании еврейского государства реальную возможность для урегулирования отношений с арабами. Пока господствует политика мандата, арабы опасаются, что мы захватим всю Палестину... еврейское государство с определенными границами, имеющее международные гарантии, — вот что было бы окончательным решением... Вместо того, чтобы быть меньшинством в Палестине, мы стали бы большинством в своем собственном государстве и могли бы вступить в равноправные отношения с нашими арабскими соседями в Палестине, Египте и Ираке.

Завершив продолжительный разговор, Вейцман и Купленд затемно вышли на улицу. Предчувствуя, чем может обернуться эта беседа в будущем, лидер сионистов воскликнул, обращаясь к ожидавшим его колонистам: "Друзья! Сегодня мы заложили основу еврейского государства!"

Доклад Пиля и общественное мнение

Доклад Королевской комиссии, готовившийся в течение пяти месяцев, был опубликован в июле 1937 г. В докладе, одном из самых обстоятельных документов в истории британской внешней политики, было 404 страницы текста, а также подробные карты и статистические данные. Вначале вкратце излагались позиции арабов и евреев. Затем подробно описывались достижения еврейского наци-

онального очага, в том числе, создание жизнеспособной экономики, развитие которой привлекло в страну и арабское население (по сравнению с 1921 г. количество его увеличилось на 50 процентов). Не вызывало сомнений, что благосостояние арабов Палестины, как феллахов, так и землевладельцев, неизмеримо возросло. Утверждение арабов о захвате евреями лучших земельных участков не подтвердилось: большая часть цитрусовых плантаций была создана на песках и болотах. Однако, указав на это обстоятельство, авторы документа заняли ту же осторожную позицию, которая содержалась в докладах Шоу и Хоуп-Симпсона: в будущем приобретение земли евреями следует ограничить не столько по экономическим, сколько по политическим соображениям, чтобы успокоить арабов, не желающих этого. По тем же причинам в докладе предлагалось сократить еврейскую иммиграцию на ближайшие пять лет до 12 тысяч человек в год.

Сперва предложения комиссии были восприняты сионистами как серьезный удар. Учитывая это, комиссия подчеркнула в докладе, что отклонение требований сионистов едва ли может служить решением в условиях мандата. Рассмотрению подлежит вопрос о будущем самого мандата. Суть дела заключается в том, что обещания, данные Великобританией арабам и евреям, несовместимы друг с другом. Арабская и еврейская общины не имеют точек соприкосновения — одна из них "в основном, азиатская по своим особенностям, другая — в основном, европейская", и по этой причине мандат "не может развиться... в систему самоуправления... в которой согласились бы участвовать и арабы, и евреи". Разумеется, в намерения Великобритании не входило сохранение административного status quo в Палестине без согласия местного населения.

Но, конечно, Королевская комиссия не могла согласиться с предложением отдать 400 тысяч евреев под арабское господство или, наоборот, почти миллион арабов подчинить евреям. Поэтому, говорилось в докладе, единственное приемлемое решение — раздел Палестины на две части с правами самоуправления. Это не даст полного удовлетворения ни арабам, ни евреям, но и те, и другие, в конце концов, "поймут, что достоинства раздела перевешивают его недостатки. Ибо, не предоставляя ни одной из сторон всего, что она желает, раздел обеспечивает самое необходимое, то есть свободу и безопасность". Комиссия кратко остановилась в своем докладе и на альтернативном варианте, который заключался в создании автономных "кантонов", еврейского и арабского, однако не подвергла его детальной разработке, сочтя такой план слишком сложным и трудно осуществимым.

В докладе, хотя и без подробного обоснования, предлагалось разделить Палестину и Трансиорданию на три части: еврейское государство, включающее в основном Прибрежную равнину и Галилею; значительно большее арабское государство, куда вошла бы остальная часть Палестины и Трансиордания, и анклав, на который Великобритания должна была получить постоянный мандат, — район Иерусалима и Бет-Лехема с коридором, дающим выход к морю, а также британские базы на озере Киннерет и в Эйлатском заливе. Очевидно, деля Палестину, нельзя было оставлять в границах еврейского государства значительное арабское меньшинство, поэтому позже был разработан план обмена земель и перемещения населения, составленный по образцу греко-турецкого трансфера четырнадцатилетней давности[34]. Так или иначе, в 1937 г. то обстоятельство, что по ту или дру-

гую сторону границы могут остаться значительные национальные меньшинства, угрожающие целостности государств, если и принималось во внимание, то только как теоретическая опасность.

План был настолько радикальным, что застал большинство современников врасплох. Однако еще удивительнее было то, с какой поспешностью британское правительство подхватило эту идею. 7 июля, как только был опубликован доклад Пиля, Лондон заявил о том, что согласен с рекомендациями комиссии, в том числе и с проектом раздела, который является "лучшим и самым перспективным выходом из тупика". Собственно говоря, это одобрение было высказано правительством, когда оно еще не имело ни политической, ни общественной поддержки. Большинство мандатных чиновников предпочитало альтернативный (кантональный) план, ибо они не сомневались в том, что проблема меньшинств не позволит осуществить раздел. При этом для них, несомненно, было существенно еще одно соображение. Хотя Уокопа, в конечном счете, убедили одобрить доклад Пиля, верховный комиссар не мог скрыть своей обеспокоенности судьбой государственных служащих, для которых окончание мандата означало потерю жалования и пенсий. В Англии план вызвал различные отклики, преимущественно отрицательные. Депутаты парламента, сочувствовавшие сионизму, высказывались скептически — в докладе Пиля предлагалось дать евреям государство воистину лилипутских размеров. Сэр Арчибальд Синклер предупреждал об опасном соседстве "двух по природе тоталитарных государств... при котором евреи будут владеть густонаселенной и богатой прибрежной полосой, но не смогут ее оборонять. За спиной у них будет обнищавшее и гонимое мировое еврейство;

перед ними будет возвышаться гора Сион". Герберт Сэмюэл, ставший к тому времени членом палаты лордов, опасался того, что оба планируемых государства, разделенные петляющей границей, "сожмут друг друга в смертельном объятии, как две борющиеся змеи". По его мнению, схема раздела была экономически несостоятельной, особенно для арабов, которым придется покинуть самые плодородные районы Палестины.

Еще меньше энтузиазма проявила мандатная комиссия Лиги Наций. Тем не менее, она не отвергла идеи раздела, хотя доклад Пиля и наносил удар по существующему мандату. Она лишь высказала пожелание, чтобы был продлен период "ученичества" — на это время можно было ввести кантональное управление или создать два новых мандата. В любом случае британская опека должна была сохраняться в ближайшем будущем. Как ни удивительно, поначалу реакция арабов на доклад Королевской комиссии была двойственной. По слухам, к плану Пиля сочувственно отнеслись Абдаллах и палестинский клан Нашашиби. В конце концов, раздел привел бы к слиянию арабской части Палестины с Трансиорданией — таким образом Абдаллах расширил бы свои владения. Если бы этот план был поддержан Рахиб-беем ал-Нашашиби, он занял бы в награду ключевой пост в новом государстве. Однако открыто сторонники Нашашиби и даже сам Абдаллах не решились одобрить предложения Пиля. В полном смятении находились арабы-христиане — им совсем не хотелось стать подданными мусульманского государства. Зато ни малейшей двойственности не было в позиции муфтия и его последователей. Они с презрением отмежевались от плана Пиля и заявили, что его официально отклонил весь состав Верховного арабского коми-

тета. Им удалось заручиться поддержкой зарубежных арабских и мусульманских лидеров.

Реакция евреев была не столь быстрой. Через месяц после публикации доклада Королевской комиссии состоялся Сионистский конгресс. Жаботинский и ревизионисты, хотя они формально и не входили в Сионистскую организацию, решительно возражали против дальнейшего раздробления Палестины и сделали свои взгляды достоянием гласности. Они не забыли, что пятнадцать лет назад территория подмандатной Палестины уже была разделена и ее восточная часть превратилась в Трансиорданский эмират. Теперь предполагалось поделить и оставшееся, причем бо́льшая часть должна была отойти к арабам. Такое решение было неприемлемо. Американские делегаты придерживались того же мнения. К ним примкнуло большинство участников конгресса. Однако было решено все-таки изучить план Пиля, поскольку он сулил создание международно признанного еврейского государства. Бен-Гурион и другие сионисты социалистического толка высказались за проведение переговоров.

Конечно, для Вейцмана суверенное еврейское государство было осуществлением мечты. Когда был опубликован доклад Королевской комиссии, Вейцман находился в Париже. Несколько дней спустя он посетил находившегося во Франции президента Ливана Эмиля Эдде. В ходе беседы Вейцман сообщил президенту о последних событиях и заметил, что надеется в будущем на установление дружеских отношений между еврейским государством и республикой Ливан. Взволнованный Эдде пожал Вейцману руку и воскликнул: "Я приветствую первого президента Еврейской республики!" Сохраняя приподнятое настроение и на конгрессе,

Вейцман говорил делегатам о том, что раздел Палестины, при всех его недостатках, все же меньшее зло, чем положение заведомого меньшинства в рамках враждебного арабского государства или федерации, и уж наверняка предпочтительнее мандата с его ограничениями на еврейскую иммиграцию. Мнение Вейцмана поддержали и эксперты по сельскому хозяйству, заявившие, что даже в предполагаемых границах еврейского государства плодородной земли достаточно, чтобы еще в течение двадцати лет ежегодно принимать по 100 тысяч иммигрантов. В результате конгресс принял резолюцию, не содержавшую прямого одобрения доклада Пиля, но поручавшую Еврейскому Агентству совместно с английским правительством изучить условия, при которых может быть создано еврейское государство.

Этот компромиссный подход подкреплялся некой тайной надеждой ряда сионистских лидеров. Еще до опубликования доклада Пиля, когда содержание его стало известно, Бен-Гурион взволнованно писал Моше Шарету, главе политического отдела Еврейского Агентства:

> Мы уничтожим эти навязанные нам границы — и не обязательно с помощью военной силы. Я верю, что в недалеком будущем нам удастся прийти к соглашению с арабским государством. И если в наше государство приедут сотни тысяч евреев, если мы сможем упрочить наше экономическое и военное положение, будет заложена основа соглашения об уничтожении границы между нами и арабским государством.

Обращаясь к своим товарищам и единомышленникам, Бен-Гурион тоже выражался вполне откро-

венно. "То еврейское государство, которое нам сейчас предлагается, не есть цель сионизма, — говорил он, — ибо на такой территории решить еврейский вопрос невозможно. Но это решающий шаг на пути к осуществлению великих целей сионизма. В кратчайшее время мы сумеем укрепить силы еврейства настолько, чтобы достичь своего исторического предназначения".

Колебания в связи с разделом

Бен-Гурион всегда верил в возможность прямого соглашения с арабами. Напомним, что в 1934 — 1935 гг. он вместе с Шаретом несколько раз встречался с Мусой ал-Алами. Встречи происходили то в деревенском доме ал-Алами в Иудейских горах, то в иерусалимской квартире Шарета. Собеседники высказывались откровенно, особенно Бен-Гурион. Впоследствии, когда появился план раздела, Бен-Гурион попросил ал-Алами передать арабским лидерам предложение сионистов. Речь шла о большой финансовой помощи, которую евреи обещали будущему Арабскому государству в Палестине при условии, что арабы согласятся на создание Еврейского государства. Кроме того, были даны заверения, что евреи не станут возражать, если нарождающееся Арабское государство образует федерацию с соседними арабскими странами. Алами передал это предложение муфтию. Неделю спустя был получен ответ. Несмотря на публичные выпады Хадж Амина против раздела, он благожелательно отнесся к инициативе евреев. Хотя муфтий и не пожелал изменить свою официальную позицию относительно раздела Палестины, через Алами он передал, что Бен-Гурион мог бы отправиться в Женеву и там внести свое предложение на

рассмотрение Сирийско-палестинского арабского комитета. Трудно было понять, каковы истинные намерения муфтия. Однако Бен-Гурион принял это предложение и в конце лета 1937 г. выехал в Швейцарию. Увы, там его встреча с арабскими лидерами, шейхом Маджидом ал-Арсланом и Ихсаном Джабри, закончилась полным провалом. Оба мусульманина и не думали скрывать своей вражды; они подозревали, что сионисты "хотят нашего согласия на то, чтобы... евреи стали большинством в Палестине..." Реакция была столь негативной, что Алами впоследствии не решился даже встретиться с Бен-Гурионом. Руководители Еврейского Агентства беседовали и с другими влиятельными арабами, Ауни Абд ал-Хади-беем и Рахиб-беем ал-Нашашиби, но без видимых результатов.

Арабско-еврейские переговоры были скомпрометированы не только официальной позицией Хадж Амина, но и самой трактовкой палестинского вопроса в арабском мире. Вскоре после того, как Верховный арабский комитет отверг план раздела Палестины, он обратился за поддержкой ко всем арабским лидерам, но среди них не обнаружилось единодушия. Абдаллаха, как мы уже говорили, ничуть не пугала перспектива расширения его владений за счет раздела, однако вариант, который он предложил представителям Еврейского Агентства: гарантированная автономия евреев в рамках арабской Палестины — не мог устроить даже самых умеренных сионистов. С другой стороны, Ибн Сауд вовсе не был в восторге от претензий Хадж Амина на лидерство в арабском националистическом движении. Оба правителя, хашимитский и саудовский, дали осторожные, уклончивые ответы.

Зато иракское и сирийское правительства воспротивились разделу в какой бы то ни было форме.

Это явствовало из той скрытой угрозы, которую высказал Абдаллаху премьер-министр Ирака Саид Хикмат Сулейман: "Любой, кто решится возглавить такое [возникшее в результате раздела] Арабское государство, — заявил премьер, — станет парией арабского мира и навлечет на себя гнев мусульман всего Востока". Дело заключалось в том, что в 30-е гг. заинтересованность Ирака в Палестине постоянно возрастала. После того, как был протянут нефтепровод из Киркука, проложено через пустыню шоссе из Багдада и заключено торговое соглашение, согласно которому Ирак мог пользоваться свободной зоной в Хайфском порту, между двумя странами начали развиваться взаимовыгодные экономические связи. Поэтому Багдад охотно взял бы на себя главную роль в борьбе с сионизмом, чтобы оставить в тени реальные экономические отношения с Палестиной, а заодно и отвлечь внимание от своей неспособности проводить твердую антибританскую политику.

Сирийское руководство, защищенное от англичан французским мандатом, тоже однозначно осудило раздел Палестины. В сентябре 1937 г. по приглашению дамасских властей на Арабский конгресс съехалось около пятисот делегатов. Главный вопрос был поднят председателем конгресса Наджи Сувейди, бывшим премьер-министром Ирака, который, назвав сионизм "раковой опухолью", подчеркнул, что следует немедленно покончить с еврейским национальным очагом и британским мандатом и создать в Палестине суверенное арабское государство. Если еврейская иммиграция не прекратится, предупредил Сувейди, арабские страны отвернутся от западных демократий и найдут себе новых союзников. Разумеется, он имел в виду страны Оси. Кстати, торг к тому времени уже начался:

арабы вели переговоры с Италией и Германией. Когда 6 июля 1937 г. Фаузи ал-Каукджи встретился с немецким послом в Багдаде, тот дал понять, что в ближайшее время рейх обеспечит большие поставки оружия для палестинских повстанцев. Хотя Берлин немедленно потребовал, чтобы посол опроверг это заявление, уверенность в дружественном отношении стран Оси и растущая дипломатическая активность в этом направлении привели арабских лидеров к мысли, что Великобритания беззащитна против их вмешательства в палестинский вопрос.

Но и помимо Арабского конгресса нападки на доклад Пиля звучали все чаще и были все более грозными. Сирийское правительство направило французскому верховному комиссару официальную ноту с критикой плана раздела. В Египте был организован сбор денежных средств в помощь палестинским арабам, в Багдаде состоялись массовые манифестации, в Мекке и Медине — однодневная забастовка. В Тунисе британскому консулу был направлен протест от имени мусульманской молодежной организации, многочисленные демонстрации мусульман прошли в Индии. С 7 по 11 октября 1937 г. в Каире заседал Всемирный межпарламентский конгресс арабских и мусульманских стран в защиту Палестины. Это было куда более представительное собрание, чем Арабский конгресс за год до этого в Блудане, и на нем в основных чертах уже наметилось будущее соперничество арабских стран в связи с палестинским вопросом. Так, представители Сирии именовали Палестину и Трансиорданию не иначе, как отторгнутыми от их страны провинциями, в то время как египтяне рассматривали Палестину как важнейший буфер, защищающий Синайский полуостров. По мнению Ирака, Палестина должна была превратиться в сре-

диземноморский центр сбыта мосульской нефти. Ни одна из этих точек зрения не была приемлемой для Ибн Сауда, представители которого настаивали на независимости и свободе выбора для палестинских арабов. Правда, эти противоречия не были отражены в резолюции, которая просто объявляла Декларацию Бальфура несостоятельной и требовала отмены еврейской иммиграции и каких-либо планов раздела. Как и прежде, участники конгресса подчеркнули, что, если их условия не будут приняты, арабские и мусульманские народы всего мира возложат ответственность за это на англичан и евреев и обратятся за военной и политической помощью к другим государствам.

Возобновление арабского восстания

Рим и Берлин всячески выражали готовность взять на себя опеку над арабами. В 1937 г. итальянская радиостанция в Бари вдвое увеличила объем арабских передач на Левант, критикуя английский и французский империализм и разоблачая сионизм как происки Великобритании. Нацистские выпады против евреев в первую очередь определялись идеологическими причинами, а стремление министерства иностранных дел использовать арабские волнения на Ближнем Востоке играло лишь второстепенную роль. Однако, когда в Англии опубликовали доклад Пиля, чиновники в Берлине всерьез заинтересовались палестинским вопросом. 1 июля 1937 г., когда доклад Пиля был уже известен в общих чертах, хотя и не опубликован, министр иностранных дел фон Нойрат разослал по германским представительствам на Ближнем Востоке специальный меморандум:

Образование еврейского государства или политической структуры, возглавляемой евреями в рамках британского мандата, не в интересах Германии, поскольку палестинское государство не абсорбирует мировое еврейство, а создаст для него дополнительную базу, защищенную международным правом, подобно тому, как Ватикан служит политическому католицизму, а Москва — Коминтерну... Германия, следовательно, заинтересована в усилении арабского мира как возможного противовеса крепнущим силам мирового еврейства.

В течение 1937 г., благодаря палестинскому вопросу, перед нацистами открылись новые возможности. Контакты немецкого посла в Багдаде с арабскими националистами и членами Верховного арабского комитета становились все теснее, при этом подчеркивалось, что Германия — против плана Пиля. В июле муфтий посетил немецкого генерального консула в Иерусалиме, выразил свое восхищение новой Германией и стремление заручиться ее дружественным отношением. В сентябре сирийские националисты обратились к немецкому консулу в Бейруте с просьбой поставить оружие палестинским арабам. В ноябре и декабре д-р Саид Абд ал-Фаттах ал-Иман, президент дамасского Арабского клуба, находился в Берлине по поручению муфтия — он пытался добиться от немцев финансовой и военной помощи. Все эти обращения не остались без ответа. Адмирал Вильгельм Канарис, шеф немецкой военной разведки, выделил для муфтия некоторые средства и оружие немецкого производства, отправленное в Палестину через Ирак и Саудовскую Аравию.

Между тем, и в Палестине быстро распростра-

нялась нацистская пропаганда — ее вели немецкие судовые агенты, коммивояжеры, дельцы, дипломаты и просто жители немецкого происхождения. Среди них было более тысячи членов Братства тэмплеров[35], проживавших в Яффо, Сароне, Вальдхейме (в Хайфе) и Иерусалиме. Храмовники еще в начале XIX века отказались от немецкого гражданства, чтобы вести жизнь в библейской простоте Святой земли. Теперь Берлин всерьез взялся за то, чтобы привлечь их на свою сторону, в результате чего почти половина членов Братства вступила в нацистскую партию.

Глава немецкого информационного агентства в Палестине д-р Франц Рейхерт находился в самых сердечных отношениях с муфтием. Арабская пресса мгновенно подхватила расхожие нацистские и антисемитские штампы. "Гитлеризм, — писала одна арабская газета, — несмотря на свой насильственный характер, симптоматичен для того мира, который болен смертельным недугом материалистической цивилизации, мира, который предоставил иудаизму возможность путем подрывной деятельности подчинить себе мировую экономику". Когда в мае 1937 г. отмечался день рождения пророка Мухаммада, арабские манифестанты демонстративно вышли на улицы с немецкими и итальянскими флагами и фотографиями Гитлера и Муссолини, а арабские газеты приветствовали это шествие как "зримое выражение симпатии и уважения к нацистам и фашистам, борющимся против еврейского интриганства и мирового финансового капитала..."

Воскресным утром 26 сентября 1937 г. Льюис И. Эндрюс, окружной комиссар Галилеи и Акко, известный своим сочувствием сионизму, отправился пешком в сопровождении помощника и констебля

в церковь, находящуюся в Назарете. Когда они свернули на крутую узкую тропинку, группа арабов открыла по ним огонь. Эндрюс и полицейский были убиты на месте. Четыре дня спустя мандатная администрация ввела жесткие чрезвычайные меры: взяла на себя полномочия депортировать политически нежелательных лиц и распускать любые организации, деятельность которых "враждебна мандату". Одновременно с этим Хадж Амин ал-Хусейни был смещен с поста президента Верховного мусульманского совета, а сам совет, как и Верховный арабский комитет, был упразднен. Вскоре после этого были арестованы пять или шесть членов Верховного комитета — им было предъявлено обвинение в "моральной ответственности" за террористическую деятельность, и они были сосланы на Сейшельские острова. Шестому члену комитета, Джамилю ал-Хусейни, удалось бежать в Сирию. После этого муфтий с телохранителями-суданцами нашел себе убежище в мечети Омара[36]. 15 октября, переодевшись нищим, Хадж Амин выскользнул из мечети и пробрался через усиленный кордон английской полиции. Доехав на автомобиле до Газы, он на парусном судне отплыл в Ливан. Хотя французские власти и поместили его под арест на вилле в глухой прибрежной деревушке ал-Зуг, помощникам муфтия была предоставлена свобода передвижения. При их посредстве Хадж Амин связался со своими сторонниками, изгнанными из Палестины, и вновь учредил запрещенный Верховный арабский комитет в Дамаске, чему англичане не могли воспрепятствовать.

К середине октября по всей Палестине усилились волнения и беспорядки: еврейские поселения подвергались нападениям, террористы останавливали еврейские автобусы и убивали пассажиров.

Впервые арабские снайперы начали охотиться и за английскими патрулями. Новый аэропорт в Лоде был сожжен, воинские эшелоны летели под откос. Нефтепровод Мосул—Хайфа был почти выведен из строя. Число убийств и террористических актов росло, но одновременно ужесточались и ответные меры англичан. Все подозреваемые представали перед суровым военным трибуналом. Лишь за 1938 г. было приведено в исполнение 54 смертных приговора. Пожизненное заключение стало применяться довольно часто. С июля по ноябрь 1938 г., в разгар восстания, в нем принимало участие около 16 тысяч палестинских арабов и добровольцев из соседних стран — им удалось практически полностью парализовать действия гражданских властей за пределами крупнейших городов, в том числе и в еврейских сельскохозяйственных районах. На три месяца было прервано железнодорожное сообщение между Лодом и Иерусалимом. Движение междугородного транспорта в ночные часы было запрещено, так как арабские террористы минировали шоссе. К середине октября повстанцы фактически держали в руках иерусалимский Старый город. Это был апогей мятежа.

В июле 1938 г. англичане вынуждены были дополнительно дислоцировать в Хайфе два пехотных батальона, две эскадрильи авиации и моторизованное подразделение. Строительные отряды начали возведение укрепленных полицейских пунктов в стратегически важных точках и на пересечениях дорог по всей Палестине (в военной истории страны этим укреплениям еще суждено будет сыграть жизненно важную роль). К концу года началась операция, в которой участвовало 20 тысяч солдат и которая, в сущности, представляла собой новое завоевание Палестины. Даже при таком количестве

войск едва удалось восстановить порядок на севере и в центре страны. В Иерусалиме и южных районах были расположены хорошо подготовленные воинские соединения, переброшенные из Англии.

Военные действия стоили евреям, арабам и англичанам нескольких тысяч жизней и обернулись многомиллионным ущербом. Однако для арабов горький опыт этим не исчерпывался. Даже находясь в изгнании, Хадж Амин стремился укрепить свой контроль над Палестиной. По его приказу были убиты или принуждены покинуть Святую землю сотни признанных арабских лидеров, в том числе видные члены партии Национальной защиты, руководимой кланом Нашашиби. Так, мэр Хайфы Хасан-бей Шукри чудом избежал смерти в мае 1936 г. и в январе 1937 г. В феврале 1937 г. мухтара[37] Кесарии застрелили у входа в его дом. В апреле того же года был убит Ибрагим Юсуф, член муниципального совета Тверии. Мэр Шхема Сулейман-бей ал-Тукан бежал из Палестины в декабре 1937 г. В апреле 1938 г. были убиты мухтар Маджадал и его жена. Тогда же оборвалась жизнь Наср ал-Дин Насра, мэра Хеврона. В результате взрыва бомбы в сентябре 1938 г. погибли жена и трое детей мухтара Дейр эс-Шейха. В ноябре 1938 г. был застрелен Хасан Сидки ал-Даджани, член иерусалимского муниципального совета, а все остальные арабы, входившие в совет, бежали из Палестины.

Попытки Фахри-бея ал-Нашашиби, лидера противоборствующей группировки, остановить эту террористическую кампанию оказались безрезультатными. Муфтий действовал все энергичнее, и к концу 1939 г. число его жертв превысило 3 тысячи. В Египте и Ливане от мести ал-Хусейни скрывалось 18 тысяч человек. Однако главной целью

его по-прежнему оставалось устранение Фахри-бея ал-Нашашиби. Подручный муфтия Ареф ал-Раззак вынес "смертный приговор" Фахри-бею, согласно которому каждый араб обязан был "во имя Аллаха" прикончить "предателя" на месте. Прошло несколько лет, но приговор все еще не был исполнен. Но 9 ноября 1941 г. мимо Фахри-бея, который шел по багдадской улице, проехал на велосипеде палестинец из организации Хадж Амина и застрелил его.

Укрепление еврейской самообороны

Одним из следствий арабского восстания было развитие самообороны ишува. Напомним, что практика самообороны восходила еще ко временам ха-Шомера, еврейской организации начала века. Однако после войны членам этой организации, которым удалось избежать карающей руки турок, англичане запретили ношение оружия. Неудачная попытка возродить деятельность самообороны была предпринята Жаботинским во время арабских волнений 20-х гг., но она была пресечена мандатной администрацией. Однако вскоре после этого партия Ахдут ха-авода назначила специальную комиссию для создания более массовой (и тайной) организации самообороны под названием *Хагана* ("Оборона"). Массовый характер организации объяснялся тем, что теперь в защите нуждались не отдельные аванпосты или поселения, а весь ишув. Впоследствии, когда контроль над Хаганой перешел к Хистадруту, были созданы курсы подготовки офицеров, оружие нелегально приобреталось в Европе, а потом контрабандным путем доставлялось в Палестину. Кроме того, в самой Палестине начали

работать подпольные мастерские по производству стрелкового оружия.

Волнения 1929 г. стали поворотным моментом в организации самообороны. Стало ясно, что военную подготовку должно пройти подавляющее большинство годных к службе молодых людей. Требовалось новое и более современное оружие. Поэтому Бен-Гурион и Арлозоров приняли решение расширить помощь Хагане и в 1931 г. обратились к Сионистскому конгрессу с просьбой о выделении дополнительных фондов. На первых порах эта просьба не была удовлетворена — в основном потому, что центристы не хотели отдавать оборону ишува на откуп социалистам. В этом, кстати, был свой смысл. С самого начала Хагана, просуществовав несколько месяцев под контролем партии Ахдут ха-авода, действовала под наблюдением Хистадрута. Большинство руководителей Хаганы сотрудничали в Хистадруте, а бойцы набирались почти исключительно из числа сионистов-социалистов. Эта ориентация укрепилась после 1936 г., когда на Сионистских конгрессах и среди еврейского населения Палестины доминирующее положение заняли сионисты-социалисты. Правда, политические симпатии Хаганы редко отражались на ее деятельности и преданности интересам всего ишува. Штаб-квартира Хаганы, располагавшаяся в одной комнате тель-авивского представительства Хистадрута, превратилась в своего рода министерство обороны. Начиная с 1936 г., Хагана стала получать от Еврейского Агентства более крупные денежные средства, накопила к этому времени немалый подпольный арсенал и расширила программу военной подготовки.

Когда арабские волнения возобновились, еврейское военное руководство поначалу избрало политику сдержанности.

Это означало, что еврейским поселениям будет обеспечена надежная защита, но Хагана не станет наносить ударов возмездия по арабским деревням. Такая позиция объяснялась и необходимостью сохранить добрые отношения с англичанами. Однако Ицхак Саде[38], командир Хаганы, истолковал политику сдержанности на свой лад. Саде был ярким человеком, обладавшим большой физической силой, редким упорством и энергией. Он был убежденным марксистом и ветераном Красной армии. Присущую ему уверенность в себе, отвагу и твердость Саде сумел передать своим офицерам. Среди них были и молодые Игал Аллон[39] и Моше Даян, которым предстояло в будущем сыграть важную роль в военной и политической жизни Израиля. В своей автобиографической книге "*Моя жизнь с Исмаилом*" Моше Шамир[40], выдающийся израильский романист, вспоминал о той атмосфере преданности, которая окружала молодых лидеров:

> В юношеском движении это было связано с возрастными различиями: в группе из десяти мальчишек один, лидер, был года на два старше других. Шло время, социальные рамки расширялись, а с ними росла преданность лидеру и его значение. Я не стыжусь того, как наивно выражалась эта впервые испытанная преданность и чувство своей причастности. Переход из юношеского движения в Палмах [ударные отряды Хаганы] был легким... "Старика", Ицхака Саде, а потом и Игала Аллона, окружала настоящая любовь, любовь молодых людей к другу, ведущему их за собой.

Саде обучил молодых командиров устраивать засады, организовывать подвижные патрули и нано-

сить арабским мародерам опережающие удары.

Переход от чисто оборонительной тактики к предупредительной стал возможен благодаря соглашению с мандатной администрацией. И до того, как действия арабов стали широкомасштабными, англичане спокойно относились к тому, что евреи располагали некоторым количеством оружия для защиты отдаленных поселений. Однако, когда в 1936 г. вооруженный конфликт обострился, Еврейское Агентство потребовало бесплатной выдачи дополнительного снаряжения на законных основаниях, чтобы организовать оборону изолированных ферм, а также стало добиваться признания официального статуса еврейской самообороны. Мандатная администрация в связи с острой нехваткой войск решила пойти навстречу этим требованиям. Легкое стрелковое оружие было роздано 3 тысячам еврейских охранников-гафиров[41]. Организацией и обучением охраны руководили британские офицеры, рамки охранной службы использовались Хаганой для подготовки своих бойцов. Существенно и то, что назначенный англичанами командир гафиров капитан Орд Уингейт[42] принялся энергично и изобретательно расширять предложенную Саде концепцию "активной обороны".

Уингейт, кузен генерал-губернатора Судана, свободно говорил по-арабски. Полагая, что он найдет общий язык с арабским населением, его направили в Палестину, куда он прибыл в 1936 г. в качестве офицера разведки при 5-й дивизии. Уингейту были свойственны глубокая религиозность, протестантский библейский мистицизм — и через несколько недель после приезда в Святую землю армейский капитан превратился в страстного сторонника дела сионизма. "Я считаю честью для себя помогать вам в вашей борьбе, — говорил он Давиду

Хакохену, своему близкому другу. — Этому я хочу посвятить свою жизнь. Я верю, что существование человечества оправдано, только если оно зиждется на нравственных основах Библии". На первых порах руководство Хаганы с некоторым недоверием относилось к этому невысокому светловолосому напористому шотландцу — ведь его биография мало чем отличалась от биографий сотен других офицеров и чиновников, которые обычно строили карьеру в Палестине на социально-политических контактах с арабами. Однако вскоре сомнения сионистов были развеяны, и Уингейт стал доверенным лицом Вейцмана и руководителей Еврейского Агентства.

Изучая арабскую тактику, Уингейт заметил, что банды совершают нападения прежде, чем успевают подойти хорошо вооруженные правительственные войска. Он решил, что следует наносить удары возмездия, создавая подвижные патрули и отдавая предпочтение ночным операциям. Такая возможность открылась после того, как в сентябре 1937 г. командующим английскими войсками в Палестине был назначен генерал сэр Арчибальд Уэйвелл, который уполномочил Уингейта организовать гафиров в особые "ночные отряды". Тогда с согласия начальства Уингейт использовал тактику, еще более активную, чем та, которую Саде ввел в Хагане. Еврейские бойцы "ночных отрядов" восхищались тактическим искусством и изобретательностью молодого шотландского офицера, его умением использовать преимущества ночного боя и знанием ложных маневров, которые позволяли осуществлять внезапные набеги на базы арабских банд. Все это давало куда больший эффект, чем прежняя политика сдержанности. Концепция "активной обороны", разработанная Уингейтом, включала даже операции против деревень на территории Ливана

и Сирии, в которых базировались террористы. В 1938 г. "ночные отряды" не раз наносили чувствительные удары повстанцам муфтия, ослабляя их активность.

Несмотря на серьезные успехи, в начале 1939 г. численность "ночных отрядов" была резко сокращена и значение их постепенно уменьшилось. В это время сотрудничеству англичан с еврейскими военными силами препятствовали политические факторы. Уингейтом решили пожертвовать, поскольку его сочувствие сионистам ставило правительство в затруднительное положение. Весной 1939 г. он был отозван в Англию. В личном деле Уингейта было записано: "Хороший офицер, но не годится для разведывательной работы. Не заслуживает доверия. Интересы евреев для него важнее интересов собственной страны. Возвращению в Палестину не подлежит". По словам Кристофера Сайкса, много лет спустя Саде так отозвался об Уингейте: "Мы бы, в конце концов, и сами сделали то, что сделал Уингейт, но в меньшем масштабе и без его таланта. Сперва мы действовали самостоятельно, но потом появился он и стал нашим лидером". Несмотря на то, что даже во времена наибольшей активности "ночные отряды" осуществляли лишь небольшие операции, их главной заслугой было психологическое воздействие, которое они оказывали не только на арабов. Способность Хаганы к отпору вселила в ишув новое чувство уверенности. Настроение тех дней точно передал Моше Шамир:

> Главное, у людей окрепло национальное самосознание, появился здоровый оптимизм, люди поверили в себя и возникло подлинное ощущение того, что мы укоренились на этой земле, как растение, питаемое ее соками, которое

живет и приносит плоды... [Это чувство] в те дни стало органичным повсюду и во всем: в ночных вылазках и нелегальной иммиграции, в любви к земле и упорстве пионеров в самых глухих уголках страны, в круглосуточных патрулях и новых поселениях, построенных за одну ночь по типу "стена и башня".

Новые поселения здесь упомянуты не случайно. Евреи не покинули ни одного из уже существовавших поселений. Более того, за годы арабского восстания, с 1936 по 1939, возникло 55 новых сельскохозяйственных колоний — в основном, в районах, где до того не было евреев. Это были преимущественно киббуцы, основанные организациями ха-Шомер ха-цаир и ха-Киббуц ха-меухад, а иногда и новыми иммигрантами. Места для создания этих колоний выбирались по новому принципу — не экономическому, а стратегическому. После публикации доклада Пиля Еврейское Агентство не сомневалось в неизбежности раздела Палестины. Ясно было, что границы будущего еврейского государства будут установлены в соответствии с фактическим расселением евреев. Поэтому теперь необходимо было приобретать земли на окраинах Палестины, особенно — в западной Галилее, и сразу же заселять эти территории. Чтобы обеспечить безопасность молодых киббуцов, поселения строились по новому методу — "стена и башня". Заранее заготавливались строительные блоки — и выбранный пустовавший участок за день превращался в хорошо укрепленный лагерь, обнесенный укрепленной стеной и с деревянной наблюдательной вышкой с прожектором. Экономическая рентабельность в этой чрезвычайной программе не учитывалась. В 30-е гг. задачей первостепенной важности было со-

Вырван лист стр. 113-114

лики, не пожелала увеличить свои иммиграционные квоты, чтобы помочь беженцам.

Между тем, пока с мая по июль заседания комиссии Вудхеда шли своим чередом, в Палестине продолжались беспорядки. Лишь получив значительные подкрепления, английская армия сумела освободить иерусалимский Старый город от контроля мятежников и восстановить некоторый порядок в главных городах страны. Пока продолжались бои, в Лондон шел поток протестов из соседствующих с Палестиной арабских стран — и это в то время, когда шантаж со стороны Германии и Италии вынуждал англичан как можно внимательнее относиться к интересам своих арабских друзей на Ближнем Востоке! Сионисты чувствовали, что теряют почву под ногами, что британское правительство в нерешительности. Они с тревогой следили за тем, как кабинет Чемберлена с готовностью шел на то, чтобы умиротворять Гитлера и Муссолини за счет других стран и народов. Вейцман начал задумываться, не грозит ли подобная судьба ишуву. Не случайно весной 1938 г. были смещены со своих постов верховный комиссар Уокоп, который проводил компромиссную политику, и министр по делам колоний Ормсби-Гор, считавшийся сторонником раздела. На место Уокопа пришел сэр Харольд Мак-Майкл, бывший губернатор Танганьики, на место Ормсби-Гора — Малкольм Макдональд, ранее занимавший пост в руководстве доминионами. После того, как Макдональд дал мандатной администрации указание ввести еще более жесткие ограничения еврейской иммиграции, не осталось никаких сомнений в перемене политического курса.

9 ноября 1938 г. на рассмотрение парламента был передан доклад комиссии по разделу Палестины — доклад Вудхеда. К этому увесистому документу,

содержавшему 310 страниц, прилагались гидрографический и кадастровый обзоры и карты с различными вариантами раздела. План Пиля объявлялся в этом докладе несостоятельным, поскольку в границах предполагаемого еврейского государства окажется значительное арабское меньшинство и, кроме того, не хватит земли для расселения десятков тысяч новых иммигрантов. В любом случае, если еврейское государство в принципе сможет развиваться в экономическом отношении, арабскому государству, лишенному земель, отошедших к евреям, рассчитывать на это не приходится. Где же решение? В докладе предлагалось "модифицировать" план раздела, навязав арабскому и территориально урезанному еврейскому государству насильственный экономический союз и полностью лишив оба народа суверенности в экономических вопросах. "При этом сохраняются трудности политического характера, — констатировали авторы доклада. — Мы должны принимать в расчет и такую возможность, что одна или обе стороны в принципе откажутся от раздела".

Разумеется, сионистов доклад Вудхеда привел в ярость. Они подчеркивали, что по его рекомендации еврейскому государству отводится менее одной двадцатой части западной Палестины или менее одной сотой той подмандатной территории, которая была получена Великобританией в 1920 г. в Сан-Ремо. Кроме того, большинство существующих еврейских поселений и земель оказывается вне границ, предлагаемых в докладе Вудхеда. Что касается арабов, то они отнеслись к новому плану не столь критически, но все же отвергли его, поскольку он, пусть в самой минимальной степени, но предоставлял евреям государственный суверенитет. Впрочем, в этот момент английское пра-

вительство едва ли относилось к плану раздела всерьез. Сперва Лондон официально одобрил доклад. Выступая в парламенте 24 ноября, министр по делам колоний Макдональд, воздав должное достижениям евреев в Палестине, стал доказывать, что именно их превосходство в области образования и техники позволит сионистам решить свои задачи на меньшей территории. Завершая речь, Макдональд сказал: "С незапамятных времен слышал я рассказы о Назарете и Галилее, о Иерусалиме и Вифлееме, где родился Спаситель мира". В ответ на это Черчилль вполголоса заметил, имея в виду Чемберлена[43]: "А я-то думал, что спаситель мира родился в Бирмингеме".

Итак, официальное отношение кабинета к идее раздела было негативным. Два дня спустя была опубликована новая Белая книга, в которой любые попытки разделения евреев и арабов в Палестине отвергались как нереальные. Вместо этого в документе звучала знакомая нота — "самым надежным основанием для мира и процветания Палестины было бы взаимопонимание между евреями и арабами". Правительство заявляло, что с этой целью оно намерено провести в Лондоне совещание представителей сионистов, палестинских арабов и арабских государств. Если в течение определенного срока переговоры не приведут к соглашению, правительство само примет политическое решение и осуществит его независимо от готовности арабов и евреев сотрудничать. В 1936 — 1937 гг. в первый период восстания в Палестине, Лондон признал, что мандат не выполняет своего назначения, о чем арабские националисты говорили с самого начала. Теперь, когда наступил новый этап восстания, план раздела был отклонен без всяких попыток претворить его в жизнь. Арабы, несомненно, извлекли из

этого важнейший урок: насилие — эффективный путь борьбы за их права в Палестине.

Лондонская конференция за круглым столом

Уже за несколько недель до того, как в феврале 1939 г. началась Лондонская конференция за круглым столом, англичане наложили суровые ограничения на еврейскую иммиграцию и на покупку евреями земли. В декабре 1938 г. мандатная администрация ответила отказом на просьбу о немедленном спасении 10 тысяч еврейских детей из Центральной Европы. Еще одной и весьма значительной уступкой арабам было согласие англичан на требование муфтия, все еще находившегося в изгнании в ливанской деревне ал-Зуг. Хадж Амин добивался освобождения членов Верховного арабского комитета, сосланных на Сейшельские острова, и их аккредитации в качестве участников делегации палестинских арабов на Лондонской конференции. Члены Верховного комитета были освобождены, доставлены на Ближний Восток, а после совещания с Хадж Амином они выехали в Лондон. Хотя в состав палестинской делегации были включены два представителя фракции Нашашиби, подавляющее большинство в ней составляли сторонники Хусейни. Зато представители других арабских государств, приехавшие в Лондон, были значительно более достойными и уважаемыми людьми. Среди них был трансиорданский эмир Абдаллах, министр иностранных дел Ирака Нури ас-Саид, принц Фейсал из Саудовской Аравии[44] и ведущие парламентарии и политические деятели из Египта. Еврейскую делегацию возглавляли Вейцман, Бен-Гурион и Бен-Цви, бывший в то время президентом Ваад Леумми в Палестине, а также два представи-

теля еврейства диаспоры — раввин Стивен Уайз, лидер американского сионизма, и лорд Рединг, самый видный еврейский деятель Англии, в прошлом — верховный судья и вице-король Индии.

Конференция открылась 7 февраля 1939 г. в Сент-Джеймсском дворце. После того, как арабы отказались быть в одном зале с евреями, были приняты меры, чтобы делегации находились порознь. В результате получилось две параллельных конференции, которые работали до завершения "круглого стола" 17 марта. Как всегда, еврейскую позицию особенно удачно защищал Вейцман. Лидер сионистов с пониманием отнесся к беспокойству арабов относительно того, что еврейская иммиграция превысит абсорбционные возможности Палестины, и вновь попытался развеять эти опасения. Он просил англичан не ограничивать иммиграцию в "этот тяжелейший час еврейской истории". Точку зрения арабов изложил Джамиль ал-Хусейни. Его речь, как и речь муфтия перед комиссией Пиля за два года до этого, была бескомпромиссной: он требовал отмены мандата и еврейской иммиграции в обмен на договор, гарантирующий соблюдение интересов Великобритании в Палестине.

В какой-то момент обсуждение едва не зашло в тупик: арабы потребовали объявить, какие обязательства англичане дали шерифу Мекки Хусейну во время первой мировой войны. Министерство по делам колоний, в конце концов, уступило этим требованиям, и 15 февраля впервые был официально опубликован полный текст переписки Мак-Магона с Хусейном. Растущая проарабская ориентация Лондона была заметна по тому, с какой готовностью англичане согласились на переоценку причин, приведших к оккупации Святой земли, публично признав, что "доводы арабов [согласно

которым Палестина была частью территории, первоначально обещанной Хусейну]... убедительнее, чем представлялось ранее... А во время частной встречи с сионистами министр по делам колоний Макдональд откровенно заявил, что британские коммуникации на Ближнем Востоке в большой степени зависят от взаимопонимания с арабским миром. Война неизбежна, и у правительства Его Величества не остается выбора — оно должно добиться того, чтобы арабские страны не обратились за помощью к враждебным Англии державам. Если приходится выбирать между арабской и еврейской поддержкой, объяснял Макдональд, то помощь евреев, какой бы ценной она ни была, не сможет возместить Великобритании потерю арабских и мусульманских симпатий. Первый этап переговоров завершился 13 февраля. Макдональд спросил, действительно ли евреи считают, что следует добиться согласия арабов на еврейскую иммиграцию. Вейцман резко парировал этот вопрос: "А разве англичане находятся в Палестине с согласия арабов?"

Второй этап переговоров начался 15 февраля, когда англичане начали оказывать давление на евреев, чтобы те согласились ввести на несколько лет иммиграционную квоту, а если впоследствии увеличить ее, то только с согласия арабов. Предложение, по сути дела, противоречило идее развития еврейского национального очага и лишало в будущем беженцев возможности убежища в Палестине. Когда сионистская делегация возмущенно отвергла этот план, Макдональд дал понять, что англичанам, возможно, придется уйти из Палестины и оставить евреев лицом к лицу с превосходящими силами арабов. "Пока за спиной евреев стоит английское правительство, — впоследствии объяснял он, — арабы никогда не остановят их на

полдороге". Однако, очевидно, сами англичане — премьер-министр Чемберлен и Макдональд — тоже не собирались останавливаться на полдороге. Основное требование арабов оставалось неизменным: отмена мандата и предоставление независимости Палестине в форме контролируемого арабами государства. Британское правительство в принципе согласилось на это, и разговор шел теперь в основном лишь о судьбах еврейского меньшинства. Англичане настаивали на особых правах для евреев, а арабы не хотели на это пойти.

С 1 по 12 марта проходил заключительный этап переговоров: он был посвящен преимущественно юридическим дискуссиям, поскольку британская сторона внесла целый ряд предложений. Среди них были: федерация кантонов, парламент, в котором нижняя палата избирается согласно пропорциональному представительству, а верхняя формируется на паритетных основаниях; или парламент с одной палатой, в котором некоторые вопросы утверждаются раздельным голосованием еврейских и арабских депутатов, — и еще целый ряд идей. Ни одно из предложений принято не было. 11 марта министр по делам колоний сделал последнюю попытку привлечь евреев на свою сторону. Оставив дипломатические тонкости, он предупредил сионистов, что еврейская иммиграция — причина арабских волнений и, по правде говоря, возродившегося в Англии антисемитизма, "Английское правительство, всегда стремившееся к дружбе с евреями, — сказал он, — не желает этого никоим образом".

Не надеясь добиться соглашения между арабами и евреями, Макдональд 15 марта сам сформулировал принципы решения палестинского вопроса, как его трактовало английское правительство. Он предложил на ближайшие пять лет ограничить ев-

рейскую иммиграцию 75 тысячами человек в год; в дальнейшем масштабы иммиграции должны были определяться по договоренности с арабами. Ограничения накладывались и на приобретение земли. Единственная уступка сионистам заключалась в том, что решение о независимом палестинском государстве с правительством арабского большинства пока откладывалось. Хотя обе стороны отвергли позицию Макдональда, было очевидно, что положение евреев резко ухудшилось. Лондонская конференция завершилась 17 марта 1939 г., а два месяца спустя британская политика сформулировала свое решение в официальной Белой книге. В течение этих двух месяцев сионисты делали все возможное, чтобы предотвратить или хотя бы отсрочить заявление англичан, основанное на предложениях 15 марта. Но их усилия не принесли результатов. 21 марта Вейцман посетил Чемберлена на Даунинг-стрит, 10. "Я снова попросил премьер-министра вмешаться и не допустить публикации Белой книги, — вспоминал впоследствии лидер сионистов. — Я сказал: 'С нами случится то же, что с Австрией и Чехословакией[45]. И это произойдет с народом, который, хотя и не имеет собственного государства, однако играет и будет играть огромную роль в истории'". Вейцман, кроме того, подчеркнул, что Англия нуждается в поддержке американцев, а в Америке еврейская община пользуется большим влиянием. Но намек на возможности евреев в Соединенных Штатах в 1939 г. не имел такого успеха, как в 1917 г., когда подобные соображения в значительной мере побудили кабинет принять Декларацию Бальфура. Теперь собственные интересы Великобритании можно было защитить, только поддерживая добрые отношения с арабами. "Премьер-министр Англии сидел передо мной, как

мраморное изваяние, — вспоминал Вейцман, — устремив на меня ничего не выражающий взгляд и не говоря ни слова".

Как показали события, англичане приняли решение (возможно, неизбежное в их положении) умиротворить арабов как раз, когда восстание в Палестине пошло на спад. После Мюнхенского сговора британское правительство без особой опаски могло направить войска за пределы страны. Как уже говорилось, к концу 1938 г. армейские части и полиция в Палестине составляли 20 тысяч человек. Эти силы последовательно вытесняли арабских мятежников из одной деревни за другой. В то же время между арабскими националистическими лидерами в Палестине и членами Верховного арабского комитета в Дамаске усиливались разногласия. Палестинцы обвиняли комитет в денежных злоупотреблениях. Командующий арабскими повстанцами Абд ал-Рахим ушел со своего поста в январе 1939 г. и был заменен Арефом ал-Раззаком. Через два месяца приспешники муфтия убили Абд ал-Рахима, а Раззак бежал в Дамаск и сдался французам. В августе 1939 г., после трех лет беспорядков, в Палестине наступило спокойствие. За это время число пострадавших составило 6768 человек, из них 2394 еврея, 610 англичан и 3764 араба.

Белая книга 1939 года

В начале мая 1939 г. Вейцман был приглашен в загородную резиденцию Макдональда. Лидер сионистов направился туда со своим секретарем Сахаровым, который остался ждать его возле дома министра. Через два часа Вейцман вышел бледный и взволнованный. Он и раньше не раз слышал, что англичане коварны и двуличны, сказал он Саха-

рову, но, имея длительный опыт общения с ними, никогда этому не верил — до сегодняшнего дня. "И он разразился неудержимой бранью по адресу Макдональда, — вспоминал секретарь Вейцмана. — 'Как он мог так поступить! Ведь я верил в его дружбу'", — воскликнул лидер сионистов, овладев собой". В ходе беседы Макдональд сообщил Вейцману о подготовке Белой книги, опубликованной 17 мая 1939 г.

Этот документ был официально оглашен в парламенте. В начале Белой книги вновь говорилось об обязанности мандата обеспечивать религиозные и гражданские права всех жителей Палестины и развивать органы самоуправления. При этом признавалось, что ни Декларация Бальфура, ни условия мандата не исключали возможности создания еврейского государства, однако подчеркивалось, что учредители мандата "не имели намерения превратить Палестину в еврейское государство против воли арабского населения страны". В Белой книге отмечалось, что Великобритания не может до бесконечности продолжать опеку над Палестиной. Поэтому правительство обязано сообщить о своих планах на будущее.

Планы эти заключались в том, чтобы в течение десятилетия создать независимое палестинское государство, постепенно (в течение пяти лет "после восстановления мира и порядка") передать управление страной с помощью британских советников в руки народа Палестины и обеспечить безопасность еврейской и арабской общин, святых мест и английских стратегических интересов. Если по истечении десяти лет потребуется отсрочить провозглашение государства, Великобритания проведет консультации с представителями обоих народов. При этом Белая книга предостерегала против

продолжения неограниченной еврейской иммиграции, которая может вынудить Англию применить в Палестине силу, что находится в противоречии с уставом Лиги Наций. Поэтому правительство Его Величества решило установить квоту на еврейскую иммиграцию в размере 10 тысяч человек ежегодно в течение ближайших пяти лет плюс еще 25 тысяч человек. По истечении этого срока, когда в Палестину прибудет еще 75 тысяч евреев, дальнейшая иммиграция будет разрешена только с согласия арабов. Продажа земли евреям запрещается с момента опубликования Белой книги.

Эта политическая декларация фактически приостановила развитие еврейского национального очага. Теперь Палестина могла предоставить убежище лишь ничтожной части беженцев — и это в тот момент, когда европейское еврейство находилось на пороге гибели! Тем не менее, как бы ни был втайне доволен Верховный арабский комитет, он из тактических соображений отверг Белую книгу на том основании, что евреи получили привилегии во время переходного периода. Лишь немногие арабские лидеры, в том числе Абдаллах, публично признали, что уступки англичан в ответ на требования арабов вполне приемлемы и даже превосходят ожидания. Реакция сионистов была однозначной. 18 мая, на следующий день после появления Белой книги, по всей Палестине прошли еврейские демонстрации и митинги протеста. Во время этих волнений один полицейский был убит. От имени Еврейского Агентства с официальным заявлением выступил Бен-Гурион:

> Еврейский народ не примирится с такой политической линией... Подобный режим может быть установлен только силой... Нет со-

мнений, что евреям придется начать борьбу, чтобы не оказаться под властью арабов. А подавление еврейского восстания против английской политики будет столь же трудным делом, как подавление арабского восстания.

Та же угроза, но в несколько смягченном виде, содержалась и в письме Бен-Гуриона, направленном 31 мая верховному комиссару. Одновременно с этим евреи-ветераны в Палестине стали отказываться от английских орденов и медалей. Многие считали, что сдержанный курс Еврейского Агентства себя не оправдал. Подпольная вооруженная организация ревизионистов Эцел совершила несколько взрывов в государственных учреждениях Тель-Авива и Иерусалима и ряд диверсий на железной дороге.

В Англии Белая книга тоже вызвала серьезное недовольство. Почти все газеты подвергли этот документ критике. 22 мая Леопольд Эмери, выступая в парламенте, обвинил авторов Белой книги в отказе от международных обязательств Великобритании и предупредил, что евреи Палестины — это не бесправное еврейское меньшинство в Европе, а народ, уже познавший, что такое свобода. Этот народ будет сражаться, подчеркнул Эмери. "Я надеюсь, что палестинские евреи заявят, — сказал тогда же в Палате общин полковник Веджвуд, — что этот закон бесчеловечен и они считают своим долгом его нарушить, и тогда они сумеют объединиться против этого закона". Однако с особо резкой критикой выступил Черчилль. "Обязательство предоставить убежище было дано не евреям Палестины, — подчеркивал он, — а евреям за пределами Палестины, бесчисленному множеству несчастных, рассеянных по всему миру, преследуемых, бесприютных евреев, которые с таким постоянным и непо-

бедимым упорством стремились к своему национальному очагу... Таково было наше обязательство, и теперь нам предлагается его нарушить..." Через несколько дней на ежегодной майской конференции в Саутпорте английские лейбористы осудили Белую книгу и тем самым поддержали депутатов парламента от своей партии. Когда в конце мая палестинский вопрос был поставлен на голосование в Палате общин, кабинету удалось получить лишь незначительное большинство. Всего 268 голосов из 413 было подано "за", против Белой книги проголосовало 179 человек, при этом воздержалось от голосования небывало большое число депутатов.

Однако антисионистская интерпретация мандата, принятая правительством Чемберлена, нуждалась не только в одобрении парламента, но и в согласии мандатной комиссии Лиги Наций. В июне три ее заседания были посвящены кризису в Палестине. Макдональд лично предстал перед комиссией, чтобы обосновать содержание Белой книги. По его утверждению, план английского правительства давал надежду на урегулирование арабско-еврейского конфликта и логически продолжал Белую книгу Черчилля 1922 г. (первый английский политический документ, в котором ограничивались права сионистов в Палестине). Кроме того, еврейский национальный очаг стал достаточно жизнеспособным и не нуждается в иммиграции. Члены комиссии этих доводов не приняли. В докладе Совету Лиги Наций они заявили, что "политика, сформулированная в Белой книге, не согласуется с той интерпретацией, которую комиссия совместно с государством-мандаторием и Советом ранее дала палестинскому мандату".

Позиция, занятая этой международной организацией, была для евреев слабым утешением. В каком

настроении они находились, стало ясно на 21-м Сионистском конгрессе, открывшемся 16 августа 1939 г. в Женеве. Несогласие царило среди делегатов, подавляющее большинство которых в прошлом всегда выступало за добрые отношения с англичанами. Бен-Гурион возглавил влиятельную группу, призывавшую к активному сопротивлению. "Белая книга создала ситуацию, которую могут разрешить только сами евреи, — утверждал он. — Они должны действовать так, как если бы в Палестине существовало государство, и продолжать эти действия до тех пор, пока в Палестине не возникнет еврейское государство".

Еврейское Агентство официально одобрило тайную иммиграцию, а неофициально — начало ее осуществлять. Особенно поток нелегальных иммигрантов увеличился летом 1939 г. В июле министерство по делам колоний в ответ на это аннулировало квоту на следующее полугодие. Продолжали организовываться новые сельскохозяйственные поселения. Это настолько вывело из себя англичан, что они потребовали от еще не распущенных отрядов гафиров сдать оружие. Проходившие подготовку новобранцы Хаганы были арестованы. Тогда Еврейское Агентство начало тайно проводить допризывную регистрацию мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет. Для осуществления операций против англичан организовывались специальные подразделения. В этой ситуации всегда умеренный Вейцман напомнил Еврейскому конгрессу, что нельзя одновременно заверять англичан в поддержке со стороны сионистов и ишува в случае войны с Германией и подрывать основы британского мандата в Палестине. "В этот решающий час мой долг заявить Великобритании, а вместе с ней всем западным демократиям: у нас есть обиды... но существует нечто

более значительное, чем наша горечь и сожаление. Демократии борются за то насущное, что... необходимо для жизни еврейства. Их тревоги — наши тревоги, их война — наша война".

Именно на беспомощность евреев и отсутствие у них выбора рассчитывали англичане, когда формулировали политические положения Белой книги. Этот противоречивый документ нельзя не счесть примером политики умиротворения, но его невозможно сравнивать и с позорным мюнхенским соглашением. В конце концов, у арабов тоже были свои серьезные аргументы. Их враждебность по отношению к евреям отражала нечто большее, чем беспокойство нескольких эфенди за свое достояние или успехи фашистской и нацистской пропаганды. Как уже говорилось, арабское сопротивление свидетельствовало о страхе перед растущей мощью ишува, еврейских капиталов, знаний и энергии. Теперь, на пороге войны, Чемберлену и Макдональду, естественно, хотелось обеспечить хотя бы минимум безопасности британским инвестициям и концессиям на Ближнем Востоке. Нельзя было допустить, чтобы арабы попали в немецкую сферу влияния хотя бы потому, что бóльшая часть нефтяных ресурсов Британского Содружества находилась в арабском мире. "Разрыв Великобритании с арабскими государствами, — писал Кристофер Сайкс, самый яркий из сочувствующих сионизму английских историков, — в тот момент, когда Европа находилась в преддверии войны, был бы беспрецедентным актом безумия". Палестина почти двадцать лет находилась под опекой англичан, и на протяжении всего этого времени мандатная администрация честно стремилась к тому, чтобы справедливо обращаться как с арабами, так и с евреями. Но теперь, когда дело касалось самого существова-

ния Англии, следовало позаботиться о собственных национальных интересах. Ни одно серьезное правительство не стало бы пренебрегать этой своей обязанностью.

Так или иначе, победа арабов была отнюдь не полной. Их лидеры были серьезно обеспокоены перспективой 75-тысячной еврейской иммиграции в последующие пять лет. После того, как арабская партия Национальной защиты (сторонники Нашашиби) приняла Белую книгу в качестве предварительной основы для переговоров, один из ее членов был немедленно убит террористами муфтия. Были и другие акты насилия. Тем не менее, с помощью Белой книги удалось, в целом, успокоить арабский мир, что и было целью этого документа. Рассчитанная на ближайшее будущее проарабская политика англичан была оправданна с точки зрения собственных интересов Великобритании. Но в дальней перспективе этот курс был неудачен, поскольку он положил конец многолетнему англо-еврейскому сотрудничеству и был оторван от морально-правовой основы, на которой возник палестинский мандат.

Евреи находились не в том положении, чтобы утешаться собственной правотой. Белую книгу они рассматривали как смертный приговор европейскому еврейству, а вероятно, и еврейскому государству в Палестине. Поздним вечером 24 августа 1939 г. Вейцман простился с делегатами Сионистского конгресса в Женеве. Надвигался общеевропейский конфликт, и напряженная атмосфера последнего заседания конгресса свидетельствовала о ясном предвидении грядущей трагедии. Делегаты разъезжались в мрачном настроении. Вейцман в частности, сказал: "Я расстаюсь с вами с тяжелым сердцем... Если, как я надеюсь, судьба пощадит

нас и мы продолжим нашу работу, то, возможно, свет вновь озарит непроглядную тьму... Есть вещи, которых нельзя избежать, которые неминуемы в этом мире". Глубокая горечь охватила делегатов. Вейцман обнялся со своими коллегами на перроне. У некоторых на глазах были слезы. Не многие европейские делегаты пережили войну.

Глава X

ПАЛЕСТИНА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Успехи и неудачи англичан

Вступая в войну, Великобритания была совершенно уверена в скорой победе на Ближнем Востоке. Французы прочно удерживали Северную Африку и Левант, англичане полностью контролировали Египет, Палестину, Трансиорданию и Ирак, в Лондоне не сомневались в неуязвимости армии и флота союзников в Средиземноморье и Персидском заливе. Эта уверенность была поколеблена после нацистского блицкрига в Европе, поражения Франции и вступления Италии в войну. Сразу после этого тысячи километров североафриканского и сирийского побережья и весь средиземноморский флот Франции оказались в руках формально нейтрального вишистского правительства[46], под наблюдением германской и итальянской комиссий по перемирию. Однако положение Великобритании все же нельзя было считать отчаянным. Итальянские войска в Ливии казались грозными лишь на первый взгляд. Это стало очевидным зимой 1940/1941 гг., когда уступавшая итальянцам по численности английская армия под командованием

генерала Уэйвелла, наголову разбила легионы Муссолини в Северной Африке.

Однако передышка была недолгой. Придя на помощь союзнику, Гитлер в марте 1941 г. направил в Триполитанию две бронетанковые дивизии во главе с блестящим генералом Эрвином Роммелем. В последний день марта германские части перешли границу Киренаики. Начиная с этого момента, англичане в течение года с лишним находились в обороне, а затем чудом избежали разгрома. Особенно тяжелым оказался для них июнь 1942 г., когда танковая армия Роммеля взяла порт Тобрук, который удерживала 35-тысячная армия Британского Содружества. Через три недели английская 8-я армия отступила к Александрии. Великобритании угрожала колоссальная военная катастрофа, сравнимая только с падением Франции, — ведь если бы немцы взяли Александрию, оборонять Суэцкий канал стало бы невозможно. Беззащитными остались бы Палестина и Сирия. В преддверии решающего сражения началась массовая эвакуация британских граждан. Переполненные поезда шли из Каира на восток, в Палестину. Над зданием английского посольства висело облако гари — дипломаты жгли секретные документы.

Все то время, пока английские войска отступали в Африке, измученная войной Великобритания почти не получала поддержки от своих арабских партнеров. Еще в самом начале египетское правительство отказалось объявить войну Италии, хотя Александрия подверглась итальянским бомбардировкам. В мае 1941 г. генерал Азиз Али ал-Мисри, бывший генеральный инспектор египетской армии, тайно вылетел в Бейрут на борту военного самолета. Самолет был перехвачен английскими истребителями, и выяснилось, что генерал собирался перейти на

сторону противника, имея при себе важнейшие данные о британских вооруженных силах. Более того, это открытие позволило приоткрыть только краешек обширного египетского заговора. За месяц до этого сам король Фарук связался с Гитлером через своего посла в Тегеране. В послании короля говорилось, что "он восхищен действиями фюрера, питает уважение к немецкому народу и самым искренним образом желает ему победы над Англией... Теперь, когда победоносные немецкие войска вышли к египетским границам, [египетский] народ... с нетерпением ожидает их вступления в страну, зная, что немцы придут [в Египет] как освободители..." В последующих посланиях Фарук передавал немцам разведывательные данные о дислокации британских частей и выражал готовность "в решающий момент прийти на помощь армиям стран Оси". В это же время в Ираке пришло к власти враждебное англичанам правительство премьер-министра Рашида Али, поддержанного группой офицеров-заговорщиков. В апреле 1941 г. иракский кабинет, ориентировавшийся на Германию и Италию, обратился к немцам с просьбой о "покровительстве". Гитлер немедленно откликнулся на эту просьбу: был налажен воздушный мост, и через Сирию в Ирак начали поступать оружие и боеприпасы. В мае англичанам пришлось осуществить дорогостоящую военную операцию, чтобы свергнуть режим Рашида Али; спустя месяц понадобилась еще более масштабная операция против Сирии для того, чтобы положить конец растущему влиянию немцев в Леванте.

Однако никто с таким энтузиазмом не налаживал связи с немцами и итальянцами, как находившийся в изгнании иерусалимский муфтий. В октябре 1939 г. Хадж Амин бежал из ал-Зуга в

Багдад, где получил высокий пост. Из иракской столицы он направил своего представителя Наджи Шавката с секретной миссией в Анкару. Там Шавкат вручил германскому послу Францу фон Папену личное послание муфтия. В этом письме муфтий поздравлял Гитлера

> по случаю великих политических и военных побед, которые [Вы] достигли благодаря своему гению и силе предвидения... Весь арабский народ испытывает огромную радость и глубочайшую благодарность в связи с этими грандиозными успехами... Арабский народ... уверен в том, что итогом Вашей окончательной победы станет независимость и полное освобождение арабов... [Тогда они] заключат с Вашей страной договор о дружбе и сотрудничестве.

Пока в Берлине размышляли над этим посланием, Хадж Амин в августе 1940 г. отправил к немцам еще одного эмиссара, чтобы подтвердить свое намерение сотрудничать. В результате 23 октября 1940 г. Германия и Италия в совместном заявлении выразили симпатии арабам, борющимся за независимость.

Некоторое время эти контакты не выходили за рамки обмена любезностями. После свержения правительства Рашида Али в мае 1941 г. муфтий бежал из Ирака в Иран, а оттуда перебрался в Турцию. В конце июля он вылетел на немецком самолете из Анкары в Рим. 27 октября муфтия принял Муссолини. Теперь, когда страны Оси одерживали на Ближнем Востоке одну победу за другой, отношения с арабами приобрели особое значение. После переговоров Хадж Амина с дуче был составлен про-

ект заявления, которое после согласования с Берлином было опубликовано за подписями Муссолини и Гитлера. В этом документе страны Оси принимали обязательство признать суверенитет и независимость арабских государств и обещали помощь в "ликвидации еврейского национального очага в Палестине".

3 ноября 1941 г. муфтий отправился из Рима в Берлин. Там Хадж Амина приняли с почетом, и 30 ноября он получил аудиенцию у Гитлера. Муфтий снова выразил свою безграничную признательность фюреру и готовность сотрудничать с Германией во всех сферах, он предложил, в частности, сформировать Арабский легион. Однако, как и прежде, он подчеркивал, что признательность арабов можно завоевать лишь официальным выражением поддержки их национальной независимости и единства. Согласившись с этим в принципе, Гитлер ответил, что предпочел бы дождаться, когда его войска прорвутся через южные отроги Кавказского хребта. Тогда целью рейха будет не оккупация арабских стран, как утверждают англичане, а уничтожение палестинского еврейства. После этого муфтий станет официальным представителем всего арабского мира. Хадж Амина тронули эти заверения.

С одобрения Гитлера он без промедления начал вербовать арабов, находившихся на оккупированных немцами и итальянцами территориях, в Арабский легион. Из этого ничего не вышло — лишь очень небольшое число пленных палестинских солдат согласились вступить в легион. Однако летом 1942 г., когда немецкие войска подошли к Александрии, а на Восточном фронте оказались на подступах к Кавказу, страны Оси усилили пропаганду в арабском и мусульманском мире. Ради

этого муфтий не жалел сил. Регулярно выступая в программе немецкой радиостанции, он "во имя Аллаха" призывал мусульман к восстанию против англичан. Он отправился в Югославию, чтобы вербовать добровольцев среди мусульман Боснии. Однако эти добровольцы (их было около 6 тысяч) под командованием немецких офицеров были брошены на Восточный фронт. К этому времени муфтий уже не слишком уповал на то, что арабы будут существовать под германско-итальянским покровительством. Его планы были теперь сосредоточены на подготовке арабского восстания, которое должно было начаться в тот момент, когда Роммель захватит дельту Нила и двинется на Палестину. В конце июня 1942 г. казалось, что надежды муфтия вот-вот сбудутся.

Единственный союзник

Когда Англия оказалась в трудном положении, на Ближнем Востоке у нее остался один союзник — евреи. Впрочем, перед лицом нацистской угрозы им ничего другого и не оставалось. За четыре дня до начала войны Вейцман направил Чемберлену письмо, где заверял его, что еврейство, выступающее на стороне Великобритании, готово предоставить в распоряжение англичан свои людские ресурсы и технические средства. "В последнее время у Еврейского Агентства имелись некоторые расхождения с мандаторием по политическим вопросам, — писал Вейцман, слегка скрашивая реальную ситуацию. — Мы хотели бы, чтобы эти разногласия ушли в прошлое ввиду значительно более серьезных и неотложных проблем сегодняшнего дня. Мы заверяем Вас в серьезности и искренности этого заявления".

Ответ премьер-министра ни к чему его не обязывал. "В данный момент я могу сказать только, — ответил Чемберлен, — что приветствую Ваши заверения и буду иметь их в виду". Позиция Вейцмана получила одобрение в еврейской среде, несмотря на отдельные возражения. Бен-Гурион, председатель исполнительного комитета Еврейского Агентства, считал, что следует продолжать борьбу против Белой книги, даже если это повлечет за собой активные выступления против англичан. В 1940 г. этот вопрос несколько раз обсуждался на заседаниях исполнительного комитета Агентства, но Бен-Гуриону не удавалось заручиться поддержкой большинства. Так или иначе, нацистский блицкриг в Европе и замена Чемберлена Черчиллем вскоре положили конец дебатам. В Палестине прекратились акты насилия, а нелегальная радиостанция Хаганы была закрыта.

Еврейское Агентство мобилизовало ресурсы ишува, чтобы привести сельское хозяйство и промышленность в соответствие с военными потребностями. Пахотные земли были увеличены на 70 процентов. В начале войны действовало 2 тысячи еврейских предприятий, на протяжении следующего года открылось еще 400 новых, выпускавших преимущественно продукцию для английской армии. К 1945 г. число заводов утроилось. Чем дальше, тем больше экономика ишува ориентировалась на военные потребности Великобритании. В Палестине производились противотанковые мины, детали для стрелкового оружия, танковые моторы, малотоннажные военные суда, запасные части для автомобилей и военная форма, был налажен ремонт орудий, судов, машин. Кроме того, выпускалось лабораторное и медицинское оборудование, оптические приборы, а также лекарства, в том числе вакцины.

В 1943 г. 63 процента всей рабочей силы ишува было занято на оборонном производстве. Кстати, именно эта деятельность заложила фундамент еврейской экономики в послевоенной Палестине.

В первый же месяц войны Ваад Леумми объявил запись добровольцев на военную службу. Через пять дней было зарегестрировано уже 136 тысяч человек — мужчин и женщин. Ими руководило не только желание сражаться против нацистов, но и надежда на то, что существование боеспособной еврейской армии заставит англичан по-другому отнестись к целям сионистов. Кроме того, военный опыт мог пригодиться впоследствии. Еврейское Агентство стремилось к тому, чтобы добровольцы были организованы в самостоятельные части, со своим знаменем, наподобие Еврейского легиона во время 1-й мировой войны. Но эта идея с самого начала встретила сопротивление со стороны английских военных и гражданских чиновников на Ближнем Востоке. Генерал сэр Ивлин Баркер, командующий английскими войсками в Палестине, предостерегал Лондон, что создание еврейских боевых частей на территории мандата может спровоцировать новое арабское восстание. Поэтому военный министр Лесли Гор-Бэлиш (сам еврей по национальности) "на некоторое время" наложил запрет на создание Еврейского легиона. Тогда же английскому послу в Вашингтоне были посланы инструкции избегать всяких договоренностей с американскими сионистами. Великобритании нужна была поддержка евреев в войне, но "без заблуждений относительно возможной компенсации, будь то в форме иммиграции в Палестину или в каком-либо ином виде".

Только после поражения союзников в Европе появились какие-то шансы на более конструктивный подход. Весной 1940 г. правительство Чемберлена

ушло в отставку. Премьер-министром стал Уинстон Черчилль. На посту министра по делам колоний лорд Ллойд сменил Малкольма Макдональда. Антони Иден возглавил военное ведомство, которым до этого руководил Гор-Бэлиш. Тогда Вейцман снова попросил англичан разрешить евреям формирование собственных боевых частей. Ввиду растущей угрозы Ближнему Востоку со стороны Германии и Италии, отмечал лидер сионистов, "участие в борьбе является неотъемлемым человеческим правом" евреев. Этот довод произвел впечатление на лорда Ллойда, а также на заместителя начальника британского генерального штаба генерала Роберта Хейнинга, которые пообещали свое содействие. Однако сионистов вновь ожидало разочарование: Ллойд по совету генерала Уэйвелла пересмотрел свою позицию. На время победили взгляды осторожного руководства ближневосточных войск.

Однако их недоверия к евреям, как выяснилось, не разделял новый премьер-министр. Напротив, Черчиллю импонировала мысль вооружить палестинское еврейство и тем самым высвободить английские гарнизоны, стоящие в Святой земле, для операций на других фронтах. 26 июня он направил Ллойду меморандум, в котором выражал сожаление относительно "суровых ограничений, принятых Вашим предшественником [Макдональдом] к евреям в Палестине, где бесполезно простаивают защищающие их войска. Прошу Вас точно сообщить мне, каким оружием располагают евреи для самообороны". Тремя днями позже Черчилль отверг возражения Ллойда. "Не думаю, что мусульмане на Ближнем Востоке и в Индии будут выражать недовольство, которого Вы опасаетесь", — настаивал на своем премьер-министр. 6 сентября 1940 г., в критический момент Битвы за Англию, Черчилль

пригласил Вейцмана на неофициальный прием и заверил лидера сионистов, что полностью поддерживает проект создания еврейской армии. После этого начальнику генерального штаба был направлен следующий меморандум:

> 1. Как можно большее число еврейских добровольцев должно быть набрано на военную службу в Палестине. Из них следует сформировать еврейские батальоны или более крупные соединения.
> 2. Министерство по делам колоний настаивает на том, чтобы соблюдался приблизительный паритет в количестве евреев и арабов, призванных в Палестине на службу в еврейские и арабские формирования. Поскольку число евреев-добровольцев в Палестине, очевидно, будет превышать число арабов, часть евреев следует направить для подготовки в Египет или в другие страны Ближнего Востока.
> 3. Офицерские кадры, необходимые для формирования одной еврейской дивизии, должны быть немедленно подобраны из числа палестинских евреев и посланы для подготовки в Египет.

Таким образом, вопрос был решен, и через неделю Иден официально известил Вейцмана о том, что "правительство намерено приступить к организации еврейской армии на тех же основаниях, как чешской и польской армии"[47]. Это воинское соединение первоначально должно было включать 10 тысяч человек, в том числе 4 тысячи добровольцев из Палестины. После подготовки в Англии эти 4 тысячи должны были отправиться обратно на Ближний Восток. Вейцман был счастлив. "Насту-

пил великий день, почти такой же великий, как день провозглашения Декларации Бальфура", — писал он друзьям. В феврале 1941 г. лидер сионистов познакомился с генерал-майором Л.А.Хозом много лет служившим в Индии, — теперь тот должен был стать командующим еврейскими войсками. Были готовы даже эскизы знаков различия новой армии.

Однако в феврале скоропостижно скончался лорд Ллойд, и его место занял лорд Мойн. Новый министр по делам колоний, попав под влияние Уэйвелла и Баркера, решил блокировать предложение о создании еврейской армии. Направляя Черчиллю один меморандум за другим, Мойн подчеркивал сложность политической ситуации на Ближнем Востоке и жаловался на нехватку боеприпасов и оборудования — в таких условиях создание новой армии было делом нереальным. Черчилль неохотно согласился с доводами министра и отложил решение этого вопроса. 4 марта Вейцману было направлено лаконичное извещение: "Премьер-министр пришел к выводу, что из-за нехватки оборудования проект должен быть отложен на шесть месяцев..." Через полгода, 23 октября 1941 г., Мойн сообщил о новой отсрочке: "Поскольку правительство должно оказывать всестороннюю помощь России, еврейскую дивизию создать невозможно". В последующие месяцы сионистам так ничего и не удалось добиться. Мандатные власти продолжали упорно следовать рекомендациям Белой книги, а это означало, что теперь Великобритания руководствуется исключительно политическими соображениями. Прошло еще полтора года, прежде чем идея еврейской армии принесла какие-то плоды, но к этому времени кампания на Ближнем Востоке уже завершилась.

Однако евреи нашли иные пути участия в воен-

ных действиях. Начали возникать небольшие подразделения со своими младшими офицерами-евреями. Это было, в конечном счете, результатом многочисленных запретов, введенных англичанами. В начале войны генерал Баркер предложил создать смешанные арабско-еврейские роты "пионеров" (водителей, интендантов и военных строителей) и послать их на Западный фронт. Еврейское Агентство оскорбилось, но ответило согласием. Подразумевалось, что количество евреев-добровольцев не должно превышать соответствующего числа арабов. Однако от этого соотношения скоро пришлось отказаться: через несколько дней евреи превысили свою квоту, а необходимого числа арабов так и не удалось набрать. Первые группы в количестве пятисот палестинских евреев прибыли во Францию в 1940 г. Их, в основном, использовали в ремонтных подразделениях. После того, как Франция капитулировала, они в большинстве на время вернулись в Палестину, где их направили в аэродромное обслуживание английских военно-воздушных сил. Вскоре после этого, когда Италия вступила в войну, в британскую авиацию было набрано еще 1400 евреев, причем несколько десятков было принято для летной подготовки.

К началу 1942 г. в английской армии на Ближнем Востоке служило 11 тысяч евреев. Номинально они еще были приписаны к смешанным арабско-еврейским ротам. Фактически же эти подразделения состояли почти исключительно из евреев. В связи с этим сионисты потребовали, чтобы были сформированы батальоны. В Лондоне, наконец, уступили, и в августе 1942 г. эти батальоны общей численностью в 18 тысяч человек были созданы. Около 25 процентов палестинских евреев несло в британской армии строевую службу. В июне 1942 г.,

во время отступления 8-й армии англичан в Северной Африке, тысяча палестинских евреев в составе бригады "Свободная Франция" обороняла деревню Бир-Хахейм — к 2 июля, когда на выручку подоспели соединения генерала Пьера Кенига из войск де Голля[48], из этой тысячи осталось в живых 45 человек.

Помимо службы и содействия английской армии, у евреев была еще одна форма участия в войне — это деятельность Хаганы. Напомним, что во время восстания в конце 30-х гг. еврейское подполье было неофициально признано мандатными властями. Однако в мае 1939 г. появление Белой книги нарушило негласную договоренность. После этого Хагана решила сосредоточить свои усилия на нелегальной иммиграции, но начавшаяся война помешала этим планам. После нескольких недель колебаний руководство подполья приняло точку зрения Еврейского Агентства и вызвалось содействовать военным усилиям англичан, не прекращая, однако, нелегально обучать свои кадры. Из-за этого англичане скептически относились ко всем заверениям евреев. Сразу после начала боевых действий в Европе были арестованы сорок три лучших офицера Хаганы, в том числе Моше Даян и Моше Кармел. Они были осуждены на шестнадцать месяцев тюрьмы, и только через полгода, после прихода Черчилля к власти, освобождены. Свободу получили и еще две группы, заключенные в тюрьму за хранение оружия.

Однако после немецкого блицкрига 1940 г., когда военное положение Великобритании ухудшилось, правительство начало понемногу смягчать свою политику в отношении Хаганы. Поскольку Франция вышла из войны и Сирия оказалась в руках вишистов, нужно было изыскать средства, чтобы остано-

вить немецкое проникновение на Ближний Восток. Поэтому англичане попросили старших офицеров Хаганы помочь в составлении списков слабо охраняемых мостов и туннелей в Ливане, Сирии, Турции и Иране. Были и другие формы сотрудничества. Ранней весной 1941 г. танковая армия Роммеля начала операции в Западной пустыне, а нацистское проникновение в Сирию приобрело более серьезный характер. Теперь англичане остро нуждались в помощи Хаганы. К сожалению, эта организация в тот момент была недостаточно сильна. Лучшие ее инструкторы и сотни бойцов пошли добровольцами в английскую армию, а подготовка резервистов могла проводиться только по выходным дням. В распоряжении Хаганы имелось всего несколько десятков "профессиональных" солдат — ветеранов из формирований Саде и ночных отрядов особого назначения Уингейта. Сил одних резервистов на случай совместного арабско-немецкого нападения было недостаточно. Вскоре стало ясно, что необходимо создать постоянно действующие еврейские части. Так и случилось: в мае 1941 г. Хагана организовала *Палмах* (сокращение от *плугот махац* — "ударные отряды"). В задачи Палмаха входила защита ишува от арабских банд, которые, безусловно, начали бы нападения на еврейские города и поселения при отступлении англичан из Палестины. Главное же, в случае вторжения в Палестину войск стран Оси Палмах должен был вступать в бои с противником, повреждать линии связи и совершать диверсии на транспорте и аэродромах. Командование этими отборными силами принял Ицхак Саде. С той же энергией, что и в 30-е гг., ветеран Хаганы сразу принялся вербовать в Палмах лучших представителей молодежи, в основном киббуцников.

В то время как Саде со своими единомышлен-

никами был занят организацией Пал́маха, внезапно ухудшилась военная обстановка в Леванте. Было ясно, что англичанам остается одно — начать наступление на юге, прежде чем немцы сумеют закрепиться в Сирии. Однако для этого требовалось послать туда разведывательные группы, чтобы изучить плацдарм будущих военных действий. Тогда англичане обратились к руководству Хаганы, прежде всего, к Саде, который согласился выделить людей для выполнения этой задачи. В начале лета 1941 г. Палмах представил около сотни бойцов. Некоторые из них, владевшие арабским языком, должны были проникнуть на территорию Сирии, собрать разведывательные данные в различных населенных пунктах и заминировать мосты и дороги. Эта операция прошла успешно, однако следующая закончилась неудачей. Английская разведка поручила двадцати трем лучшим бойцам Саде высадиться на ливанском побережье и уничтожить нефтеочистительные сооружения в порту Триполи. Десантное судно было замечено с берега и потоплено. Все члены группы погибли.

Однако главная операция по заданию англичан увенчалась полным успехом. Накануне вторжения союзников в Сирию, 8 июня 1941 г., добровольцы Палмаха провели разведывательный рейд в расположении вишистских войск. Для выполнения этого задания Саде выбрал две роты. Ими командовали его любимцы — Моше Даян и Игал Аллон (Пайкович). Было сформировано двенадцать взводов: два из них должны были служить проводниками для наступавших австралийских частей, другие — повреждали заграждения, нападали на французские патрули, охранявшие мосты через Литани, совершали диверсии на линиях электропередач и дорогах. Даян, обнаруживший исключительную отвагу,

взял в плен двенадцать вишистских солдат (позже, в перестрелке, он лишился глаза).

Воодушевленный удачей, Саде потребовал у руководства Хаганы предоставить Палмаху собственные базы для усиленной подготовки бойцов. Разрешение было дано, и два учебных лагеря начали действовать в киббуцах Гинносар и Бет-Орен. На этих базах не было ни палаток, ни спальных принадлежностей; кроме того, на содержание добровольцев не хватало денег. Палмаховцам в киббуцах пришлось в буквальном смысле "зарабатывать" право служить в регулярных частях. Вскоре те, кто прошел подготовку в этих лагерях, понадобились снова. Сотрудничество англичан с евреями достигло апогея в самый опасный период ближневосточной кампании, когда Роммель двинулся на Александрию летом 1942 г. Англичане начали сооружать дополнительные укрепления в северной Палестине и Иудейских горах. Одновременно усилились военные приготовления сионистов. Широких масштабов достиг набор добровольцев в английскую армию и в резервы Хаганы. Тогда же британские штабные офицеры приступили к формированию особых частей из отрядов Палмаха, чтобы противопоставить их растущей угрозе со стороны немцев.

Стратегический план "Кармел" был, в сущности, разработан евреями — Саде и д-ром Иохананом Ратнером, профессором Техниона, который входил в командование Хаганы. План заключался в том, чтобы создать в районе Кармелской гряды особую зону, куда в случае необходимости мог бы эвакуироваться весь ишув. Там евреи могли бы продержаться на осадном положении месяцы или даже годы — до окончания немецкой оккупации. В этой зоне должна была действовать еврейская во-

енная администрация. Снабжение населения взяли бы на себя английская авиация и подводный флот. Кроме того, следовало использовать и собственные сельскохозяйственные ресурсы.

Численно возросший Палмах мог бы защищать эту зону, используя имеющийся британский арсенал, а также самостоятельно производя оружие в небольших мастерских. Здесь возникла бы крупная партизанская база, откуда можно было осуществлять нападения на войска противника, совершать диверсии на коммуникациях. Что и говорить, этот хитроумный план ни в коей мере не напоминает образ мыслей угнетенного европейского еврейства. Он далек и от того, как вели себя при нацистской оккупации другие народы. Перед нами мировоззрение принципиально нового, сионистского типа. Не скрывая своего восхищения (и некоторых сомнений), англичане одобрили план "Кармел". Военная подготовка координировалась разведкой британского генерального штаба. Для сбора информации о противнике и диверсионных акций были привлечены евреи, владеющие немецким и арабским. Постепенно масштабы операции расширялись. Было отобрано еще 725 новобранцев. Ряду еврейских подпольщиков было разрешено открыто действовать совместно с англичанами.

План "Кармел" так и не был осуществлен. В июле 1942 г. войска Роммеля потерпели поражение у Ал-Аламейна, а через четыре месяца реорганизованная 8-я армия под командованием генерал-лейтенанта Бернарда Монтгомери изгнала немцев из Ливии. К этому моменту сотрудничество с евреями начало причинять неудобства мандатным властям — сионистское руководство всячески подчеркивало несоизмеримость еврейской и арабской помощи англичанам. Поэтому осенью 1942 г.,

как только опасность, нависшая над Палестиной, миновала, англичане закрыли учебные лагеря Палмаха, распустили "немецкий" и "арабский" отряды и даже потребовали передать им списки членов организации с фамилиями и адресами. Через несколько дней бойцы Палмаха ворвались в английский арсенал и захватили там оружие. В ответ англичане снова лишили Хагану ее официального статуса.

Однако еврейские силы самообороны не согласились на роспуск и перешли на нелегальное положение. Более того, число добровольцев возросло до 21 тысячи. Палмах продолжал тайное обучение бойцов в отдаленных киббуцах и даже создал секретную военно-морскую организацию (*Пальям*). Под видом авиаклуба было создано маленькое военно-воздушное отделение Палмаха. Опыт сотрудничества с англичанами позволил руководству Хаганы и Палмаха лучше разобраться в том, как функционирует европейская регулярная армия, каковы ее достоинства и недостатки. Так, например, Хагана позаимствовала у англичан систему командования, но при этом отказалась от некоторых ее устаревших традиций. Командиров Палмаха учили не столько полагаться на приказы, сколько проявлять личную инициативу. Саде и его соратники уделяли особое внимание нестандартным тактическим приемам, находчивости, внезапности и опережающим ударам. Столь высокого уровня военного мышления не знали другие подпольные освободительные движения. Мобилизация сил и военная подготовка во время ближневосточной кампании оказались одинаково полезны и для евреев, и для англичан. Впоследствии это оказалось чрезвычайно важным для сионистов.

Спасение евреев за пределами Палестины было для ишува не менее важной задачей, чем защита еврейского национального очага. После того, как в 1939 г. появилась Белая книга, на протяжении года с лишним продолжался, несмотря на все ограничения, тайный исход евреев из Центральной и Восточной Европы в Палестину. В то время как немцы поначалу поощряли переселение евреев, англичане рассматривали иммигрантов как "пятую колонну", идеально отвечавшую стремлению нацистов разжечь недовольство среди арабов и вызвать критическую обстановку в Палестине. Поэтому мандатные власти старались любой ценой предотвратить появление беженцев на палестинском берегу и интернировали их в различные страны Британского Содружества. Строгое следование этому курсу и после начала войны, свидетельствовало о негласном решении мандатной администрации приостановить рост еврейского национального очага, хотя именно тогда можно было провести абсорбцию 100 тысяч еврейских иммигрантов, не ставя об этом в известность арабов. Кроме того, 28 февраля 1940 г. министр по делам колоний Макдональд наложил запрет на продажу земли евреям. Так они оказались в новой черте оседлости, на земле, составлявшей не более 5 процентов территории западной Палестины.

Весной 1940 г., пока обсуждался вопрос о еврейских добровольцах в Палестине, внешнеполитическое и колониальное ведомства неоднократно подчеркивали важность добрых отношений с арабами. 25 мая иракский министр иностранных дел Нури ас-Саид потребовал, чтобы Лондон сделал четкое и недвусмысленное заявление, которое гарантиро-

вало бы арабам самоуправление в Палестине по окончании войны. Нури утверждал, что подобный документ перечеркнет все успехи нацистской пропаганды на Ближнем Востоке. В соответствии с этим, 12 июня в Лондоне был составлен проект официального заявления, в котором говорилось, что "политика правительства Его Величества в Палестине по-прежнему основана на Белой книге мая 1939 г." и что Великобритания намерена, "по окончании войны... обеспечить [быстрое] прохождение тех этапов конституционного развития, которые изложены в Белой книге". Если бы не сопротивление Черчилля, кабинет одобрил бы заявление. Но вместо этого 3 июля 1940 г. была принята более короткая декларация, сводившаяся к следующему: "Правительство Его Величества не видит никаких причин для того, чтобы вносить изменения в свою политику в Палестине в том виде, как она была сформулирована в мае 1939 г. Эта политика остается неизменной". Несколько месяцев спустя англичане решили сделать следующий шаг в соответствии с курсом Белой книги и назначить начальниками нескольких департаментов палестинцев (то есть арабов). В последний момент это намерение сорвалось из-за непредвиденного события — в хайфской гавани затонул пароход "*Патриа*" с беженцами на борту.

В ноябре 1940 г. по распоряжению мандатных властей на это старое судно было помещено 1900 недавно прибывших в Палестину нелегальных иммигрантов. Администрация намеревалась переправить беженцев на остров Маврикий в Индийском океане и интернировать их там до конца войны. Стремясь сорвать этот план, Хагана решила организовать взрыв, в результате которого в корпусе судна образовалась бы небольшая пробоина,

— тогда пассажиров пришлось бы высадить на берег. 25 ноября был произведен взрыв, после чего пароход почти затонул, причем погибло 240 иммигрантов и 10 английских полицейских. После этой трагедии миновал месяц, и в Хайфу пришло еще одно старое транспортное судно, — пароход "*Атлантик*" с 1600 европейскими беженцами на борту. На этот раз англичане беспрепятственно отправили иммигрантов на Маврикий. Через несколько недель 350 евреев прибыли в Хайфу на параходе "*Сальвадор*", однако им не разрешено было высадиться на берег, и "Сальвадор" направился в Болгарию. По пути он затонул, при этом спаслось всего 70 человек. Британская блокада в Средиземноморье в ходе войны все ужесточалась, и морские пути для иммиграции оказались закрыты.

А несколько позже произошло событие, которое стало для ишува символом английской политики по отношению к беженцам. 16 декабря 1941 г. в стамбульской гавани бросил якорь пароход "*Струма*", старое судно водоизмещением 180 тонн. Несколькими неделями раньше "Струма" вышла из румынского порта Констанца и направилось в Палестину. Когда корпус парохода дал течь, а машина стала отказывать, пришлось встать на ремонт в Стамбуле. "Струма" была переполнена беженцами — на ней было 769 человек. Увидев, что дальше пути нет, евреи попросили убежища у турецких властей. Просьба была отклонена. Не желая возвращаться назад, не имея возможности продолжать путь, пассажиры "Струмы" два месяца находились в стамбульской гавани, страдая от голода и тесноты и все больше поддаваясь панике. Еврейское Агентство просило англичан разрешить беженцам въезд в Палестину, пусть с немедленной высылкой на Маврикий. Если бы такое разрешение

было дано, турки позволили бы евреям сойти на берег и переправили бы их в Левант. Мандатная администрация на это не согласилась. В конце концов, 24 февраля 1942 г. турки потребовали, чтобы "Струма" покинула гавань. В пяти милях от берега пароход затонул. Погибло 428 мужчин, 269 женщин и 70 детей. Ужас, охвативший палестинское еврейство, в какой-то мере нашел отклик у стран-союзниц. Даже в Великобритании трагедия вызвала полемику в Палате общин. Однако англичане еще несколько раз продемонстрировали свое упрямство, когда дело касалось пароходов с беженцами. Один из них, "*Пенчо*", тоже пошел ко дну, но большинству пассажиров удалось спастись.

В это время бегство из Европы объяснялось уже не только стремлением избавиться от преследований, теперь от него зависела жизнь. Первые неподтвержденные сообщения о массовых убийствах поступили от немецкого писателя-эмигранта Томаса Манна[49], который в декабре 1941 г. — январе 1942 г. неоднократно выступал в программе Би-Би-Си. В августе 1942 г. польское правительство, находившееся в Лондоне, передало американцам информацию о газовых камерах и крематориях. Вскоре поступили сообщения от Всемирного еврейского конгресса[50] и сотрудников Еврейского Агентства, которые узнали о массовых казнях от польских военнопленных, попавших в Палестину. Характерна реакция государственного департамента США — он наложил запрет на передачу подобной информации по дипломатическим каналам. Когда еврейские организации попытались собрать деньги для спасения евреев в Европе, Вашингтон и Лондон заявили, что эти средства попадут в руки врага и помогут Германии и ее союзникам обеспечить собственное население. В феврале 1943 г. адми-

рал Уильям Лихи, представитель президента Рузвельта, отклонил предложение о вывозе 10 тысяч еврейских беженцев из оккупированной Европы через Испанию в Северную Африку. Предлогом были трудности с морским транспортом. Месяц спустя болгарское правительство, почувствовав, что расстановка сил меняется, и стремясь отмежеваться от "окончательного решения еврейского вопроса" (этим термином Гитлер пользовался, когда говорил об уничтожении европейского еврейства), выразило готовность отправить евреев из Болгарии в Палестину. Когда американцы передали это предложение на рассмотрение англичан, дальнейшие действия были блокированы министром иностранных дел Иденом. "Если мы это сделаем, евреи всего мира захотят, чтобы мы обратились с аналогичным предложением по поводу еврейства Польши и Германии, — объяснил Иден. — Гитлер, возможно, только этого и ждет. А, кроме того, во всем мире не собрать кораблей для их перевозки". К тому же, "Гитлер позаботится о том, чтобы среди беженцев были и его агенты". В декабре 1943 г. государственный департамент США, наконец, дал разрешение на перевод необходимых для спасения евреев денежных средств в Румынию и Францию при условии, что англичане выдадут евреям надлежащие пропуска для въезда в Палестину. Однако Иден и на этот раз выступил против, указав на "трудности, связанные со столь значительным количеством евреев".

Самое большее, на что были готовы союзники, — это послать своих представителей на международную Бермудскую конференцию (апрель 1943 г.) по проблемам помощи беженцам. В ходе конференции обсуждалась возможность разместить еврейских беженцев в таких отдаленных местах, как

Британская Гвиана, Минданао на Филиппинах или Доминиканская республика. Палестина при этом вообще не рассматривалась. Правительства не собирались распахивать двери перед эмигрантами. В конечном счете, Бермудская конференция оказалась такой же бесплодной, как и Эвианская конференция 1938 г. Поэтому в январе 1944 г. Рузвельт согласился создать Комитет по делам военных беженцев, чтобы облегчить участь преследуемых нацистами. Однако представителю Комитета Хиршману не удалось достичь полного успеха, хотя он и добился от англичан разрешения на въезд в Палестину нескольких тысяч еврейских детей из СССР, которые были интернированы турками и находились в ужасающих условиях.

В том же 1944 г. при чрезвычайно странных обстоятельствах не была использована возможность широкомасштабного спасения европейских евреев. До начала 1944 г. адмирал Миклош Хорти, диктатор Венгрии, не позволял немцам вмешиваться в политику своей страны по отношению к евреям. Однако 19 марта нацисты оккупировали Венгрию. В апреле Иоэль Бранд[51], член Будапештского комитета помощи евреям, был вызван к Адольфу Эйхману, прибывшему в Будапешт, чтобы лично руководить "окончательным решением еврейского вопроса". Эйхман сделал Бранду поразительное предложение. Он заявил, что готов выпустить из Венгрии 800 тысяч евреев при условии, что союзники поставят Германии 10 тысяч грузовиков, 1000 тонн кофе и 1000 тонн мыла. Потрясенный и мучимый сомнениями Бранд обсудил это предложение с другими членами комитета. У них оно тоже не вызвало доверия. Даже если намерения немцев действительно таковы, союзники ни за что не согласятся на стратегические поставки Германии. С другой

стороны, переговоры с Эйхманом следовало продолжить уже ради того, чтобы удержать руку палача. Но этого не получилось. В первых числах мая по приказу Эйхмана начали ежедневно отправлять по 12 тысяч венгерских евреев в лагеря смерти. 17 мая Эйхман направил Иоэля Бранда на немецком почтовом самолете в Турцию, приказав ему довести до сведения еврейских представителей и английских властей свое предложение — "кровь за товары".

В Стамбуле Бранд встретился с сотрудниками Еврейского Агентства. Он пришел в отчаяние, когда выяснилось, что его собеседники не полномочны вести переговоры, и бросился в Палестину. Бранд сумел добраться до Алеппо, где был задержан англичанами, которые принялись его допрашивать. В конце концов, его переправили в Каир, где он фактически оказался под домашним арестом. Однако Хиршману, представителю американского Комитета по делам беженцев, разрешили побеседовать с Брандом. Полученную информацию Хиршман передал в Вашингтон. Он умолял хотя бы формально начать переговоры с немцами, даже если нельзя согласиться на военные поставки. Однако, несмотря на то, что государственный департамент до известной степени заинтересовался этим предложением, английское правительство вскоре положило этому конец. В Лондоне сообщение о предложении Эйхмана попало в прессу, и одновременно с ним была официально отвергнута "наглая попытка шантажировать правительство Его Величества". Тогда два эмиссара Еврейского Агентства, Иехуда Авриэль и Менахем Бадер, решили по собственному почину отправиться в июле в Португалию и наладить там контакт с немецкими агентами. Англичане не дали им на это разрешения.

К этому времени 434 тысячи венгерских евреев были отправлены в Освенцим и уничтожены. Остальные были спасены Красной армией, вошедшей в Венгрию.

Все, что было сделано для спасения евреев, совершалось не столько благодаря терпимости англичан, сколько благодаря усилиям еврейского подполья. Хагана сумела тайно переправить в Палестину несколько тысяч ближневосточных евреев по "секретному пути" через Ирак и Иорданию. Вдоль дорог, по которым передвигались бедуинские караваны, устраивались тайные лагеря для беженцев, и арабы за известную мзду перевозили переодетых пассажиров. Этим методом в Палестину в 1942 — 1943 гг. было доставлено 4 тысячи иранских и иракских евреев. Кроме того, в ответ на террор в странах Оси евреи приняли участие в ряде секретных спасательных операций в северной Италии и на Балканах. Эти действия начались сперва в связи с неожиданно большими потерями американских бомбардировщиков, понесенными в 1943 г. во время налетов на нефтеочистительные сооружения в румынском городе Плоешти. Тогда англичане пришли к выводу, что требуются новые разведывательные данные о системе немецкой обороны на Балканах. В этот момент руководство Хаганы выступило с предложением: в составе парашютных десантов в европейские страны можно забрасывать евреев, уроженцев этих мест. Они будут выполнять двойную задачу: собирать разведывательную информацию и организовывать сопротивление еврейских общин в оккупированных государствах. Поколебавшись, англичане согласились. После этого для участия в операции были набраны 32 палестинских еврея, в том числе три женщины. Подготовку они проходили в специальном лагере в Каире.

Девять парашютистов было заброшено в Румынию, три — в Венгрию, два — в Болгарию, три — в Италию, шесть — в Словакию, девять — в Югославию. Все они были уроженцами этих стран и свободно владели национальными языками. У всех были там родственники. Из тридцати двух человек семеро погибло вместе с евреями, которых они пытались спасти. Лучше других известна сегодня Хана Сенеш[52], венгерская еврейка, покинувшая родной дом и переселившаяся в Палестину в 1939 г. В 1944 г. она, не сумев добраться до Будапешта, была схвачена венгерской полицией и попала в гестапо. Ее пытали и казнили. Другая девушка, Хавива Рейк, участвовала в работе еврейского подполья в Словакии и в создании пересыльного пункта для бежавших русских военнопленных и летчиков англо-американской авиации. Ее тоже схватили и казнили вместе с двумя другими парашютистами. Энцо Серени[53] — самый старший в группе — родился и вырос в Италии. Отец его был личным врачом итальянского короля. В юности Серени уехал в Палестину и одним из первых добровольно вызвался принять участие в операции. В мае 1944 г. он был заброшен в Италию. Там он сразу же был схвачен эсэсовцами, заключен в тюрьму, а потом убит в Дахау. Хотя нескольким парашютистам удалось наладить передачу разведывательных данных англичанам и даже организовать спасение англо-американских летчиков, которых они переправляли на территории, контролируемые югославскими партизанами, операция не принесла особого успеха в создании еврейского сопротивления в Венгрии и на Балканах. Тем не менее, как и другие действия евреев во время войны, эта героическая история была у всех на устах и только подкрепила стремление сионистов к независимости.

Сионисты и Англия

В то время, как сионисты использовали все свои ограниченные возможности, чтобы прорвать блокаду Палестины, их представители в Лондоне пытались найти решение проблемы беженцев в рамках более широкого соглашения по Палестине. В начале войны руководство Еврейского Агентства по-прежнему поддерживало план раздела 1937 г. Возможно, требуя суверенитета, оно имело в виду и предложение, высказанное в сентябре 1939 г. английским путешественником Джоном Филби, другом Ибн Сауда. Идея Филби заключалась в том, чтобы передать всю Палестину евреям в обмен на 20 миллионов фунтов, которые они выплатят правителю Саудовской Аравии. Он на эти деньги осуществит переселение палестинских арабов в свое королевство. Предполагалось, что этого монарха могла соблазнить, главным образом, мысль, что он занимает первое место среди арабских правителей. После некоторых колебаний сионисты согласились, чтобы Филби занялся этим проектом. В январе 1940 г. он побывал в Саудовской Аравии и поделился своим планом с августейшим другом. Ибн Сауд проявил некоторый интерес к идее. Заинтересовался предложением Филби и Черчилль, который впервые узнал о нам от Вейцмана в 1940 г., а потом вкратце обсуждал проект с лидером сионистов в марте 1942 г. Видимо, премьер-министр в целом одобрил этот план, поскольку лорд Мойн, впоследствии постоянный посланник в Каире, в декабре 1942 г. встретился с Ибн Саудом для дальнейших переговоров. Не получив от союзников твердых гарантий, король отказался брать на себя какие-либо обязательства. Его позиция не изменилась и тогда, когда этот вопрос был затронут в 1943 г.

представителем США полковником Хоскинсом.

Хотя из предложения Филби ничего не вышло, Вейцмана и его коллег воодушевило отношение Черчилля. Ясно было, что премьер-министр не утратил своих старых симпатий к сионизму. 18 апреля 1943 г. он энергично высказался в поддержку Вейцмана, призывавшего отказаться от курса Белой книги. "Я не могу согласиться с тем, что Белая книга 1939 г. "твердо устанавливает политику нынешнего правительства Его Величества, — заявил Черчилль. — Я всегда считал, что в Белой книге грубо нарушены наши обещания". Десять дней спустя Черчилль послал членам кабинета записку, в которой оспаривал право арабского большинства препятствовать еврейской иммиграции в Палестину. По его распоряжению 12 июля был учрежден специальный правительственный комитет по изучению будущего Палестины. Председателем комитета, в который вошли Оливер Стенли, лорд Кренборн и Леопольд Эмери, стал Герберт Моррисон. В октябре комитет Моррисона пришел к единому мнению, хотя официальный доклад был отложен до 20 декабря. По заключению комитета, лучшим решением комплекса проблем Палестины является раздел при условии, что правительство будет способствовать созданию союза левантийских стран, в который войдут 3/5 Ливана, "Великая Сирия", Трансиордания, южный Ливан и населенные арабами районы Палестины.

Этот план многое давал евреям. Черчиллю он понравился. Хотя официальное сообщение было отложено до конца войны, премьер-министр изложил суть дела Вейцману в октябре 1943 г. При этом присутствовал и Клемент Эттли, лидер лейбористской оппозиции. "Когда мы раздавим Гитлера, — твердо обещал Черчилль, — мы должны будем предоста-

вить евреям подобающее им место. Мне досталось наследие Бальфура, и я с этого пути не сверну. Однако нам противодействуют темные силы. Д-р Вейцман, у вас есть добрые друзья. Вот например, мистер Эттли и лейбористская партия интересуются этой проблемой". "Несомненно", — кивнул Эттли. Через год, 4 ноября 1944 г., премьер-министр снова принял Вейцмана и безоговорочно обещал ему найти удовлетворительное решение палестинского вопроса после войны. По словам Черчилля, следовало ориентироваться на иммиграцию полутора миллионов беженцев в течение десяти лет и на немедленное переселение 100 — 150 тысяч сирот. Кроме того, можно было рассчитывать на такой план раздела, который, как намекнул премьер, "устроит" евреев.

Как ни сильно было горе, вызванное европейской Катастрофой, сионистское руководство в то время не могло ставить под сомнение искренность и дружеские чувства Черчилля. Даже воинственный Бен-Гурион разделял эту веру. Более того, доказательством добрых намерений премьер-министра служила его готовность решить до конца войны вопрос о Еврейской бригаде. После вторжения союзников в Италию осенью 1943 г. линия фронта передвинулась от арабских стран на север. Теперь было значительно легче оправдать участие сионистов в войне — ведь именно в Европе были уничтожены миллионы евреев. 12 июля 1944 г. Черчилль направил военному министру меморандум, в котором предлагалось организовать еврейское армейское соединение. "Я одобряю желание евреев бороться с теми, кто убивал их соплеменников в Центральной Европе, и думаю, что это принесет большое удовлетворение Сединенным Штатам..." В последующие недели план был детально раз-

работан совместно с Еврейским Агентством, а 29 сентября премьер-министр заявил в Палате общин:

> Я знаю, что множество евреев служит в нашей армии и в американской армии, на всех фронтах, но мне представляется правильным, чтобы особое еврейское формирование, состоящее из представителей народа, который перенес нечеловеческие страдания от нацистов, существовало как самостоятельная единица в составе сил, объединенных для окончательного разгрома Германии. Я не сомневаюсь, что [евреи] примут участие не только в борьбе, но и в последующем вступлении союзных войск в Германию.

В октябре военное министерство назначило бригадира Эрнеста Бенджамина командиром Еврейской бригады. Бригада имела свою войсковую эмблему и бело-голубое знамя с Маген-Давидом. Началась запись добровольцев и военная подготовка. В начале 1945 г. 3400 палестинских евреев из состава бригады были отправлены на фронт в Италию и включены в британскую 8-ю армию. Как показали события, создание боеспособного еврейского соединения было одним из главных достижений сионистской дипломатии в период войны. Располагавшая собственной артиллерией и штабом, Еврейская бригада обеспечила подготовку сотен офицеров, познакомившихся с организацией, тактикой и снабжением в масштабах бригады. Таким образом, были подготовлены кадры, которые могли понадобиться Хагане после войны в случае столкновения с англичанами или арабами. Кроме того, в 1944 г. Вейцман и другие представители умеренного крыла сионизма склонны были считать,

что Еврейская бригада — знак кардинально изменившейся английской политики по отношению к ишуву.

Усиление боевого духа в ишуве

Но надежды эти были преждевременны. Намерения Черчилля сталкивались с упорным и весьма умелым сопротивлением чиновников министерства иностранных дел и мандатной администрации, традиционно настроенных проарабски. С одной стороны, премьер-министр по-прежнему настаивал на том, чтобы изменить отношение к сионистам и самым положительным образом относился к разделу. С другой стороны, Ричард Кейзи, постоянный представитель Великобритании в Каире, 17 июня 1943 г. представил в Лондон меморандум, в котором сообщал подробности о секретных военных организациях ишува и предостерегал, что отказ от обещаний, данных арабам в Белой книге, очевидно, настроит их общественное мнение против Англии. В октябре того же года Иден потребовал пересмотра схемы раздела, которую предложил комитет Моррисона, и отсрочки решения палестинской проблемы до окончания военных действий. Он подчеркивал, что не следует преждевременно вступать в конфликт с арабами. Военный кабинет согласился с этими доводами и отложил окончательное решение. В то же время послы в Каире и Багдаде в своих донесениях напоминали Идену о том, что Палестина — важнейшее звено в британской системе обороны и потерять ее после войны нельзя ни при каких обстоятельствах.

В начале июня 1944 г. министерство по делам колоний предложило альтернативный вариант для того, чтобы избежать раздела. Предлагалось со-

здать палестинское государство под эгидой Объединенных Наций, но под "наблюдением" британского верховного комиссара. Еврейская иммиграция должна была возобновиться, но в масштабе, который не составлял бы угрозу сохранению арабского большинства. 26 сентября 1944 г., все еще не желая отказываться от своих прежних предложений, специальный правительственный комитет по Палестине, комитет Моррисона, согласился на внесение некоторых незначительных изменений в первоначальный текст своего доклада, но продолжал при этом настаивать на разделе. С другой стороны, Иден и его сотрудники в министерстве иностранных дел по-прежнему утверждали, что раздел Палестины не удовлетворит арабов, особенно если евреям будет разрешено начать широкомасштабную иммиграцию. На этом дело и кончилось, и проблема повисла в воздухе.

Если сионистам и не были известны частности относительно тупикового положения, в котором оказалось английское правительство, они все же могли оценить вытекающие из этого следствия. Разумеется, их радовали заверения Черчилля в том, что после войны будет найдено благоприятное решение, радовало и создание Еврейской бригады. Однако Палестина, как и прежде, была закрыта, поток евреев из оккупированной нацистами Европы иссякал. В конце 1941 г. — начале 1942 г. разыгралась трагедия "Струмы". Несколько недель спустя появилась достоверная информация о нацистском "окончательном решении еврейского вопроса". Как уже говорилось, в ответ на эти ужасные события союзники только плотнее закрыли свои границы. В Соединенных Штатах были ужесточены правила выдачи виз на том основании, что в числе беженцев в страну могут проникнуть вражеские агенты.

В апреле 1942 г. семь латиноамериканских государств полностью закрыли въезд для беженцев из оккупированной Европы. Турция — самый удобный перевалочный пункт на пути с нейтральных Балкан — запретила какой-либо транзит через свою территорию и почти открыто стала проводить расистскую внутреннюю политику. Бен-Гуриону и его коллегам в Еврейском Агентстве обещания и выражения доброй воли со стороны союзников казались все более бессодержательными.

Следует заметить, что еще в мае 1940 г. Бен-Гурион, как и Вейцман, не исключал компромиссного решения палестинского вопроса. Как председатель исполнительного комитета Еврейского Агентства, он был готов рассматривать план раздела как основу для обсуждения, даже если речь шла об ограниченном в политическом плане двунациональном государстве, построенном на арабско-еврейском паритете. Не только масштаб еврейской трагедии превратил Бен-Гуриона в бескомпромиссного сторонника самостоятельного еврейского государства. В 1942 г. он посетил Соединенные Штаты и там почувствовал "пульс великого американского еврейства, пяти миллионов евреев". Первый за многие годы визит в США открыл Бен-Гуриону нечто новое — он ощутил во всей полноте скрытые силы своего народа. После этой поездки в Америку Бен-Гурион заговорил со своими коллегами о еврейском государстве в Палестине как о месте, куда "надо как можно быстрее переселить миллионы евреев после войны". Кроме того, он понимал, что теперь, после уничтожения европейского еврейства (хотя истинные масштабы трагедии были еще неизвестны), умеренная официальная программа сионистов может быть радикально изменена только при поддержке евреев Америки. В результате по

инициативе Бен-Гуриона была проведена Чрезвычайная сионистская конференция, которая должна была сформулировать послевоенные цели движения. Конференция проходила в нью-йоркском отеле "Билтмор" с 6 по 11 мая 1942 г. На ней присутствовало шестьсот делегатов, по большей части американцев, но были также и лидеры европейского сионизма, и три члена исполнительного комитета, в том числе Вейцман и сам Бен-Гурион. На конференции обсуждались претензии евреев к англичанам и была принята решительная резолюция с требованием превращения Палестины "в еврейское государство, интегрированное в структуре нового демократического мира..."

Бен-Гурион и его единомышленники, вероятно, не рассчитывали на то, что получат всю Палестину, они были вполне готовы пойти на раздел и следующие из этого территориальные ограничения. Но они уже не желали поступиться еврейской самостоятельностью, то есть тем, о чем раньше стремилось не упоминать Еврейское Агентство, опасавшееся вызвать раздражение у арабов и англичан. Бен-Гурион достиг своей цели — он обеспечил твердую поддержку своей максималистской программе. Кроме того, он намекнул, что для ее реализации можно, если потребуется, прибегнуть к насилию. "Будем готовы и к другому пути — пути вооруженной борьбы... Наша молодежь должна быть готова сделать все возможное, когда придет время", — заявил он 16 мая 1942 г. в меморандуме, адресованном Еврейскому Агентству. Но воинствующие сионисты едва ли многого добились своей откровенной программой. Они заблуждались, думая, что участие ишува в военных усилиях союзников, пусть и противоположное пронацистской позиции арабов, давало сионизму ту свободу действий, которую

он в течение короткого времени и при уникальных обстоятельствах имеел в период 1-й мировой войны. Несмотря на экономические и политические возможности, которые чувствовали Бен-Гурион и другие в американском еврействе, сионизм отнюдь не был могучей силой на международной арене. Раны, нанесенные европейской Катострофой, были глубоки. И друзья, и недруги в равной мере видели в евреях народ, обреченный на безнадежное прозябание. Широковещательные декларации, казалось, были в его положении совершенно неуместны.

Кроме того, представления Бен-Гуриона о государственности резко противоречили взглядам Вейцмана. Различие это не было очевидным, ведь во время дебатов по поводу раздела Палестины в 1937 г. Вейцман первым высказался за создание государства, пусть даже на части территории Святой земли. "Мы должны будем решить [в конце войны] проблему трех миллионов человек, — писал он в 1941 г. — Даже с финансовой точки зрения еврейское государство необходимо, чтобы осуществить политические действия в таких масштабах". В 1942 г. в статье, опубликованной в "Foreign Affairs", Вейцман подчеркнул, что еврейское государство является также "делом моральной необходимости и решительным шагом на пути к подлинному освобождению". Он неоднократно предсказывал, что в результате войны возникнут арабская федерация и еврейское государство, и выражал надежду на сотрудничество между ними. Поэтому Билтморская программа никак не противоречила точке зрения Вейцмана. Более того, формулировка, принятая на Чрезвычайной конференции в Нью-Йорке, была разработана Меиром Вайсгалом[54], одним из ближайших помощников Вейцмана.

Тем не менее, Вейцман рассматривал эту про-

грамму как декларацию будущих планов, вопрос о сроках ее осуществления, с его точки зрения, оставался открытым. Приверженец постепенности, лидер сионистов по-прежнему представлял себе непрекращающийся поток еврейских иммигрантов, благодаря которому со временем возникает еврейское большинство, а затем и его автономия в Палестине. Для Бен-Гуриона же Билтморская программа означала, что, наконец, положен предел нерешительности и неопределенности в планах сионистов. Голосование в Нью-Йорке, с его точки зрения, давало полномочия на немедленное создание государства и переселение сотен тысяч иммигрантов в Палестину в самые кратчайшие сроки. По возвращении из Соединенных Штатов Бен-Гурион поделился своими взглядами с общественностью ишува и заручился широкой поддержкой. Он особенно подчеркивал, что максималистские требования заставят сообщество государств рассмотреть еврейскую проблему как раз в тот момент, когда будут решаться проблемы других народов. Лучше, настаивал он, просить побольше. 19 ноября 1942 г. Комитет по сионистской деятельности подавляющим большинством голосов принял Билтморскую программу. Вейцман тогда находился в Нью-Йорке и не мог представить ишуву свою интерпретацию. Страшно усталый, еще не оправившийся после гибели своего младшего сына, летчика английской военной авиации, стареющий лидер сионистов все больше отрывался от палестинского еврейства. Он, бесспорно, проигрывал в столкновении с Бен-Гурионом.

Как ни странно, англичане почти не реагировали на новые веяния в сионистской среде. Не обратили они внимания и на рост ишува, способствовавший решительному настроению палестинского еврей-

ства. А ведь за годы между двумя мировыми войнами еврейское население Палестины увеличилось с 85 тысяч человек (то есть 10 процентов всего населения) до 560 тысяч в 1946 г., составлявших уже 32 процента. Быстро набирало темп развитие еврейского сельского хозяйства. С 1939 по 1947 г. было основано 94 новых сельскохозяйственных колонии, причем половина — за годы войны, а общее число их достигло 348 с населением 116 тысяч человек. Только с 1937 по 1943 г. количество евреев, занятых в промышленности, увеличилось почти вдвое: с 22 до 46 тысяч. Объем еврейского промышленного производства в стоимостном выражении вырос примерно в пять раз — с 7,9 млн. палестинских фунтов в 1937 г. — до 37,5 млн. в 1943 г.

Мандатная администрация не оценила и радикальных перемен в структуре еврейской экономики в Палестине, и тех последствий для еврейского самосознания, к которым эти перемены привели. В начале 1943 г. верховный комиссар сэр Харольд Мак-Майкл обратился по радио к населению страны с разъяснениями плана послевоенной экономической политики. Он подчеркнул преимущественно аграрную ориентацию Палестины и призвал к сворачиванию тех индустриальных предприятий, которые возникли во время войны. В дальнейшем особое внимание следует обратить на повышение жизненного уровня арабского населения, заявил Мак-Майкл. Эта передача привела Бен-Гуриона, и сотрудников Еврейского Агентства в ярость. Ведь арабы практически не участвовали в военных усилиях, а экономика ишува развивалась, чтобы поддержать союзников. Кроме того, сионисты усматривали в плане Мак-Майкла неприкрытую попытку ограничить возможности ишува в том, что каса-

лось абсорбции иммигрантов. На следующий день Бен-Гурион выступил от имени Агентства с бескомпромиссным ответом: "Наша программа — максимальное развитие страны в области сельского хозяйства, промышленности и морского транспорта с тем, чтобы за кратчайший срок подготовиться к возможно более массовой иммиграции". Он добавил, что при любых обстоятельствах ишув будет делать ставку на "развитие", а не на "восстановление".

Вскоре после этого вызов, брошенный Бен-Гурионом, был подтвержден действиями: участники еврейского подполья проникли на несколько английских военных баз и похитили оружие и боеприпасы. В ответ мандатная администрация направила полицию на розыск похищенного. Суровые полицейские меры позволили выявить тех, кто занимался контрабандой трофейного оружия. Многие еврейские подпольщики были надолго заключены в тюрьму. Генерал Вильсон вспоминал в своих мемуарах, что к январю 1944 г. Еврейское Агентство

> ...в некоторых отношениях присвоило себе полномочия и статус независимого еврейского правительства. Оно не пыталось больше отрицать наличия тайных складов оружия и заявляло о своем праве не только иметь оружие в целях самообороны, но и противодействовать любым попыткам законных властей выяснить, где эти склады находятся. В сущности, правительству был брошен вызов, и можно сказать, что в известной мере восстание уже стало реальностью.

Вильсон не преувеличивал. В Палестине возник ряд неподконтрольных Еврейскому Агентству активно действоваших групп, малочисленных, но фа-

натичных, не желавших стеснять себя рамками сионистской дисциплины в то время, как в Европе уничтожают евреев, а англичане преграждают беженцам доступ в Святую землю. Эти группы взяли на вооружение насильственные методы. Это "трагическое, бесполезное, нееврейское обращение к терроризму", как охарактеризовал его Вейцман, привлекло внимание лидера сионистов, когда он в 1944 г. вернулся в Палестину. Из всех групп, входивших в зарождавшееся подпольное движение, самая экстремистская называлась Лехи[55]. В Лехи насчитывалось не более трехсот членов. Возникла эта группа, как и ряд других еврейских военизированных организаций, вскоре после арабского восстания 1936–1939 гг. Основатель Лехи Аврахам Штерн, светловолосый тридцатилетний выходец из Польши, учитель и любитель поэзии, некоторое время изучал классическую филологию в университете во Флоренции. Там, в Италии, он испытал сильнейшее влияние фашистской военной тактики и перенял англофобию Муссолини. Вскоре Штерн убедился в том, что британское присутствие на Ближнем Востоке несовместимо с дальнейшим развитием еврейского национального очага, а значит, все силы следует бросить на подготовку восстания против англичан. Другие группы в еврейском подполье, даже Эцел, еще не зашли так далеко.

После начала войны Штерн занял еще более крайнюю позицию. В 1941 г. он попытался наладить контакт с Отто фон Хентигом, германским эмиссаром в Сирии, рассчитывая договориться с ним о совместных действиях против англичан в Палестине. Немцы с презрением проигнорировали это предложение. Стремясь получить деньги, Штерн и его группа вскоре дошли до того, что начали грабить банки. В январе 1942 г. группа Лехи попыталась

убить офицера британской разведки, но от взрыва бомбы погибли два еврея-полицейских. Через несколько недель Штерн был застрелен полицией. Эти события отнюдь не умерили пыл его товарищей, напротив, группа Лехи начала действовать еще активнее. Некоторые члены ее были восточными евреями, выросшими в трущобах Тель-Авива и Иерусалима, но в состав организации входило немало выходцев из Европы, семьи которых были уничтожены нацистами. Их безудержная ненависть к англичанам граничила с безумием. Например, один из убийц лорда Мойна, Элияху Хаким, был свидетелем того, как в хайфском порту затонула "Патриа", и воспоминание об этой трагедии сопровождало его всю жизнь.

После 1942 г. члены Лехи во главе со своими новыми лидерами Натаном Фридман-Еллином и д-ром Исраэлем Шайбом пришли к выводу, что только с помощью насилия можно изгнать англичан из Палестины. Вымогая деньги у евреев-лавочников, они перешли к вооруженным нападениям на английских полицейских. Нередко в перестрелках погибали сами подпольщики. Однако их действия все ужесточались. Все суровее становилась и ответная реакция англичан, перешедших к повальным арестам, введению комендантского часа и смертной казни за незаконное ношение оружия. Тем не менее, подполье действовало с неослабевающей энергией и даже совершило 8 августа 1944 г. неудачное покушение на жизнь верховного комиссара сэра Мак-Майкла. Три месяца спустя группа Лехи осуществила самое дерзкое свое преступление. В Каире было совершено покушение на лорда Мойна, британского министра по делам Ближнего Востока. Уолтер Эдуард Гиннес, первый барон Мойн, был миллионером, владельцем компании по производ-

ству пива "Гиннес", мягким и всеми уважаемым человеком. После того, как лорд Ллойд умер, Мойн в течение некоторого времени руководил министерством по делам колоний, а в январе 1944 г. стал министром по делам Ближнего Востока. Сионисты считали его своим врагом еще с тех времен, когда он был министром по делам колоний. Возможно, сыграло свою роль и то, что он категорически отверг бартерную сделку, предложенную Эйхманом в обмен на освобождение венгерских евреев. 6 ноября, меньше, чем через два дня после того, как Вейцман побывал на обеде у Черчилля в Лондоне и преисполнился новых надежд, два члена Лехи смертельно ранили Мойна, когда тот выходил из резиденции. Обоих юношей судили в Каире 10 января 1945 г., приговорили к смерти и повесили.

За немногими исключениями, сионисты пришли в ужас от убийства Мойна. Потрясенный Вейцман, находившийся в момент покушения в Лондоне, обещал Черчиллю, что палестинское еврейство "сделает все от него зависящее, чтобы выкорчевать это зло из своей среды". Бен-Гурион поддержал его, обратившись к ишуву со страстным призывом "изгнать всех членов этой подпольной банды и не предоставлять им ни убежища, ни помощи..." После этого Хагана перешла в наступление против членов Эцела и Лехи и начала выдавать их английской полиции. Но сионистскому делу уже был нанесен большой ущерб. Через десять дней после убийства, обращаясь к Палате представителей, Черчилль выступил с резким предостережением против террористической деятельности в Палестине. "Если нашим мечтам о сионизме суждено развеяться в дыме от выстрела убийцы, — сказал он, — а заботы о будущем сионизма порождают новую природу гангстеров, достойных нацистской Германии, мне, как

и многим, придется пересмотреть те позиции, которые мы столь долго и последовательно отстаивали". Убийство Мойна показало англичанам, какое ожесточение зреет среди евреев Палестины. Хотя ишув осудил этот акт в той же мере, что и британская общественность, на этом период сотрудничества, период правительственных обещаний и еврейской доверчивости завершился. Евреи больше не могли проявлять добрую волю, одновременно иссякло и терпение англичан.

Глава XI

ИШУВ ПРОТИВ МАНДАТА

Послевоенная ситуация: позиции евреев и англичан

Через несколько месяцев после окончания войны в Европе уже можно было подвести предварительные итоги. Согласно статистике "окончательного решения еврейского вопроса", число евреев, расстрелянных, повешенных, сожженных, отравленных газом, умерших от голода и болезней, составило в Польше — 2 миллиона 800 тысяч человек, в СССР — 800 тысяч, в Венгрии — 450 тысяч, в Румынии — 350 тысяч, в Германии — 180 тысяч, в Австрии — 60 тысяч, в Чехословакии — 243 тысячи, в Голландии — 110 тысяч, в Бельгии — 25 тысяч, в Югославии — 50 тысяч, в Греции — 80 тысяч, во Франции — 65 тысяч, в Италии — 10 тысяч. Данные о количестве выживших были получены позже, поскольку требовалось учесть число евреев среди перемещенных лиц, находившихся в английском, американском и французском секторах оккупированной Германии.

Поначалу генерал Эйзенхауэр собирался вернуть их в те страны, уроженцами которых они были. Однако большинство этих людей проживало раньше

в Восточной Европе. После отступления советской армии они оказались в руках у нацистов. Решение Эйзенхауэра вынудило бы их вернуться на родные пепелища, там перемещенные лица могли рассчитывать только на добрую волю не слишком благожелательных к ним поляков, румын и украинцев. Лишь в конце лета 1945 г. еврейским благотворительным организациям удалось довести до сведения американского командования тот факт, что в Восточной Европе продолжается разгул антисемитизма. В это время Э.Г.Харрисону, декану юридического факультета Пенсильванского университета, было поручено проанализировать проблему европейских беженцев. Белый дом потребовал, чтобы Харрисон обратил особое внимание на положение евреев. Это поручение было выполнено: доклад Харрисона стал обвинительным актом против американских военных властей, проявивших безразличие к судьбе евреев в своей зоне оккупации. Сразу после появления этого доклада президентом Трумэном были даны соответствующие распоряжения, и обращение с евреями, пережившими Катастрофу, значительно улучшилось, изменились их жилищные условия, были увеличены пайки. В директиве президента подчеркивалось, что восточноевропейские евреи ни при каких условиях не подлежат выдворению из лагерей для беженцев и высылке из Германии.

Поток беженцев с Востока в Германию мгновенно увеличился. В 1945 г. это был еще стихийный процесс: немецкие и польские контрабандисты за плату помогали евреям перебраться на Запад. В начале 1946 г. от 2 до 3 тысяч евреев ежедневно переходили польско-чехословацкую границу. Из Чехословакии беженцы двигались дальше в Центральную Европу. К лету 1946 г. в Германии находилось уже около 100

тысяч перемещенных лиц. В отремонтированных и перестроенных концентрационных лагерях, где размещались евреи, условия жизни были вполне терпимыми. Американская армия с помощью еврейских филантропических организаций обеспечивала поставку продовольствия и одежды, а также медицинскую помощь. Но для тех, кто пережил Катастрофу, каждый лишний день, прожитый в бывших лагерях уничтожения, был невыносимой психологической пыткой. Перемещенные лица были одержимы идеей побега.

Сионисты ожидали действий и от нового лейбористского правительства Великобритании. Оно вызывало доверие у руководства Еврейского Агентства, давно разуверившегося в обещаниях консерваторов. Черчилль, находясь у власти вплоть до июня 1945 г., не внес никаких изменений в ограничения, наложенные Белой книгой, и продолжал твердить сионистам, что палестинский вопрос не может быть "плодотворно разрешен до тех пор, пока победившие союзники не соберутся на мирную конференцию". С другой стороны, было известно, что лейбористы сочувственно относились к судьбе палестинских евреев. При этом многочисленные резолюции лейбористов в поддержку еврейского национального очага объяснялись не лоббистской деятельностью на американский лад, а скорее, как вспоминал потом лейборист Ричард Гроссман, "глубоким убеждением, что создание национального очага — это важная составная часть социалистического кредо..." В результате особое значение приобрела резолюция, принятая на съезде лейбористской партии в 1944 г., выражавшая сочувствие целям сионизма. Авторы этой резолюции даже поддержали идею еврейской Палестины и высказались за массовое переселение арабов в

соседние страны, что привело в изумление самих сионистов.

Поэтому после победы лейбористов на выборах в июле 1945 г. в ишуве сразу же возродились былые надежды. "Английским рабочим понятны наши цели", — в восторге воскликнул Бен-Гурион, узнав о результатах выборов. Было и еще одно основание для оптимизма. Требовавшая признания еврейская община давно уже не была слабым меньшинством. В 1944 г. еврейское население Палестины составило 560 тысяч человек. В военные годы развилась экономика ишува. Сельскохозяйственный сектор обеспечивал почти 50 процентов потребностей ишува в продуктах питания. Резко выросло промышленное производство. Вейцман, вернувшись в Палестину после пятилетнего отсутствия, был поражен этим бурным развитием. Позже он писал:

> За время войны ишув превратился в крепкий жизнеспособный организм. Благодаря огромным военным усилиям, совершенно непривычным для такой малочисленной общины, евреи Палестины почувствовали, что могут положиться на собственные силы, что они уже многого достигли, уровень их технического развития высок и они вправе предъявлять требования демократическому миру... Национальный очаг, пусть и не признанный, фактически уже существовал, и лишь отсутствие признания препятствовало достижению цели.

В этих условиях, когда копившееся годами раздражение, вызванное ограничениями на иммиграцию, соединилось с уверенностью в своих силах и в просионистской ориентации английских лейбористов, Бен-Гурион во главе депутации отправился

в Лондон. Правительство Эттли пришло к власти всего за десять дней до этого. Свои требования Бен-Гурион изложил новому министру по делам колоний Джорджу Холлу. Они, в общем, совпадали с автономистской Билтморской программой, однако Бен-Гурион настаивал также на полном суверенитете и немедленном разрешении на въезд в Палестину 100 тысяч евреев из числа перемещенных лиц. И сами требования, и та резкость, с которой Бен-Гурион предъявил их, а министр отверг, определили провал этой встречи. Взбешенный Холл говорил потом, что "ни с чем подобным [поведению Бен-Гуриона] он никогда раньше не сталкивался". Несколько недель спустя, 25 августа, министерство по делам колоний выступило с компромиссным предложением: оно готово было выдать 2 тысячи разрешений на въезд, оставшихся от прежней квоты, предусмотренной Белой книгой, и плюс к этому — еще 1400 разрешений ежемесячно при условии, что на это согласятся арабы. Такое предложение обескуражило и возмутило лидеров сионизма.

В это время уже были разработаны основные принципы английской ближневосточной политики, автором которых был новый министр иностранных дел Э.Бевин. Следуя прежним взглядам консервативного кабинета, Бевин сохранял установку на поддержание дружественных отношений с арабским миром, исходя из экономических интересов. В 1945 г. Великобритания была фактически разорена. Ее армия воевала с противником на нескольких континентах и дольше, чем другие союзники. Когда после победы были подведены итоги, выяснилось, что англичане потеряли четверть своих национальных богатств. Казна была пуста. Запаса твердой валюты могло хватить лишь на 40 процентов

текущих расходов, и это в тот момент, когда новое лейбористское правительство собиралось осуществить всеобъемлющую программу социальных мероприятий.

Поэтому одной из основных задач Бевина в этот трудный послевоенный период было сохранение важнейших колониальных ресурсов Великобритании. Среди них главное место занимала нефть — основа энергообеспечения промышленности и источник для получения иностранной валюты. Нефтяные богатства в основном находились на Ближнем Востоке; часть их была в Иране, но интенсивная добыча нефти велась и в Ираке, на нефтяных полях Киркука, в Кувейте и в Катаре. Это нефтяное Эльдорадо давало огромную продукцию и располагали еще большим потенциалом. Если англичане и тревожились насчет возможных перебоев в подаче нефти, то беспокоили их не неиссякаемые скважины в странах Персидского залива, а нефтепроводы, проходившие через территории арабских государств, нестабильных в политическом отношении. Сеть нефтепроводов, протянувшуюся по пустыне на сотни миль, ничего не стоило разрушить или вывести из строя, ее безопасность непосредственно зависела от дружественных отношений англичан с арабскими странами и мирной обстановки в этом регионе.

Итак, одним из факторов, определявших ближневосточную политику Бевина, были нефть и нефтепроводы. Другим фактором была геополитическая стратегия. В период 1943 — 1947 гг. англичане добились того, к чему давно стремились, — они вытеснили французов из Сирии и Ливана, положив таким образом конец вечной конкуренции двух держав в восточном Средиземноморье. Однако в то же самое время обозначилась новая и значительно бо-

лее серьезная угроза британской военно-экономической гегемонии на Ближнем Востоке со стороны Советского Союза. Эта угроза наметилась сразу после завершения войны, когда СССР, щедро посылая в Грецию деньги, оружие и военных советников, начал разжигать там коммунистическое восстание, когда советское правительство выступило с бесцеремонными территориальными претензиями к Турции, когда советские дивизии отказались покинуть северный Иран. Несмотря на все свои социалистические убеждения, Бевин отнюдь не питал иллюзий относительно масштабов советской угрозы. После Потсдамской конференции[56] он, выступая в парламенте, с недоверием отозвался о политике русских и даже заявил, что Советский Союз "стремится схватить Британское Содружество за горло". Ввиду этой угрозы Бевин ясно сознавал, что необходимо любой ценой защитить британские сферы влияния в районе Персидского залива, и на ближневосточном побережье.

При этом министр иностранных дел понимал, как важны сложные и запутанные отношения Британской империи со странами арабского мира. Находясь на грани банкротства, Англия была уже не способна поддерживать отношения с арабами обычными методами давления и применения военной силы. С 1942 г. правительство Черчилля начало использовать в этих целях более эффективные методы. Так, англичане поощряли идею арабской конфедерации как орудия региональной стабильности под британским контролем. После нескольких предварительных совещаний арабские лидеры, действительно, создали в марте 1945 г. Лигу арабских государств, однако эта организация не стала проводником английской политики, как на это рассчитывали в Лондоне. Еще один способ,

которым англичане пытались добиться расположения арабов, заключался в том, что Великобритания предложила Египту, Судану и Ираку вывести из этих стран свои войска. Английское правительство надеялось, что при этом арабы подпишут договор, оставлявший за Великобританией право вновь ввести войска в случае войны или угрозы агрессии. В конечном счете, новая концепция международных отношений на Ближнем Востоке целиком зависела от того, доверяют ли арабы Великобритании.

Бевин это понимал. Кроме того, он хорошо ориентировался в сложностях внешней политики и не был зависим от более опытных профессионалов, сидевших в министерстве иностранных дел. Он был человеком самостоятельным. Личность Бевина и его опыт наложили отпечаток на весь процесс сложных переговоров по Палестине, тянувшихся на протяжении трех лет. Этот политик прошел суровую жизненную школу. Сирота с десятилетнего возраста, в молодости он работал то поденщиком на ферме, то мойщиком посуды, то шофером грузовика. Чтобы не умереть с голоду, ему порой приходилось идти на воровство. Как ни удивительно, все это его не озлобило. В юности Бевин прилежно изучал экономику на вечерних курсах, открытых социал-демократической федерацией. В возрасте двадцати девяти лет он стал профсоюзным работником в тред-юнионе докеров, а затем и членом генерального совета британского Конгресса профсоюзов. К этому времени характер Бевина вполне определился. Он был человеком прямым и твердым, не терпел критики и презирал инертность. Престиж его среди лейбористов был исключительно высок. Когда социалисты в 1945 г. победили на выборах, мягкий и неуверенный в себе Клемент Эттли почувствовал, что рядом с ним должна находиться

сильная личность. Бевин, бесспорно, был сильнейшим руководителем лейбористской партии — его и выдвинули на ключевой пост министра иностранных дел. К удивлению многих его коллег, Бевин, как оказалось, весьма основательно разбирался во внешнеполитических вопросах. Еще как деятель профсоюзного движения, а затем как министр труда в военном кабинете он бывал за границей и ознакомился с проблемами в других странах. Главное же, напористый Бевин никого не боялся и никому не позволял себя запугать.

Он был знаком и с палестинским вопросом. Еще во времена второго лейбористского кабинета, при премьере Рамсее Макдональде, когда сионисты вели борьбу против Белой книги Пасфилда, делегация Хистадрута попросила о помощи Бевина, тогда профсоюзного лидера. Тот немедленно откликнулся. "Не беспокойтесь, — ответил он представителям Хистадрута, — я поговорю со стариком". Обращение Бевина к Макдональду сыграло решающую роль в успехе сионистов. Однако теперь, пятнадцать лет спустя, Бевин, став министром иностранных дел, не хотел заниматься палестинским вопросом, не изучив его досконально. С этой целью он организовал новый комитет, в состав которого вошли министры и эксперты министерства иностранных дел. Самым знающим среди них был Харольд Били, убежденный сторонник арабов и главный специалист по проблемам, связанным с Палестиной.

Комитет приступил к работе в августе 1945 г. и передал кабинету министров свои выводы в середине сентября. На эти выводы оказал влияние специальный доклад, подготовленный в феврале 1944 г. Королевским институтом международных отношений: в докладе вновь подчеркивалось стра-

тегическое значение дружественных отношений с арабами. Чем больше лейбористы, входившие в кабинет, вникали в палестинский вопрос, тем больше противоречий обнаруживалось между заявлениями, которые делала их партия во время предвыборной кампании в поддержку сионистов, и рекомендациями Били и его единомышленников. Эттли впоследствии писал: "После первой мировой войны мы занялись еврейским национальным очагом, не поразмыслив о последствиях. Все это делалось самым бездумным образом. Люди с совершенно особыми взглядами на цивилизацию были в одночасье переселены в Палестину — столь дикий эксперимент не мог не привести к проблемам". Комитет предложил на ближайшее будущее сохранить небольшую ежемесячную квоту для еврейских иммигрантов. Раздел Палестины эксперты сочли неприемлемым, поскольку провести его, не применяя силы против арабов, было бы невозможно. Продолжительная кампания, которая велась против доклада, представленного в свое время правительственным комитетом Черчилля, начала приносить плоды после победы лейбористов.

С другой стороны, Бевин, конечно, не собирался применять силу против евреев. Вопрос можно было уладить и более удовлетворительными методами. Уверенный в том, что примирение — верный путь к решению проблемы, министр иностранных дел понадеялся на свой многолетний опыт участия в профсоюзных переговорах и даже "лично заверил" палату общин в том, что "поставит [свое] будущее политика" в зависимость от решения палестинского вопроса. Бевин рассчитывал убедить американцев в том, что они должны разделить с Англией ответственность за судьбу беженцев; тогда правительство Соединенных Штатов окажет влияние на

сионистов с тем, чтобы они сохраняли благоразумие. Пользуясь своими неограниченными ресурсами, Америка найдет подходящее место вне Палестины для расселения перемещенных лиц.

США и проблемы беженцев

Администрация Рузвельта уже проявляла стремление облегчить судьбу евреев, однако не увеличивала американских иммиграционных квот, а вместо этого временами пыталась убедить британское правительство отказаться от курса Белой книги. Государственный секретарь Корделл Халл вспоминал, что во время войны "неоднократно беседовал на эту тему с послом лордом Галифаксом". В марте 1944 г. Рузвельт заверил сионистское руководство в том, что правительство Соединенных Штатов никогда не поддерживало Белой книги, и выразил надежду, что "те, кто стремится к созданию еврейского национального очага, могут рассчитывать на полную справедливость". Вейцман виделся с Рузвельтом в 1942 и 1943 гг. В ходе второй встречи обсуждался план Филби. По предложению присутствовавшего при этом заместителя государственного секретаря Уэллеса Рузвельт согласился направить представителя в Саудовскую Аравию с тем, чтобы добиться от Ибн Сауда более внимательного отношения к требованиям сионистов. В качестве эмиссара в Саудовскую Аравию был послан полковник Халфорд Хоскинс, специалист по Ближнему Востоку, имевший влияние в нефтяных эмиратах Персидского залива. В августе 1943 г. Хоскинс прибыл в Риад и встретился с Ибн Саудом. Из беседы арабский правитель вынес впечатление, что американцы не собираются оказывать на него давление и требовать, чтобы он принял план Филби. Поэтому Ибн

Сауд недвусмысленно отверг американские предложения, и на том эта миссия закончилась. Однако Рузвельт по-прежнему не скупился на выражения сочувствия сионизму и при встречах с евреями заявлял о своей личной приверженности идее еврейского национального очага. Но заверения президента осторожно сводились на нет американскими послами в арабских странах, да и сам он в частных беседах с партийными лидерами Конгресса стремился свести значение своих публичных высказываний до минимума.

К началу 1945 г. весь государственный департамент, начиная с государственного секретаря Эдуарда Стеттиниуса, твердо занял антисионистскую позицию. Более того, заместитель государственного секретаря Джозеф Грю несколько позже даже обратился к администрации с заявлением, в котором утверждал: "Сионистская деятельность в США будет серьезно угрожать дружественным отношениям между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока до тех пор, пока не будет найдено решение этой проблемы". В течение двух предыдущих лет ряд исследований по палестинскому вопросу был проведен комитетом государственного департамента под руководством Гордона П. Мерриама, главы ближневосточного отдела управления по делам Ближнего Востока и Африки, которым руководил Лой Хендерсон. В январе 1945 г. члены комитета составили записку, в которой настаивали на превращении Палестины в международную территорию под контролем ООН. Такое решение, разумеется, означало ограничение еврейской иммиграции и приобретения евреями земли. Выводы комитета оказали некоторое влияние на Рузвельта. Поэтому, обсуждая палестинский вопрос с Хоскинсом 5 марта 1945 г., президент согла-

сился с мнением государственного департамента: создание самостоятельного еврейского государства вызовет массовое арабское восстание, а значит, пока следует предпочесть международную опеку над Палестиной.

В апреле 1945 г., когда Рузвельт на обратном пути с Ялтинской конференции встретился с Ибн Саудом на аравийском побережье, неопределенность позиции президента в палестинском вопросе проявилась особенно ярко. Эта встреча была организована Стеттиниусом, который надеялся, что в результате ее американцам удастся закрепить свои права на пользование саудовской нефтью и аэродромами. Рузвельт рассчитывал на свое личное обаяние, полагая, что Ибн Сауд займет более уступчивую позицию по отношению к требованиям сионистов. Кроме всего прочего, президент мог напомнить и о помощи по лендлизу, которую Соединенные Штаты оказывали Саудовской Аравии, начиная с 1943 г. Однако король не принял плана Рузвельта, собиравшегося открыть Палестину для еврейских беженцев. Свои возражения Ибн Сауд высказал вежливо, но твердо. Его аргументы были приняты во внимание. В ходе встречи, а затем и в письме от 5 апреля 1945 г. Рузвельт заверил Ибн Сауда в том, что политический курс США не будет враждебен арабам и Вашингтон не внесет изменений в свою позицию по палестинской проблеме "без исчерпывающих предварительных консультаций с евреями и арабами". Вернувшись в США, Рузвельт заявил в Конгрессе, что "за пять минут беседы с Ибн Саудом узнал о проблемах Аравии и о комплексе мусульманских и еврейских проблем в целом больше, чем узнал бы, обменявшись двадцатью или тридцатью письмами". Судье Иосефу Проскауэру, президенту Американского еврейского коми-

тета, Рузвельт сказал, что "из-за ситуации с арабами в Палестине ничего нельзя сделать". Затем он направил ни к чему не обязывающее ободряющее послание сионистам. Однако помощник президента Д.К.Найлз, возможно, был прав, когда заметил: "Сомневаюсь, что Израиль возник бы, если бы Рузвельт не умер".

Подход Гарри Трумэна к палестинской проблеме был более определенным. Став президентом, он сразу же подвергся давлению со стороны государственного департамента, выступавшего против поддержки сионизма. С другой стороны, Трумэн пришел к власти в тот период, когда драматическая проблема перемещенных лиц встала во всей остроте, чего не было во времена Рузвельта. К тому же, не имея престижа Рузвельта, Трумэн не мог пренебрегать политической поддержкой национальных меньшинств, в том числе и американских сионистов. Вскоре Эттли и Бевин в разгаре конфликта с Трумэном обвинили его в том, что он поддерживает еврейскую иммиграцию в Палестину, руководствуясь внутриполитическими соображениями. Это обвинение, безусловно, упрощало истинное положение вещей. Известно было, что президент всегда сочувствовал угнетенным во всех сферах — в политике, в экономике и в религии. Вспоминая об этом времени, Дин Ачесон писал, что "у мистера Трумэна были собственные твердые убеждения по многим вопросам; он, например, не любил Франко и отрицательно относился к католическому обскурантизму в Испании". Кроме всего прочего, Трумэн с молодых лет сочувствовал сионистам. В автобиографии он писал:

> Я давно уже ознакомился с проблемой еврейского национального очага, с историей этого

вопроса и с позицией англичан и арабов. Я скептически относился... к некоторым воззрениям и мнениям "молодых людей в смокингах" из государственного департамента. Мне представлялось, что их не слишком волнует то, что происходит с тысячами перемещенных лиц, имеющих отношение к этой проблеме. Я надеялся, что нам удастся соблюсти долговременные интересы нашей страны и в то же время помочь несчастным жертвам преследований обрести родину.

Президент полагал, что палестинский вопрос во всей своей сложности должен быть рассмотрен Организацией Объединенных Наций. "Однако в тот момент, — добавлял он, — необходимо было срочно оказать помощь евреям в Европе".

Имея это в виду, Трумэн во время Потсдамской конференции 24 июля 1945 г. направил Черчиллю короткую записку, в которой выражал надежду, что английское правительство "предпримет шаги, чтобы снять в Палестине ограничения, предусмотренные Белой книгой", и что премьер-министр сообщит ему "свои соображения об урегулировании палестинского вопроса, чтобы позже обсудить эту проблему конкретно". Черчилль не успел еще ответить Трумэну, когда потерпел поражение на парламентских выборах. Вскоре после этого Трумэн послал в Европу Эрла Г. Харрисона, который должен был изучить там положение евреев из числа перемещенных лиц. В докладе Харрисона содержалась не только критика американского командования, проявившего безразличие к судьбам беженцев, но и ряд предложений по решению проблемы в целом. Не скрывая возмущения, Харрисон описывал ужасающее положение бывших узников лагерей

смерти, их отчаяние и стремление навсегда расстаться с братской могилой, которой им казалась Европа. По крайней мере 100 тысяч беженцев, говорилось в докладе, должны быть немедленно эвакуированы, и "Палестина, безусловно, является [для них] лучшим местом".

Трумэн безоговорочно поддержал это предложение, несмотря на предостережения Лоя Хендерсона и государственного секретаря Джеймса Бирнса, сменившего на этом посту Стеттиниуса. В письме, адресованном Эттли, 31 августа 1945 г. президент настаивал на том, чтобы 100 тысяч евреев были впущены в Палестину. "Главное решение, видимо, заключается в том, чтобы срочно переселить в Палестину возможно большее количество желающих этого евреев из числа тех, которые не подлежат репатриации. Чтобы добиться успеха, эту акцию нужно провести безотлагательно". Обращение Трумэна застало Эттли врасплох, Бевину и министерству иностранных дел понадобились две с половиной недели на составление ответа. Отправленное 16 сентября за подписью Эттли ответное послание содержало намеки на новый подход Лондона к палестинскому вопросу. Эттли оспаривал точку зрения, согласно которой евреи пострадали от нацизма больше других народов, и предлагал отправить тех, кто пережил Катастрофу, в Филиппвиль и Феладу в Северной Африке, где имелись готовые лагеря, рассчитанные на 35 тысяч человек. Далее в письме говорилось:

> Что касается Палестины, то мы должны принимать в расчет не только евреев, но и арабов, тем более, что были торжественные заверения... данные Вашим предшественником, Вами и мистером Черчиллем в том, что до

> принятия окончательного решения и претворения его в жизнь будут проведены консультации с арабами. Было бы весьма непредусмотрительно нарушить эти обещания и вызвать тем самым пожар на всем Ближнем Востоке... Кроме этой проблемы, мы заняты еще одной, с нею связанной, — проблемой Индии. Тот факт, что в Индии проживает 90 миллионов способных в любой момент взбунтоваться мусульман, вынуждает нас рассматривать данную проблему и в этом ракурсе.

Английское правительство, несомненно, совершило серьезную ошибку, отказавшись принять 100 тысяч беженцев. Лондон мог бы избежать неприятного столкновения с Соединенными Штатами. Кроме того, требования сионистов тогда были бы не столь категоричны. Наконец, было бы лучше, если бы Бевин проявил больше сдержанности и не говорил того, что он произнес 2 ноября, ввергнув ишув в отчаяние: "Если евреи, при всех своих страданиях, хотят пролезть без очереди, это угрожает новой волной антисемитизма".

Еще осенью 1945 г. Еврейское Агентство вовсе не хотело, чтобы англичане полностью устранились от контроля над Палестиной. Однако сионистское руководство пришло к выводу, что если политика Лондона строится на концепции арабской силы, то не меньшее впечатление может произвести и демонстрация силы евреями. Агентство впервые начало всерьез рассматривать чрезвычайные мероприятия оборонительного характера. В ноябре 1945 г. командование Хаганы пришло к соглашению с двумя еврейскими подпольными группами Эцелом и Лехи о том, что в будущем все их операции должны подлежать согласованию с Хага-

ной. На протяжении последующих восьми месяцев подполье систематически осуществляло нападения на британские гарнизоны. Оружие поступало из различных источников. Иногда его поставщиками были английские солдаты. Евреи — военнослужащие британской армии похищали оружие со складов, разыскивали его на полях сражений, в Западной пустыне и в Италии, и переправляли в Палестину. В подпольных мастерских Хаганы начали выпускать гранаты, мины и легкие автоматические винтовки. Наконец, в конце 1945 — начале 1946 г. Эцел и Лехи провели несколько рискованных, но успешных нападений на английские арсеналы.

В октябре 1945 г. подпольщики напали на английский лагерь и освободили несколько сотен нелегальных иммигрантов. Тогда же в результате совместной операции Хаганы и Эцела в двухстах местах были взорваны железнодорожные пути, что полностью парализовало английские войска, а Хагана уничтожила три британских катера, предназначенных для задержания кораблей с беженцами. Были осуществлены диверсии на английских аэродромах, радарных установках и маяках. Несмотря на эти ощутимые удары, мандатные власти были исполнены решимости подавить еврейское движение сопротивления. В Палестину были быстро переброшены подкрепления, в том числе 6-я воздушнодесантная дивизия, участвовавшая в высадке в Нормандии. В начале декабря 1945 г. для блокады Палестины с моря к побережью прибыли дополнительно четыре торпедных катера и два крейсера; было увеличено число самолетов. При новом верховном комиссаре Э.Дж.Кенми ответные меры властей становились все более жесткими. Например, в начале 1946 г., после нескольких удачных нападений Эцела на оружейные склады в Иудее,

англичане допросили более 14 тысяч гражданских лиц. Тем не менее, мандатным властям редко удавалось захватить подпольщиков. Генерал Баркер, командующий английскими войсками в Палестине, впоследствии признавал, что "евреям правительственные секреты и военные планы становились известны на следующий день после того, как мы принимали какое-либо решение. Их разведка прекрасно налажена". Диверсии продолжались, удары наносились по полиции, армии и флоту. Англичане были в растерянности. Они привыкли рассматривать насилие в Палестине исключительно как прерогативу арабов. Безжалостная сила еврейского сопротивления оказалась для властей полной неожиданностью. Однако этого было недостаточно, чтобы воздействовать на Бевина, который намеревался решить проблему беженцев и определить будущее Палестины на свой собственный лад.

Объединенная англо-американская комиссия

Прошло два с половиной месяца, прежде чем в Лондоне разработали новый компромиссный подход к предложению Трумэна. 26 октября 1945 г. в палате общин, а затем 13 ноября в письме к американскому президенту Эттли предложил создать объединенную англо-американскую комиссию, которая изучила бы положение беженцев и наметила решение проблемы. При этом подразумевалось, что Соединенные Штаты помогут и осуществить это решение на практике. Трумэн сразу же принял это предложение, но с тем условием, что предметом обсуждения будет только Палестина, а не какая-либо другая территория. Эттли и Бевину пришлось согласиться, поскольку иначе невозможно было бы

привлечь американцев к участию в комиссии. Однако министр иностранных дел заявил, что правительство Его Величества не может "согласиться с изгнанием евреев из Европы" и с тем, что только в Палестине можно решить проблему устройства европейских евреев.

Из шести представителей Великобритании объединенной комиссии особым влиянием пользовались ее председатель, сэр Джон Синглтон, член верховного суда, Герберт Моррисон, один из самых видных политиков лейбористской партии, и молодой член парламента лейборист Ричард Кроссман, который постоянно выступал с критикой других членов комиссии. Британскую делегацию сопровождал эксперт министерства иностранных дел по Палестине Харольд Били. Англичане отправились в Соединенные Штаты для встречи со своими американскими коллегами. Председателем американской делегации был судья Джозеф Хатчесон, семидесятилетний ультраконсерватор из Техаса. Среди самых влиятельных членов делегации были д-р Фрэнк Эйдлот — из Принстонского университета, д-р Джеймс Макдональд — профессор Колумбийского университета, а до этого — верховный комиссар Лиги Наций по проблемам беженцев из Германии, и Бэртли Крам — юрист из Сан-Франциско, не лишенный политических амбиций. Крам открыто демонстрировал свои симпатии к сионистам, в то время как Били не скрывал своей проарабской позиции.

Первая встреча членов комиссии проходила в Вашингтоне, первые показания арабских и еврейских свидетелей были заслушаны в Нью-Йорке. Обе стороны держались бескомпромиссно. Арабы утверждали, что американская администрация действует под политическим давлением со стороны ев-

реев. Сионисты яростно критиковали политику англичан, как будто Великобритания несла главную ответственность за трагедию европейского еврейства. В январе 1946 г. комиссия переехала в Лондон, там ее члены встретились с Бевином на официальном обеде. Как вспоминал Кроссман, министр иностранных дел "ясно высказался в том смысле, что если мы придем к единодушному мнению, то он лично сделает все, что в его силах, для осуществления принятого нами решения". Остаток времени Бевин потратил на критику "национализма" и подчеркнул, что считает безнадежной любую попытку создать "национальные государства в Палестине". Комиссия заседала в Лондоне до 1 февраля. Хотя перед нею здесь выступили некоторые сторонники сионистов, в том числе лорд Герберт Сэмюэл и Леопольд Эмери, именно в Лондоне комиссия столкнулась с мощным сопротивлением антисионистской бюрократии. Эксперты из министерства колоний и министерства иностранных дел предрекали кровопролитие в Палестине, если туда приедут тысячи новых еврейских иммигрантов.

Этим пророчествам еще более решительно вторили английские чиновники на Ближнем Востоке, которых опрашивали члены комиссии. "Они на дух не переносят [Еврейского] Агентства, — писал Кроссман. — Они так же возмутительно пренебрегают еврейскими интересами, как американские сионисты — арабскими". Арабы и англичане выступали единым фронтом. При этом, как ни парадоксально, Аззам-паша, председатель Арабской лиги, советовал арабам "излагать дело в примирительном духе, с учетом сложившейся ситуации". Однако когда он сам, подозрительный и настороженный, предстал перед англо-американской комиссией в Каире, его возражения против еврейской иммигра-

ции были высказаны в самом категорическом тоне. Речь Аззама звучала искренне и выразительно:

> Сионист, новый еврей... считает себя представителем особой цивилизаторской миссии, которую он несет отсталому, выродившемуся народу, чтобы положить начало прогрессу там, где никакого прогресса нет. Ну что же, арабы просто говорят на это "нет"... Мы живой, жизненно активный народ, переживающий период возрождения... у нас рождается на свет не меньше детей, чем у других народов... У нас есть свое культурное и духовное наследие. Мы не допустим, чтобы над нами властвовали другие народы — великие, малые или находящиеся в рассеянии.

Еще ярче прозвучали показания Альбера Хурани, выдающегося ливанского ученого, преподавателя Оксфорда. Блестящая по форме, логичная речь Хурани убедительно свидетельствовала об исторических связях арабов с Палестиной.

Однако лишь в Палестине арабский национализм проявился во всей глубине. Арабы, дававшие там показания комиссии, в сущности, находились в весьма невыгодном положении. Они еще не оправились после экономического поражения, нанесенного им в ходе гражданской войны 1936 — 1939 гг. Их политические лидеры, объявленные англичанами вне закона, бежали из Палестины и жили в соседних странах. До 1945 г. Верховный арабский комитет в Святой земле не действовал. Время от времени делались попытки возродить его деятельность, однако все они пресекались сторонниками муфтия, который не допускал никакого соперничества. Последователи Хадж Амина требо-

вали, чтобы ему и его окружению было разрешено вернуться в Палестину. На это англичане всякий раз отвечали отказом.

В конце концов, перед самым приездом англо-американской комиссии в Иерусалим был достигнут компромисс. Благодаря вмешательству сирийского министра иностранных дел Джамиля Мирдам-бея, клан Хусейни согласился на восстановление Верховного арабского комитета. Англичане же освободили племянника муфтия — Джамиля ал-Хусейни, который был интернирован в Родезии как вражеский агент. Вскоре после этого Верховный комитет начал свою работу. Однако и англичане, и умеренно настроенные арабы пришли в ужас от того, каким оказался его состав. Председательское место пустовало в ожидании муфтия. Заместителем председателя стал Джамиль ал-Хусейни, оказавший странам Оси не меньше услуг, чем его дядя. Другие члены комитета тоже были известны своей нацистской ориентацией. Так, например, Васиф Камал сыграл ключевую роль в иракском восстании 1941 г., а в 1943 г. побывал в Италии и Германии по поручению муфтия. Д-р Хусейн ал-Халиди тоже принимал участие в восстании Рашида Али, а затем в 1943 г. стал директором арабской радиостанции, организованной немцами в Афинах. Эмиль Гори, вернувшийся в Палестину еще в 1941 г., первым среди сторонников муфтия, в конце 30-х гг. был организатором отрядов, уничтожавших во время гражданской войны противников Хадж Амина. Таков был комитет, которому предстояло защищать арабские интересы всего через год после разгрома Германии.

Это, однако, не помешало ему с полной уверенностью в своей правоте занять прежнюю непримиримую позицию и на этой основе давать свои

показания в марте 1946 г. Выступая в качестве свидетеля, Джамиль ал-Хусейни напомнил о том, что арабы составляют в Палестине большинство (1 млн. 300 тысяч человек при 560 тысячах евреев), что они кровно связаны со всем арабским миром, однако Палестина до сих пор не могла объединиться с другими арабскими странами, которые получили или вот-вот получат самостоятельность. "Все эти несчастья, — заявил он далее, — вызваны исключительно присутствием сионистов, которым оказывают поддержку некоторые державы..." Среди "несчастий", перечисленных Верховным комитетом, было названо и политико-экономическое неравновесие, вызванное еврейской иммиграцией. В результате доля арабского населения в Палестине упала с 93 процентов в 1918 г. до 65 процентов в 1946 г. Теперь арабам грозит превращение в меньшинство. Как обычно, прозвучали и предупреждения насчет захвата земли евреями. Верховный комиссар, кроме того, нимало не смущаясь, указал на поведение арабов в военное время, сообщив, что "многие из них добровольно пошли на службу к союзникам" и палестинские арабы сохраняли верность англичанам "даже тогда, когда немцы были на подступах к Александрии..." Еврейство же, напротив, "в своем нынешнем отношении к Палестине есть не что иное, как воплощение нацизма". Так или иначе, заявления Верховного комитета отражали неподдельный и глубоко укоренившийся страх перед сионизмом, что не могло не вызвать сочувствия у английских и американских гостей. Представитель Верховного арабского комитета сказал:

> Сионисты утверждают, что они служат проводниками западной цивилизации на Ближ-

нем Востоке. Даже если это было бы правдой, услуги сионистов все равно не имели бы значения: в арабском мире, в течение столетия имеющем прямые связи с Западом, возродилось собственное культурное движение, поэтому посредники арабам не нужны... В более глубоком смысле присутствие сионистов даже препятствует восприятию западной цивилизации, поскольку они... так или иначе внушают арабам неприязненное отношение к Западу во всех его проявлениях.

В итоге арабы потребовали прекращения еврейской иммиграции, отмены мандата, отказа от Декларации Бальфура и признания суверенной Палестины на тех же правах, что и другие независимые арабские государства.

Рассмотрение еврейских требований началось еще до того, как англо-американская комиссия прибыла в Иерусалим. Выехав из Лондона и побывав в Вене, члены комиссии в феврале 1946 г. посетили лагеря для перемещенных лиц. "После этого унизительного зрелища все теоретические рассуждения относительно сионизма и еврейского государства казались абстракцией, — писал впоследствии Кроссман. — То, что раньше казалось нам реальностью, потеряло свой смысл". В это время евреи, уцелевшие после Катастрофы, начали откликаться на призыв Бен-Гуриона, выступившего осенью 1945 г. перед толпой перемещенных лиц в немецком городе Ландсберге: "Не пугайтесь, если завтра или послезавтра услышите, что против нас выпущены новые законы. У евреев теперь есть сила, которая поддержит вас в борьбе за гордую и независимую Палестину. Обещаю вам, что не

только ваши дети, но и седые старики еще увидят свою еврейскую родину".

В начале 1946 г. беженцы ответили на этот призыв: они провели съезд евреев — перемещенных лиц в Мюнхене и начали организацию широкомасштабной иммиграции в Палестину. С этой целью была налажена разнообразная сионистская деятельность, в том числе преподавание иврита и еврейской истории, обучение в сельскохозяйственных школах. Все это увидели члены комиссии во время поездок по лагерям для перемещенных лиц. Подтверждалось то, что они слышали о европейских евреях в Лондоне и Вашингтоне. Политикам было нетрудно понять чувства евреев еще и потому, что в Центральной Европе ничуть не ослабел самый злостный антисемитизм. "Для членов комиссии, как и для европейских евреев, — писал Кроссман, — Палестина все больше становилась решением, а не проблемой".

После приезда комиссии в Палестину первым от имени сионистов перед ней выступил Вейцман. Полуослепший лидер сионистов, которому было уже за семьдесят, проявил незаурядную энергию. Он говорил о неискоренимой европейской юдофобии, сохранившейся даже после разгрома нацистского рейха. Используя классический аргумент сионистов, он в очередной раз подчеркнул, что победить антисемитизм, пока у евреев нет своего государства, практически невозможно. Как и в своих предшествующих выступлениях перед другими комиссиями, Вейцман счел необходимым снова остановиться на дипломатическом контексте Декларации Бальфура, описать условия жизни еврейства в различных странах мира и упомянуть об участии палестинского еврейства в военных действиях союзников. После этого, отвечая на многочисленные

вопросы членов комиссии, Вейцман признал, что теперь склоняется к идее государства в большей мере, чем до войны, и указал на то, что в результате появления Белой книги и вследствие еврейской Катастрофы еврейское государство стало необходимостью. Он согласился с тем, что в палестинском вопросе выбор должен быть сделан не между правыми и виноватыми, а между большей или меньшей несправедливостью.

Показания Бен-Гуриона были не столь дипломатичными по форме, но его жесткость даже пошла на пользу делу. Председатель Еврейского Агентства подробнее, чем это сделал Вейцман, остановился на достижениях сионистов в Палестине, на социальной жизни общины, основанной на принципах демократического социализма. Еврейская государственность для сионистов даже важнее иммиграции 100 тысяч беженцев, подчеркнул Бен-Гурион. "Мы не откажемся от независимости, даже если за нее придется заплатить самую дорогую цену... И в Палестине, и за ее пределами есть сотни тысяч евреев, которые, если понадобится, отдадут свои жизни за еврейскую независимость, за Сион". В отличие от Вейцмана, Бен-Гурион не осудил волну насилия, организованную евреями в Палестине (члены комиссии все время находились под вооруженной охраной), и не выразил восторга по поводу возможного англо-еврейского сотрудничества.

Самым сильным аргументом евреев было реальное подтверждение их достижений в Палестине и информация о планах сионистов на будущее. Представленные ими материалы и статистические таблицы опровергали заявления арабов об экономической эксплуатации со стороны евреев и свидетельствовали об обратном: уровень жизни арабов неуклонно повышался. Сионисты ссылались на

исследование, проведенное группой американских евреев-экономистов, которое показало, что в Палестине можно абсорбировать "от 685 тысяч до 1 млн. 250 тысяч иммигрантов за одно десятилетие". Из проекта, подготовленного выдающимся американским специалистом по гидрологии д-ром Уолтером Лоудермилком, следовало, что увеличившееся население может быть обеспечено водой из Иордана, если построить на этой реке систему плотин. На комиссию все это произвело сильное впечатление. "Я должен был признать, — писал Кроссман, — что ни в одной другой стране западные колонисты не нанесли столь малого ущерба жизни коренного населения... Если в 1918 г. сионизм был искусственно импортирован [в Палестину], то к 1946 г. он превратился в патриотизм, полный энергии..."

В конце марта комиссия, располагавшая теперь множеством протоколов и документов, прибыла в Лозанну. Там в течение месяца обсуждался и составлялся доклад, который был опубликован 1 мая 1946 г. В докладе речь шла о невыносимых физических и психологических условиях жизни европейских евреев, а попытка возродить еврейскую национальную жизнь в Европе оценивалась как несерьезная и неосуществимая. "Мы не знаем ни одной страны, кроме Палестины, куда бы в ближайшем будущем могло переехать большинство из них", — говорилось в докладе. Комиссия предлагала немедленно выдать 100 тысяч разрешений на въезд в Палестину. Рекомендации относительно самой Палестины были менее определенными. Большинство членов комиссии поддерживало унитарное решение. В докладе отклонялась идея создания арабского или еврейского государства, поскольку "в обоих случаях гарантии, предоставленные меньшинству, не смогут обеспечить ему достаточной за-

щиты". Не имея детально разработанного решения, комиссия просто предлагала создать такие условия, при которых дальнейшая еврейская иммиграция не будет зависеть от арабского вето, но и не приведет к возникновению еврейского большинства. Пока же решение не будет найдено, в Палестине должна существовать мандатная администрация.

При такой умеренной позиции никто из членов комиссии не ожидал, что выводы доклада будут отвергнуты, — ведь он соответствовал основным пожеланиям Бевина. Прежде всего, он был принят единогласно. Кроме того, в нем рекомендовалось (пусть в виде пожелания) создать единое государство. Наконец, этот документ поддержали американцы. Однако реакция Лондона была более чем прохладной. Испытывая трудности не только в Европе, но и в Египте и Индии, британское правительство не было готово взять на себя ответственность за последствия массовой еврейской иммиграции в Палестину. По оценкам мандатных властей, прибытие туда 100 тысяч беженцев потребовало бы переброски в Палестину дополнительно еще одной дивизии для поддержания порядка. Это обошлось бы казначейству в 40 миллионов фунтов. Таких денег не было. Кроме того, Лондон не собирался обострять отношений с арабами, а возможно, и со всем мусульманским миром в критический момент, когда английские позиции пошатнулись в Египте, Ираке, Иране, Турции, не говоря уже о Палестине.

Однако, если члены комиссии не ожидали, что англичане отвергнут результаты их деятельности, то Лондон, в свою очередь, никак не рассчитывал, что американцы без предварительных консультаций поддержат только что представленный доклад. Ведь было известно, что государственный департамент с пониманием относится к трудному поло-

жению англичан и, проявляя осторожность, постарается избежать прямолинейного подхода к палестинскому вопросу. 27 апреля Бевин попросил правительство США отложить публикацию доклада и провести совместные консультации. Эта просьба была отклонена. 1 мая 1946 г. текст доклада был опубликован в Вашингтоне, и в тот же день Трумэн заявил о том, что поддерживает рекомендации комиссии относительно иммиграции в Палестину 100 тысяч перемещенных лиц. Таким образом, президент, оставив без внимания остальные положения доклада, сосредоточился исключительно на этой проблеме. Друг и биограф Бевина Э.Ф.Френсис-Уильямс писал впоследствии, что заявление Трумэна "привело Бевина в невиданную ярость". Министр иностранных дел немедленно направил в Вашингтон протест, в котором прямо говорилось о возмущении всего британского кабинета в связи с этим проявлением "небывалой безответственности в тот момент, когда английских солдат убивают еврейские террористы". Эттли пошел еще дальше. Он был убежден, что американцы, если им вздумалось защищать интересы сионистов и поучать Великобританию о том, как ей следует поступать, должны взять на себя хотя бы часть финансовых расходов. Поэтому 26 мая премьер-министр послал Трумэну телеграмму с перечислением затрат, которые предстоят обоим правительствам, если доклад будет принят, в том числе расходов на транспортировку, расселение и содержание иммигрантов, на борьбу с терроризмом и на другие возможные последствия этого шага.

Президент США без особого энтузиазма принял вызов и признал, что необходима встреча английских и американских экспертов. Однако Эттли не спешил с этим и требовал продолжения кон-

сультаций, которые должны были предшествовать разработке окончательного плана действий. Такой подход оказался недальновидным. Даже в этот момент, если бы Лондон положительно отреагировал на гуманное предложение допустить в Палестину 100 тысяч евреев, невыносимое напряжение удалось бы преодолеть. При этом, конечно, утратило бы свою остроту еврейское требование суверенитета. Отвергнув инициативу Трумэна и тем самым допустив серьезный тактический просчет, Бевин еще усугубил ошибку своими бестактными замечаниями. Так, раздраженный предложением президента, министр иностранных дел публично заявил, что американцы выступают за иммиграцию 100 тысяч евреев в Палестину потому, что "у них избыток [евреев] в Нью-Йорке". Это заявление вызвало возмущение не только среди евреев. Вскоре после этого, когда Бевин приехал в Соединенные Штаты, грузчики в нью-йоркском порту отказались разгружать его багаж.

Усиление еврейского экстремизма

После того, как Лондон отверг выводы объединенной комиссии, начался один из самых мрачных периодов в послевоенной истории еврейства. Все больше перемещенных лиц из Восточной Европы перебиралось в американскую зону оккупации. Летом 1946 г. этот процесс ускорился в связи с тем, что в Польше разразились погромы остатков еврейского населения. В результате оттуда бежали тысячи евреев. С июля по сентябрь в Западную Германию переселилось 90 тысяч человек, на которых едва хватало средств американской военной администрации и еврейских благотворительных ор-

ганизаций. Одновременно с этим еще 25 тысяч евреев бежало с Балкан. К концу 1946 г. в лагерях для перемещенных лиц в Западной Германии находилось более 250 тысяч евреев.

Таким образом, летом и осенью 1946 г. сионистское руководство вновь оказалось поставленным перед критической ситуацией. Доклад объединенной англо-американской комиссии не произвел серьезного впечатления на Бен-Гуриона, и тот отверг его. Бен-Гурион всегда считал, что самоуправление — единственный надежный путь к контролю над иммиграцией. Даже перспектива переселения значительного числа беженцев не заставила председателя Еврейского Агентства отказаться от своих целей, тем более, что Бевин не принял выводов комиссии. Позиция министра иностранных дел и увеличение количества перемещенных лиц приводили к выводу, что необходимо еще более ощутимое давление на англичан. 12 мая 1946 г. в передаче подпольной радиостанции Хаганы прозвучала решительная нота:

> Нынешняя английская политика... основана на ложных предпосылках: Великобритания, оставив Сирию, Ливан и Египет, намерена сконцентрировать свои военные базы в Палестине, а потому стремится упрочить мандат и с этой целью эксплуатирует свою ответственность по отношению к еврейскому народу. Но эта двойная игра не пройдет... Поэтому мы хотим публично предупредить правительство Его Величества, что если оно не выполнит обязанностей, возложенных на него мандатом, прежде всего в том, что касается иммиграции, еврейское движение сопротивления сделает все от него зависящее, чтобы помешать тран-

спортировке английских войск в Палестину и размещению здесь британских военных баз.

Еще до того, как Хагана выступила с этим предупреждением, еврейское подполье развернуло активные действия против англичан. А в ночь на 17 июня подразделения Хаганы осуществили операцию, превосходившую по дерзости все предшествующие. Было взорвано десять из одиннадцати мостов, соединявших Палестину с соседними государствами, — фактически страна была изолирована. До этого англичане не наносили ответных ударов с той решительностью, какую они позволяли себе, расправляясь с кенийскими и малазийскими повстанцами, поскольку ни на минуту не забывали о трагедии европейского еврейства. Однако уничтожение мостов положило конец их терпению. 29 июня — этот день евреи назвали "Черной субботой" — англичане приступили к самой грандиозной карательно-розыскной операции в истории Палестины. Операция продолжалась две недели и охватила всю страну. Тель-Авив прочесывали квартал за кварталом, все здания осматривали от подвалов до чердаков. Обыски проводились даже в школах, а в больницах с пациентов срывали гипсовые повязки. Многие сотрудники Еврейского Агентства были арестованы и интернированы (Бен-Гурион в этот момент находился в Париже). Тем не менее, схватить руководство подпольных отрядов англичанам не удалось. Не удалось им обнаружить и основные подпольные склады оружия.

Со своей стороны, Еврейское Агентство сознавало, что дальнейшие нападения на британские военные базы могут вызвать еще более суровые контрмеры англичан. Поэтому Агентство предложило Хагане заняться нелегальной иммиграцией.

Однако экстремистским группировкам были не по вкусу любые проявления сдержанности. Хотя организация Лехи понесла значительные потери во время предшествующих операций против англичан, за период с сентября 1946 г. по май 1948 г. она провела более сотни диверсий и террористических актов. В это же время организация Эцел, которая прежде лишь в ограниченных масштабах совершала акты насилия по отношению к британским военнослужащим, пошла по стопам Лехи. Действия Эцела повлекли за собой ужасающие последствия для ишува. Эцел возник в 1931 г. — это была несоциалистическая группа, отколовшаяся от Хаганы, в которой руководство принадлежало социалистам. Ряды Эцела пополнялись в основном за счет бетаровцев, к которым примкнули также крайние националисты из капиталистических стран и члены Маккаби[57] — спортивного общества ревизионистов. Политика новой организации ориентировалась на программу Жаботинского: каждый еврей имеет право на въезд в Палестину; только активным отпором можно сдержать арабов; еврейское государство может быть создано лишь при наличии еврейской армии. Эмблемой Эцела было изображение руки, сжимающей винтовку, на фоне карты Палестины (включая Трансиорданию). Под эмблемой был девиз "Только так!".

С самого начала Еврейское Агентство отмежевалось от Эцела, а англичане проводили аресты подозреваемых в сотрудничестве с этой организацией. 29 июня 1938 г. впервые в истории Палестины был повешен еврей — член Эцела Шломо Бен-Иосеф, обстрелявший арабский автобус. До опубликования Белой книги в мае 1939 г. Эцел действовал в основном против арабских бандитов. После ее появления жертвами Эцела в большинстве стали британские

чиновники. Волна насилия пошла на спад после начала второй мировой войны — подпольщики заявили, что прекращают борьбу против англичан, и предложили им свою помощь. В мае 1941 г. командир Эцела Давид Разиэль вызвался выполнить рискованное задание англичан в Ираке. В Багдаде он был схвачен и по распоряжению правительства Рашида Али казнен. Смерть Жаботинского в 1940 г. и гибель Разиэля на время парализовали деятельность Эцела — в течение последующих двух лет казалось, что этой организации уже не удастся достичь своего довоенного уровня и завербовать хотя бы несколько сот человек.

Возрождение Эцела объяснялось двумя причинами. Во-первых, на Ближнем Востоке военная обстановка постепенно нормализовалась — таким образом, можно было проводить операции, не подрывая оборонной мощи Великобритании. Во-вторых, в Эцел влилось пополнение — многие евреи-подпольщики были дезертирами из польской армии генерала Андерса, которая была временно дислоцирована в Палестине. У них еще свежа была память о судьбах евреев в оккупированной нацистами Европе. Они получили военную подготовку и теперь жаждали участвовать в активном сопротивлении. Однако даже в период с 1944 по 1948 г., в самый разгар деятельности Эцела, его численность не превышала 2 тысяч человек. Руководство организации состояло из людей фанатически преданных своей идее. Так, например, Менахем Бегин[58], которому было за тридцать, когда он командовал самыми рискованными операциями Эцела, худощавый интеллигент в очках, прошел суровую школу сопротивления задолго до приезда в Палестину. Польский еврей, Бегин был арестован в 1941 г. в советской Литве за сионизм и отправлен в заключение. По-

пав в лагерь в Сибири и очутившись среди заключенных-антисемитов, он обнаружил недюжинную нравственную и физическую силу. Через год Бегину разрешили записаться в армию Андерса (сформированную в СССР). Попав таким образом в Палестину, он немедленно дезертировал, вступил в Эцел, а уже в декабре 1943 г. взял на себя командование этой организацией.

Под руководством Бегина Эцел начал все чаще нападать на британские военные объекты. В организации царила железная дисциплина. Жестокость подпольщиков не знала границ. Они вымогали денежную помощь у евреев-предпринимателей, а иногда и казнили доносчиков. Все было построено на полной конспирации. За головы подпольщиков было назначено вознаграждение, каждому из них угрожала либо казнь, либо длительное тюремное заключение. Им приходилось пользоваться фальшивыми документами, скрываться. После "Черной субботы" 29 июня 1946 г. командование Эцела отказалось подчиняться приказам объединенного центра движения сопротивления. Бегин принял решение провести операцию, которая прогремела бы за пределами Палестины. Ему это удалось. 22 июля группа подпольщиков проникла на кухню иерусалимской гостиницы "Кинг Дейвид". Целое крыло в этом отеле занимали различные административные учреждения, там же находился штаб отдела по расследованию уголовных преступлений. Диверсанты пронесли в подвальный этаж тяжелые молочные бидоны, набитые взрывчаткой. Затем они привели в действие часовой механизм и ушли. Как впоследствии рассказывал Бегин, в отдел по расследованию уголовных преступлений позвонили и предупредили о готовящемся взрыве, но англичане отрицали, что такое предупреждение было. Через

двадцать пять минут раздался взрыв. Был убит 91 человек, ранено — 45. Среди жертв были англичане, арабы и евреи.

После этого английские власти предприняли карательные меры, направленные против всего ишува. На четыре дня в Тель-Авиве и Иерусалиме был введен комендантский час, и эти города оказались отрезанными от остальной страны. Британские войска получили приказ стрелять по нарушителям комендантского часа. В ярости обвинив всех евреев в причастности к преступлениям террористов, генерал Бэкер запретил английским солдатам посещать еврейские дома и лавки. Надо сказать, что Агентство не в меньшей степени, чем мандатная администрация, было потрясено взрывом в "Кинг Дейвид". Бен-Гурион, который раньше никогда открыто не осуждал нападений подпольщиков на британские военные объекты, гневно выступил против Эцела и призвал палестинское еврейство выдавать англичанам членов этой организации. Позже Хагане удалось сорвать попытку Эцела взорвать английский полицейский участок в Тель-Авиве. Однако Бегина и его соратников не так просто было остановить. Теперь они занялись диверсиями на транспорте: уничтожали военные машины, парализовали движение, а случалось, убивали британских военнослужащих.

Однако еще задолго до этого разгула насилия Хагана разработала не столь жестокий и значительно более действенный метод, позволявший бороться с политикой Великобритании в Святой земле.

Нелегальная иммиграция

Без лишнего шума, незаметно, без вмешательства сионистов англичане с 1946 г., вопреки огра-

ничениям, предусмотренным Белой книгой, увеличили еврейскую иммиграцию до 18 тысяч человек в год. По довоенным меркам это была немалая цифра. Однако евреи помнили о тех десятках тысяч беженцев, которые все еще томились в лагерях для перемещенных лиц. Как уже говорилось, еще до войны сионистское руководство (а также ревизионисты) способствовали нелегальной иммиграции евреев из Европы и стран Ближнего Востока. Известная под названием *Алия-Бет*, эта иммиграция, проводимая под эгидой Агентства, все в большей степени оказывалась под контролем Хаганы. Осуществление этой программы в 1938 г. началось под руководством Шауля Авигура, тридцатилетнего подпольщика, инициативного и волевого человека[59]. Когда война окончилась, Авигур вернулся в Европу и открыл свое представительство в Париже. Еврейское Агентство дало ему четкие и недвусмысленные инструкции. Он должен был как можно скорее организовать выезд евреев из числа перемещенных лиц в Палестину. При этом речь шла не о том, чтобы тайно переправить несколько сотен или даже тысяч человек, планировалось переселение десятков тысяч евреев. К судьбе этих жертв нацизма нужно было привлечь внимание всего мира и таким образом продемонстрировать драматизм судьбы еврейского народа и бесчеловечность английской иммиграционной политики в Палестине. Короче говоря, исход должен был стать реализацией того, что Бен-Гурион говорил в лагере для перемещенных лиц в Ландсберге: "Вы не просто люди, попавшие в беду, вы — политическая сила".

В последующие месяцы палестинские евреи (многие из них — ветераны Еврейской бригады) направились в лагеря для перемещенных лиц в качестве эмиссаров Агентства. Благодаря средствам

еврейских филантропов были найдены возможности для перехода государственных границ, созданы транзитные пункты, обеспечены питание, одежда и размещение будущих иммигрантов. Были куплены и отремонтированы в доках французской Ривьеры пароходы. Конечно, все это оказалось возможным только с молчаливого согласия французского правительства. В ряде случаев сотрудничество с правительственными органами наладили французские евреи-партизаны, участники движения Сопротивления. Некоторые из них заняли после войны ключевые посты в государственном аппарате. Так, например, Андре Блюмель был главой кабинета министров в недолго просуществовавшем правительстве Леона Блюма (сам Блюм лишь значительно позднее вступил в контакт с сионистами). Жюль Мок был министром обороны сначала в правительстве Блюма, а потом — в правительстве Жоржа Бидо. Министерские посты занимал в 1946 — 1949 гг. Даниэль Мейер[60]. Эти и другие политические деятели придавали большое значение спасению перемещенных лиц, они-то и добивались помощи и поддержки в различных ведомствах, начиная с министерств в Париже и кончая портовыми службами в приморских городах. Несомненно, позицию Франции определяло сострадание к жертвам нацизма. Роль играло и то, что в государственном аппарате было немало бывших партизан, воспринимавших подпольщиков Хаганы как братьев по оружию. Однако для французов важным было и другое чувство, роднившее их с Хаганой, по определению Авигура, — неутолимая ненависть к англичанам за то, что Великобритания вытеснила Францию из Леванта в 1943 — 1945 гг., а может быть, и за то, что французы в 1940 г. потеряли свой флот в Мерс ал-Кабире. Беспомощная ярость только усилива-

лась тем, что во французских городах и портах, освобожденных армией Монтгомери[61], действовали сотрудники британской разведки. Все эти причины, общность симпатий и интересов привели к тому, что французский министр внутренних дел Эдуар Депрю рука об руку работал с Авигуром над созданием транзитных лагерей для перемещенных лиц в приграничных и портовых городах Франции, а также предоставлял политическое убежище членам Эцела, бежавшим из Палестины. Позже, в 1947 — 1948 гг., французская армия готова была оказать еще более существенную помощь сионистам.

Осенью 1945 г. первые сотни беженцев были вывезены из лагерей американской зоны оккупации. На грузовиках, предоставленных Еврейской бригадой, они прибыли к французской границе (позже переход был устроен и через границу с Австрией). Затем они пешком перешли через горы и были доставлены во французские и итальянские порты. К началу 1946 г. ежемесячно перевозилось по тысяче и более иммигрантов. Переброской из одного транзитного пункта в другой руководили десятки палестинских евреев, в качестве связных им нередко помогали сами перемещенные лица. В 1946 г. основной маршрут начал проходить через Италию — там и береговая линия, и глубокие бухты были идеально приспособлены для погрузки и разгрузки. В Италии решающую роль сыграли организаторские дарования Иехуды Арази, одного из главных помощников Авигура.

Бывший офицер палестинской полиции, Арази был в то же время ветераном Хаганы. Избежав ареста англичан, он перебрался в Европу. Там ему поручено было организовывать перевоз перемещенных лиц из Германии в страны Средиземноморья. Воспользовавшись в ходе этой операции послево-

енной неразберихой, царившей в Италии, Арази замечательно справился с задачей. Переодетый в форму английского сержанта, Арази действовал в палестинских подразделениях британской оккупационной армии: "реквизировал" автомашины для перевозки перемещенных лиц, занимал помещения для транзитных пунктов, получал с английских складов огромные количества продуктов и снаряжения. Даже после того, как англичане в конце 1945 г. отправили палестинские подразделения домой, Арази не прекратил своей деятельности. Он подделывал документы, добывал продовольствие и горючее, фрахтовал пароходы и нанимал матросов. Итальянские власти из сочувствия к перемещенным лицам и неприязни к английской оккупационной армии закрывали глаза на все мероприятия по спасению беженцев.

В основном Хагана фрахтовала итальянские каботажные пароходы, построенные до войны. Они совершенно не годились для плавания по Средиземному морю — страшно было доверить им жизни сотен пассажиров. Тем не менее, они, залатанные на скорую руку, отправлялись для погрузки в уединенные бухты, обычно неподалеку от крупных портов в Адриатическом и Тирренском море. Вплоть до самого отплытия был риск, что об этом станет известно агентам британской разведки, которые были начеку. Надеясь узнать об отправлении пароходов у беженцев, некоторые из них выдавали себя за евреев, но, как правило, Хагана их разоблачала. В ряде случаев англичанам удавалось сорвать рейсы, однако Хагана находила другие пароходы и нанимала новые экипажи.

Активная деятельность по приему беженцев велась и в Палестине. Побережье было, казалось бы, блокировано британскими судами, всего на терри-

тории Палестины в 1947 — 1948 гг. находилось 80 тысяч английских солдат. Нередко разведке Хаганы удавалось получить доступ к военным документам, в которых излагались планы перехвата беженцев, подслушать радиопереговоры между полицией и разведкой, а также между береговой охраной и патрульными катерами. Хагана шла на различные уловки, чтобы отвлечь внимание англичан во время высадки нелегальных иммигрантов. Первые пароходы сумели прийти незамеченными, осенью 1945 — зимой 1946 гг. они высадили на палестинский берег 4 тысячи беженцев.

Однако в начале 1946 г. английская блокада усилилась. У берегов курсировали военные суда, одновременно с этим строже стал контроль в европейских портах Средиземноморья. Теперь, когда из Италии отправлялись пароходы с 8 тысячами беженцев на борту, перехват их не составлял больших трудностей и осуществлялся обычно в территориальных водах Палестины. Беженцев заставляли пересесть на английские транспортные суда и отправляли на Кипр, где их интернировали. В лагерях на Кипре были ужасные условия. Летом, во время адской жары, едва хватало воды и пищи. Однако нелегальная иммиграция все увеличивалась — для европейских евреев Кипр был лишь одним из этапов на пути в Палестину. Нередко перемещенные лица оказывали сопротивление англичанам, и тогда дело кончалось человеческими жертвами. Иногда бойцы Хаганы совершали диверсии против английских транспортов, на которых беженцев перевозили из Палестины на Кипр. Когда в хайфскую гавань вошел один из пароходов с беженцами, над палубой его был развернут транспарант: "Нас не мог убить Гитлер. Мы знаем, что такое смерть. Ничто не помешает нам ступить на еврейскую землю. Да

падет наша кровь на головы тех, кто будет стрелять по этому безоружному судну". Эта фотография и подобные ей обошли страницы европейских и американских газет и вызвали глубокое сочувствие западной общественности. За период с 1945 по 1948 г. было перехвачено 58 из 63 транспортов с беженцами. На Кипре было интернировано 26 тысяч перемещенных лиц. Сионисты сделали судьбу беженцев достоянием гласности. Реакция мирового общественного мнения и британских налогоплательщиков на эту трагедию стала самым действенным оружием в руках еврейства.

Последняя попытка англичан: план Моррисона — Грэйди и лондонские переговоры

В начале лета 1946 г. действия еврейского подполья в сочетании с иммиграцией беженцев стали оказывать влияние на британскую политику. Заместитель министра по делам колоний Артур Крич-Джонс, давно считавшийся умеренным сторонником сионистов, наконец, убедил Бевина в том, что кризис, возникший в связи с проблемой перемещенных лиц, нельзя разрешить вне Палестины, поскольку ни евреи, ни Соединенные Штаты не согласятся на другое решение. Необходимо пересмотреть условия британского мандата. Как только о смягчении английской политики было сообщено в Вашингтон, Трумэн выразил готовность участвовать в определении будущего статуса Палестины. Через три недели после того, как англичане отвергли доклад англо-американской комиссии, президент сообщил о создании специальной правительственной комиссии, которая должна была заняться определением нового политического курса. Подготовительная ра-

бота была поручена группе под председательством д-ра Генри Ф. Грэйди, помощника государственного секретаря. Грэйди и его коллеги вступили в переговоры с британской комиссией, созданной с той же целью, чтобы выработать общую англо-американскую программу действий и распределить между двумя правительствами ответственность в военной и экономической сферах. В конце июня 1946 г. Трумэн направил комиссию Грэйди в Лондон, на протяжении последующих пяти недель две группы экспертов под председательством Герберта Моррисона работали совместно. Обсуждение велось поспешно, поскольку в Палестине становилось все неспокойнее, а после взрыва в гостинице "Кинг Дейвид" обстановка стала критической. 31 июля результаты объединенной комиссии были переданы на рассмотрение парламента. К этому времени стало очевидно, что Грэйди и его коллеги встали на сторону англичан.

В согласии с позицией Бевина доклад комиссии предлагал, чтобы "наши правительства предприняли шаги по созданию благоприятных условий для расселения значительного числа перемещенных лиц в пределах самой Европы, поскольку, очевидно, подавляющее большинство их останется жить в Европе". Другим государствам предлагалось принять участие в расселении тех беженцев, которые не захотят остаться на континенте. Далее излагался сложный план преобразования мандата в опеку и раздела Палестины на еврейскую и арабскую провинции, причем Негев и Иерусалим передавались под контроль Великобритании. В соответствии с этим планом, меньшая, еврейская провинция должна была занимать 17 процентов территории — столь урезанный вариант впервые предлагался сионистам. Хотя во внутренних вопро-

сах обеим общинам предоставлялось самоуправление, за английским верховным комиссаром сохранялись полномочия в контроле над обороной, внешними отношениями, таможней, полицией, судопроизводством и транспортом. Кроме того, верховный комиссар на протяжении пятилетнего переходного периода мог накладывать вето на любые законодательные акты. Евреям была сделана только одна важная уступка — разрешение на иммиграцию 100 тысяч человек в течение первого года введения плана в действие. А затем иммиграцию должен был регулировать верховный комиссар, исходя из "экономических возможностей" страны. План комиссии мог быть осуществлен только с согласия обеих сторон — евреев и арабов. Доклад заканчивался оптимистически: "Мы полагаем, что настоящий план обеспечивает, насколько это возможно, честный и разумный компромисс, основанный на требованиях арабов и евреев, и открывает хорошие перспективы для примирения противоречивых интересов обеих общин".

Бесспорно одно: этот план отвечал интересам англичан. В сущности, его принципы были заранее сформулированы министерством по делам колоний. Один из английских чиновников впоследствии так сформулировал основную идею доклада: "Это великолепная схема. Она строится на полном равенстве арабов и евреев: ничего не давая ни тем, ни другим, она оставляет нам свободу действий в Палестине". Поскольку летом 1946 г. англичане испытывали все усиливающееся давление со стороны египтян, требовавших, чтобы Великобритания оставила Суэц, Лондон мог полностью лишиться своего ближневосточного плацдарма. Если не считать Трансиордании, не имевшей выхода к Средиземному морю, Палестина была единственной территорией, где

англичане еще могли действовать достаточно свободно. Хайфа могла бы заменить Александрию. Контроль над Негевом позволял сохранить британские военные объекты к северу от Суэца. Как раз в это время в районе Газы были выстроены новые большие военные лагеря. В Лондоне только что было принято решение о прокладке нефтепровода из Киркука в Хайфу.

Естественно, официальная реакция Лондона на доклад Моррисона — Грэйди была весьма благоприятной. Именно на основе этих рекомендаций еврейские и арабские представители должны были прибыть в Англию 10 сентября 1946 г., чтобы принять участие в переговорах и найти приемлемый компромисс. Однако для евреев такой подход был исключен. Сионистский исполнительный комитет, собравшись в конце июля в Париже, постановил, что только раздел может служить базой для переговоров, и отказался от приглашения в Лондон. Палестинские арабы отвергли английское предложение по той причине, что муфтий, все еще *persona non grata* для англичан, не мог возглавить делегацию. В результате, когда конференция открылась 10 сентября, на ней присутствовали только англичане и представители ряда арабских стран. Позиция арабов в Лондоне по-прежнему была непримиримой. Они призывали к созданию переходного режима в Палестине под временным наблюдением британского верховного комиссара. После того, как будет создано временное правительство, оно сразу же начнет действовать независимо, будет располагать собственной выборной системой и государственным аппаратом. При этом будут обеспечены свобода религии и открытый доступ к святым местам; более того, в составе кабинета три из десяти министров будут евреями. Иврит получит статус

второго государственного языка в тех районах, где евреи составляют "абсолютное большинство". Однако натурализация будет касаться лишь тех граждан, которые непрерывно проживали в Палестине не менее десяти лет, и, таким образом, не будет распространяться на перемещенных лиц.

Через два дня после того, как арабы представили свой план, англичане прервали конференцию, попросив дополнительное время для изучения этих предложений. Британскую делегацию не смутила максималистская позиция арабов. Арабские страны, во всяком случае, согласились участвовать в переговорах, а значит, их правительства положительно отнеслись к схеме Моррисона — Грэйди. Аззам-паша даже заявил от имени арабов, что они продвинулись "на пути к соглашению [с Англией] значительно дальше, чем когда-либо ожидали". Дальнейшие переговоры теряли смысл из-за того, что на них не присутствовали евреи и палестинские арабы. Кроме того, этим переговорам не оказывали поддержки американцы. Муфтий лично руководил внешней политикой палестинских арабов из Каира, где непрерывно заседал Верховный арабский комитет. В то время как евреи усиливали сопротивление англичанам, арабы предпринимали официальные меры по бойкоту еврейских товаров, блокировали продажу арабских земель евреям и субсидировали различные полувоенные организации, среди которых под видом молодежных объединений действовали *Наджада*, основанная в 1945 г. юристом из Яффо Мухаммадом Нимр ал-Хавари, и *Футувва*, группа боевиков, подчиненная клану Хусейни. Оружие для этих организаций контрабандой переправлялось из соседних арабских стран. В 1946 г. численность их членов превысила 30 тысяч человек. Исполняя требования арабско-палестин-

ского руководства, Совет Арабской лиги сохранял свое "достоинство" и занимал бескомпромиссную позицию.

1 октября 1946 г. в Лондоне состоялась неофициальная встреча Бевина с Вейцманом и другими членами Еврейского Агентства: в ходе встречи Бевин изложил свой собственный план переходного периода и создания самоуправления. Жестом доброй воли по отношению к сионистам явилось назначение 4 октября Крич-Джонса на пост министра по делам колоний. Появились какие-то надежды на компромисс. Бевин говорил об этом в Палате представителей 25 февраля 1947 г.: "На сепаратной встрече с евреями... я сделал следующий шаг и выдвинул идею временного урегулирования, которое, в конце концов, должно привести к самоуправлению... Я сказал им: 'Если вы вместе проработаете три, пять или десять лет, может случиться так, что вы не захотите раздела. Давайте попробуем уладить разногласия!' На этом этапе ситуация казалась более обнадеживающей. Когда они ушли... у меня появилось ощущение... что, наконец, найден верный подход". Бевин недооценивал то, что еще предстояло сделать. Предложение Моррисона — Грэйди о въезде 100 тысяч евреев в Палестину утратило актуальность еще до того, как начались переговоры в Лондоне. Сионисты осознали, что совершили ошибку, указав предел своих требований. Сам Бевин невольно признал этот факт в своей речи 25 февраля 1947 г., когда коснулся возможности, которой он не воспользовался, отвергнув первый совместный англо-американский доклад:

> Я утверждаю следующее. Если бы проблема заключалась только в том, чтобы Европу покинули 100 тысяч евреев, решение, я пола-

гаю, было бы найдено... К сожалению, с точки зрения сионистов, 100 тысяч — это только начало. Еврейское Агентство поговаривает о миллионах... На претензии арабов трудно что-либо возразить... Почему находящееся вне Палестины Агентство, щедро субсидируемое из Америки, должно определять, скольким людям следует разрешить въезд в Палестину, должно вмешиваться в экономический уклад арабов, которые живут там уже две тысячи лет? Вот с чем мне приходится иметь дело.

Англичане и сионисты говорили на разных языках.

В Белом доме доклад Моррисона — Грэйди произвел не больше впечатления, чем в Еврейском Агентстве. Согласившись с мнением заместителя государственного секретаря Дина Ачесона, Трумэн счел, что доклад, ущемляющий права евреев, предусматривает создание нового гетто. "Я внимательно ознакомился с этим планом, — писал впоследствии президент, — но на мой взгляд, он привел бы только к новым конфликтам". 7 августа 1946 г. Трумэн сообщил свое мнение Эттли. Не обращая внимания на уговоры премьер-министра, Трумэн телеграфировал ему 12 августа: "В США противодействие этому плану столь значительно, что правительство не сможет оказать ему серьезной поддержки, поскольку невозможно настроить в пользу плана общественное мнение". Вскоре после этого, 4 октября, накануне Судного дня, Трумэн обратился, как обычно, с президентским приветствием к американскому еврейству. Текст обращения был подготовлен с помощью Ачесона. 3 октября один экземпляр был выслан для ознакомления Эттли. Прочитав обращение, премьер-министр ужас-

нулся. Он умолял Трумэна отложить публикацию, чтобы дать ему время проконсультироваться с Бевином. Президент отказался. Обращение вышло в свет. В нем была выражена официальная поддержка идее раздела и, кроме того, содержалось требование немедленно начать масштабную иммиграцию в Палестину, "не дожидаясь решения... проблемы". Возмущенный Бевин заклеймил обращение как маневр с целью заручиться голосами евреев на предстоящих через месяц выборах в Конгресс. "Мне сказали, — заявил он, — что если бы этого заявления не сделал мистер Трумэн, с аналогичным обращением выступил бы мистер Дьюи [лидер республиканцев]. В международных отношениях невозможно решить проблему, если она выносится на обсуждение в рамках внутренней предвыборной кампании..." Ачесон, однако, отрицал такого рода мотивы:

> Когда президент Трумэн предпринимал политический маневр, он никогда не скрывал, если получал от него удовольствие... Президент очень серьезно отнесся к своему заявлению перед Судным днем, который совпал по времени с исключительно мрачным моментом в еврейской истории. Президент счел этот случай подходящим, чтобы заявить о своем намерении способствовать иммиграции 100 тысяч евреев в Палестину.

Несмотря на то, что англичане восприняли заявление Трумэна как удар, новый министр по делам колоний Крич-Джонс по-прежнему намеревался ослабить напряжение в самой Палестине. Он надеялся, что, если это удастся, сионисты примут

участие во втором этапе лондонских переговоров. По просьбе Крич-Джонса мандатные власти прекратили обыски в еврейских поселениях. 22 октября был смещен генерал Бэкер, допустивший антисемитский выпад после взрыва в гостинице "Кинг Дейвид". Две недели спустя англичане освободили интернированных руководителей Еврейского Агентства и более сотни арестованных в "Черную субботу" в июне 1945 г. Благодаря этим и другим мерам напряжение на время спало. Тем не менее возобновление лондонской конференции было отложено до начала 1947 г. с тем, чтобы руководство Еврейского Агентства смогло вынести вопрос об участии в переговорах на обсуждение 22-го Сионистского конгресса, который запланировано было провести в декабре 1946 г. в Базеле.

Конгресс являл собой печальное зрелище. На нем были представлены две основные группы — делегации Палестины и Америки. Европейские сионисты, при поддержке которых Вейцман на протяжении двух десятилетий строил свою умеренную политику, больше не пользовались влиянием. Американцы, возглавляемые кливлендским раввином Аббой Хиллелом Сильвером, ничуть не уступали воинственностью Бен-Гуриону и палестинским делегатам и заявляли, что настало время начать фронтальную атаку на британские власти в Святой земле. Вейцман призвал конгресс еще раз попытаться найти компромиссное решение, возможно, на основе переходного режима, который затем завершился бы разделом. Это предложение было встречено холодно. По мнению подавляющего большинства, сионистское движение могло участвовать в лондонских переговорах, только исходя из предпосылки еврейской государственности. В итоге делегаты конгресса выразили отношение к позиции

Вейцмана, не переизбрав его на пост президента Сионистской организации.

За четыре месяца, отделявшие первый этап лондонских переговоров от второго, позиции арабов и евреев стали еще жестче. В то время как Агентство дало понять, что не согласится ни на какие условия, кроме еврейского государства в Палестине, представители Арабской лиги заранее заявили, что требуют арабского государства, и сократили число евреев в предполагаемом кабинете министров. На втором этапе переговоров в них участвовал Верховный арабский комитет, но он был настроен не менее воинственно, чем Арабская лига. Евреи попрежнему бойкотировали переговоры. Однако Бен-Гурион и Шарет приехали в Лондон для неофициальной встречи с Крич-Джонсом, который выразил им свою поддержку и заявил, что поддерживает идею раздела. Все дело в Бевине, объяснил Крич-Джонс, Бевин не слушает никого, кроме Харольда Били.

Когда позже министр иностранных дел явился на эту неофициальную встречу, лидеры сионистов были поражены. Бевин, усталый, с трудом передвигавшийся, вошел в кабинет Крич-Джонса. Он подозрительно вглядывался в Бен-Гуриона, Шарета и других представителей Агентства. В те дни англичане жили по-спартански и экономили энергию, поэтому в просторном кабинете были зажжены только свечи, и встреча происходила в полумраке. Бевин отпустил какую-то тяжеловесную остроту — еврейские делегаты ответили натянутыми улыбками. Министр иностранных дел молча и с явным беспокойством стал слушать Крич-Джонса, который изложил компромиссный план: если евреи согласятся на пять лет отложить свои политические требования, Великобритания не будет навязывать

им политику Белой книги и снимет запрет с приобретения земли. Тут Бевин вмешался и отверг эту идею. Он подчеркнул, что ни при каких обстоятельствах не станет продлевать действующий мандат, который был ошибкой с самого начала. Так или иначе, он против раздела по национальному признаку. Если евреи дадут ему возможность, он уладит их разногласия с арабами. Затем министр иностранных дел раздраженно потребовал, чтобы евреи изложили свои территориальные претензии.

В этот момент Бен-Гурион предложил министру переговорить с ним наедине. Бевин согласился, но взял с собой Били. "Почему вы не верите, что мы проводим честную политику? — посетовал Бевин. — У нас нет эгоистических намерений. Мы стремимся только к миру и стабильности на Ближнем Востоке". На это Бен-Гурион прямо ответил: "Скажите мне откровенно, чего вы хотите. Возможно, мы, евреи, будем рады помочь. Возможно, наши интересы совпадают". Так оно и было: по крайней мере, частично интересы обоих политиков совпадали. Бен-Гурион заговорил о возможности создания английских баз в Негеве, о доступе в хайфскую гавань для британского флота, о перспективах нефтяной разведки в пустыне. Реакция Бевина была положительной. Он доверительно сообщил, что все еще надеется найти приемлемую для сионистов формулировку. Возможно, именно в результате этой беседы Лондон и не стал полностью отвергать идею раздела. Как позже вспоминал Ачесон, в начале 1947 г. на эту тему с ним говорил британский посол в США. "Поддержат ли Соединенные Штаты резолюцию ООН о разделе Палестины?" — спросил Ачесона англичанин. Государственный секретарь ответил, что, по его мнению, США выскажутся за такую резолюцию и что раздел представляется ему

самым реальным решением. Посол обещал довести его мнение до сведения Лондона. Но даже если Бевин какое-то время всерьез обдумывал эту идею, вскоре он от нее отказался. Впоследствии он так передал ход своих рассуждений:

> Лучший и наиболее благоприятный план раздела из всех, которые мне до сих пор приходилось встречать, должен привести к тому... что в рамках еврейского государства окажется 450 тысяч евреев и 380 тысяч арабов. Я со всей откровенностью излагаю этот план арабам, и какова же их реакция? Арабы говорят: "Если евреи не согласны составить меньшинство в 33,5 или в 40 процентов по отношению ко всему населению страны, то как оправдать передачу 380 тысяч арабов под власть евреев? Что вы на это ответите?" А ответить мне нечего.

Однако, если министру был не по душе план раздела, его формула совершенно не устраивала сионистов и американцев, которых не удовлетворял и план Моррисона — Грэйди. В середине февраля 1947 г. было выдвинуто новое предложение. От прежнего оно отличалось тем, что период опеки ограничивался пятью годами. За время переходного периода страна должна была подготовиться к независимому существованию в качестве унитарного государства, при этом высшая законодательная власть сохранялась за верховным комиссаром. Кроме того, автономия на уровне провинций заменялась кантональным самоуправлением в тех районах, где имеется арабское или еврейское большинство. Еврейское Агентство подлежит роспуску, а евреи, как и арабы, должны иметь своих делегатов

в представительстве, наделенном совещательными функциями. По истечении двух лет (вместо предполагавшегося ранее года) будет создан учредительный орган будущего унитарного государства, а последние три года опеки арабы будут иметь право участвовать в выработке иммиграционной политики. Этот подробный план, однако, был только тратой времени. Арабы сразу же отвергли его, поскольку он не предусматривал контроля большинства над меньшинством. Евреи же высказались против этого плана из-за идеи о кантональном управлении. Как заявил Бен-Гурион, этот вариант приблизил концепцию Моррисона — Грэйди к Белой книге 1939 г. Ишув уже создал свои жизнеспособные органы управления, в то время как у арабов ничего похожего не было, таким образом, новый план давал преимущество лишь арабам.

Оказавшись в тупике, Бевин 14 февраля заявил, что передаст проблему на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Решение это было принято не только потому, что палестинский вопрос в лейбористском кабинете зашел в тупик; кроме всего прочего, на грани истощения находились экономические ресурсы Великобритании. Неделю спустя Эттли заявил в парламенте, что правительство намерено передать управление Индией ее национальному правительству не позже июня 1948 г. На следующий день, 21 февраля, Лондон объявил, что к 30 марта будет прекращена военная и финансовая помощь Турции и Греции. Таким образом всего за неделю англичане сделали целый ряд официальных заявлений, предвещавших отказ от исторически сложившейся сферы британского влияния. "Если бы я мог из чисто гуманных соображений поддержать въезд 100 тысяч человек в Палестину, — с горечью заметил в своей речи 25 февраля

министр иностранных дел, — и если бы политическая борьба за еврейское государство могла быть отложена в сторону, а удалось бы создать самоуправление для жителей Палестины, не затрагивая других политических проблем, я охотно бы взялся за это снова". Однако у Бевина уже был когда-то шанс разрешить палестинский вопрос и осуществить иммиграцию 100 тысяч беженцев, но тогда он этим шансом не воспользовался.

Тем не менее, уверенности в том, что Лондон не станет предпринимать новых попыток урегулирования, не было. "Мы не собираемся обращаться в ООН, чтобы сдать свой мандат, — предупреждал 25 февраля Крич-Джонс. — Мы... решаем проблему и просим совета, как осуществить мандат". Такое же впечатление возникло и у нового верховного комиссара генерала Кеннингема, который побывал в Лондоне в марте 1947 г. Очевидно, Бевин и его советники сами не были уверены в том, что решение об уходе из Палестины является окончательным, полагая (и даже надеясь), что ООН уполномочит Великобританию и впредь выполнять жандармские функции в Палестине. 2 апреля Бевин потребовал провести специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о палестинском мандате. Однако через полтора месяца, 29 мая, министр иностранных дел заявил на съезде лейбористской партии, что он будет считать окончательным только единогласное решение ООН по этому вопросу. Ожидать такого результата голосования было трудно.

Скрытые надежды на сохранение мандата рушились благодаря развитию событий в Палестине. Эцел усилил свою террористическую деятельность. 1 марта был взорван офицерский клуб в Иерусалиме. В тот же день было убито 18 и ранено 25 англичан, в том числе несколько гражданских лиц.

К концу 1947 г. на счету Лехи было 373 убитых англичан, среди них — более 300 мирных жителей. Размах еврейского терроризма был столь велик, что действия двух арабских подпольных организаций, убивавших своих соплеменников, были на этом фоне почти не замечены. Арабов убивали, как правило, в тех случаях, когда они, вопреки запрещению, продавали землю евреям, однако в ноябре 1945 — феврале 1947 г. было устранено также 6 политических соперников Хусейни.

За те полтора года, что у власти находились лейбористы, вся система безопасности в Палестине окончательно разладилась. В 1947 г. Великобритания держала в этой крошечной стране 80 тысяч солдат, не считая подразделения трансиорданского Арабского легиона и 16 тысяч полицейских, английских и местных. А в 1939 г., в самый разгар арабского восстания, военный и полицейский аппарат был в четыре раза меньше. Расходы на содержание частей, размещенных по всей Палестине, обошлись казне в 2 миллиона фунтов. За те же полтора года английские налогоплательщики внесли приблизительно 50 миллионов фунтов на обеспечение и транспортировку всей этой армии. Палестинская администрация выплатила на те же цели еще 5 миллионов. Опасность, которой подвергались теперь английские чиновники, как нельзя лучше демонстрировала порочность мандатной политики лейбористов. Несмотря на разнообразные меры по обеспечению безопасности, семьи британских служащих пришлось эвакуировать в Англию в феврале 1947 г., когда напряжение в Палестине достигло предела. Те, кто остался здесь работать, жили в крупных городах в особо охраняемых зонах за колючей проволокой. К концу месяца вне этих зон проживало всего 11 англичан, работавших в

гражданской администрации. Все они выходили на улицу только засветло и лишь в сопровождении вооруженной охраны.

Делать какие-либо обобщения относительно еврейского национализма и его воздействия на мандат невозможно. Билтморскую программу и резолюцию в ее поддержку на Сионистском конгрессе в 1946 г. едва ли можно считать свидетельством национально-политической зрелости ишува. В конце концов, лишь меньшинство палестинских евреев родилось в Святой земле. Их цели и интересы определялись отнюдь не только национализмом, ключевую роль в них играла иммиграция. Даже для такого максималиста, как Бен-Гурион, свободная иммиграция была важнее государственности. Если бы в 1946 г. Бевину удалось предложить решение, при котором Палестина осталась бы в Британском Содружестве, и одновременно не препятствовать неограниченному притоку еврейских беженцев из Европы, Бен-Гурион и исполнительный комитет Агентства примирились бы с таким ходом событий. Стремление Лондона к умиротворению арабов и непреклонность Бевина в связи с проблемой иммиграции — главные факторы, спровоцировавшие сионистов выступить с максималистскими требованиями о предоставлении им государственности; эти же факторы разожгли пожар терроризма, вызвали нелегальную иммиграцию беженцев в Палестину, подорвали британскую экономику, нанесли ущерб международному престижу Англии и, в конечном счете, положили конец палестинскому мандату.

Глава XII

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Палестинский вопрос на повестке дня ООН

Оглядываясь на первые послевоенные годы, трудно представить себе те почти мистические надежды, которые возлагались тогда на Организацию Объединенных Наций. Кризис, вызванный в 1946 г. советской оккупацией северного Ирана, послужил первым испытанием для новой международной организации — тогда ООН продемонстрировала свою способность мирным путем урегулировать межгосударственные конфликты. Естественно поэтому, что год спустя ООН вновь была призвана решить еще одну проблему мировой политики. Палестинский вопрос был, конечно, значительно сложнее иранского кризиса. На этот раз требовалось найти решение, которое удовлетворило бы законные требования двух враждующих сторон и, скорее всего, привело бы к созданию нового суверенного образования вместо британского мандата. Задача эта была непростой, но именно для такого рода проблем и была создана Организация Объединенных Наций. Вне пределов ее компетенции находились споры между великими державами — это ограничение

юридически выражалось в праве вето, которым обладали постоянные члены Совета Безопасности. С другой стороны, прямым назначением ООН была деятельность по ликвидации конфликтов между всеми остальными государствами. Гарри Трумэн не был наивен, когда, имея в виду эти функции ООН, отделял проблему гуманитарной помощи беженцам от более сложного вопроса о юридическом статусе Палестины. "Я полагал, — писал он в мемуарах, — что будущая судьба Палестины — это как раз та проблема, ради которой мы создали ООН". 2 апреля 1947 г. Великобритания, передав решение палестинской проблемы на рассмотрение мирового сообщества, казалось, открыто поддержала точку зрения Трумэна.

По крайней мере, отчасти это было не так. Избрав для принятия решения Генеральную Ассамблею вместо более оперативного и действенного Совета Безопасности, кабинет Эттли надеялся, что ООН не сумеет найти решения и попросит Лондон предложить свое. Тогда у Великобритании были бы основания рассчитывать, что по отношению к упорствующим сионистам у нее будут развязаны руки. Именно так высказывался Харольд Били в беседе с Давидом Хоровицем, представителем Еврейского Агентства, воспоминания которого раскрывают перед нами интереснейшие эпизоды послевоенной истории:

> Загляните в устав ООН и посмотрите, какие страны его подписали. Чтобы добиться благоприятного решения, требуется две трети голосов, а их можно получить только в том случае, если Восточный блок и США объединятся и поддержат не только одно и то же решение, но и одну и ту же формулировку.

Ничего подобного пока не было, нет и никогда не будет.

Кроме того, Бевин не стал обращаться в Совет Безопасности потому, что опасался активного вмешательства Советского Союза, постоянного члена этой организации, в палестинские и ближневосточные дела. Эти опасения были не лишены оснований. Когда 28 апреля 1947 г. собралась Генеральная Ассамблея и началось обсуждение состава комиссии, которая должна была изучить палестинскую проблему, русские предложили ввести в комиссию только представителей "большой пятерки"[62]. Этому воспротивились американцы и англичане, которые высказались за "нейтральный" и "не имеющий особых интересов" орган. Ассамблея согласилась с их точкой зрения.

В результате 13 мая была сформирована специальная комиссия ООН по Палестине из представителей одиннадцати государств — Австралии, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Швеции, Уругвая и Югославии. В этом, пусть и не абсолютно нейтральном органе все же было соблюдено некоторое равновесие сил. Индия, Иран и Югославия, у которых имелась значительная часть мусульманского населения, скорее всего, должны были занять проарабские позиции. С другой стороны, Чехословакия всячески способствовала перемещению еврейских беженцев из Восточной Европы в Германию, а Гватемала и Уругвай уже давно выражали свое сочувствие устремлениям сионистов. Полного нейтралитета придерживались Канада, Австралия, Перу и Швеция. Поэтому, когда арабы предпринимали попытки отделить проблему беженцев от палестинского вопроса как такового, против этого возражало

большинство членов специальной комиссии.

И тем не менее, даже при благоприятном развитии событий надежды на успех почти не было. Сэр Александр Кадоган, представитель Великобритании в Совете Безопасности, заявил, что его правительство не намерено отказываться от мандата или навязывать Палестине какое бы то ни было решение до тех пор, пока не будет принята "справедливая" формулировка, приемлемая как для арабов, так и для евреев. Однако добиться такой формулировки было делом невозможным. Узнав, что в повестку дня специальной комиссии включен и вопрос о перемещенных лицах, арабские страны заявили, что не станут рассматривать рекомендации ООН как обязательные для себя. А Верховный арабский комитет решил вообще бойкотировать работу комиссии. Напомним, что Верховный арабский комитет возродился в июне 1946 г. Одержав верх над всеми соперничавшими с ним палестинскими организациями, он располагал неограниченным влиянием на Арабскую лигу во всем, что касалось Палестины. Власть Верховного комитета объяснялась и огромным личным влиянием муфтия. Находясь в Каире, он всячески препятствовал деятельности более умеренных советников Аззам-паши, председателя Арабской лиги.

По иронии судьбы весной 1945 г., когда войска союзников вошли на территорию Германии, Хадж Амин чуть не стал военнопленным. В последний момент ему удалось улететь в Швейцарию, из Швейцарии арабского лидера поспешно выдворили назад в Германию, где он был арестован французами и отправлен в Париж. Однако арест его был недолгим. В декабре 1945 г. на борт французского военно-транспортного самолета, отлетавшего в Леванто, поднялся чисто выбритый господин, сириец

по паспорту. Четыре дня спустя "сириец" явился в каирскую резиденцию короля Фарука и потребовал у брата-мусульманина предоставить ему убежище. Фарук охотно согласился. Получивший покровительство короля Хадж Амин тут же начал рассылать из Египта директивы, столь же категоричные, что и в предвоенные годы. В Палестине приказы муфтия выполнялись безоговорочно. В результате в начале 1947 г. клан Хусейни, пользуясь властью авторитета Хадж Амина, сумел восстановить свое политическое влияние во всех арабских городах и деревнях Святой земли. К этому времени организованная оппозиция, боровшаяся против Хусейни, была ликвидирована, и англичане готовы были признать Верховный арабский комитет в качестве законного представителя палестинских арабов. Как уже говорилось, в феврале британское правительство согласилось допустить делегатов Верховного комитета на второй этап лондонской конференции. Через три месяца Генеральная Ассамблея предоставила Верховному комитету аккредитацию при ООН в качестве официального представителя палестинских арабов.

Пользуясь международным признанием и угрожая своими военизированными формированиями, партия Хусейни заняла абсолютно непримиримую позицию. После того, как специальная комиссия ООН прибыла в Святую землю в середине июня 1947 г., сторонники муфтия начали проводить в больших городах антисионистские демонстрации. Джамиль ал-Хусейни заявил, что эти волнения могут перерасти в широкомасштабное арабское восстание, если ООН не найдет "справедливого" решения. В это время Верховный комитет решил бойкотировать работу комиссии. Очевидно, это было тактической ошибкой. Хотя в течение пяти недель,

пока представители ООН находились в Палестине, они провели ряд неофициальных встреч с арабами и ознакомились с арабской точкой зрения, это не шло ни в какое сравнение с подробными, строго доказательными сведениями, представленными сионистами. Только после переезда специальной комиссии ООН из Палестины в Бейрут 20 июля ее членам удалось встретиться с представителями арабов, но не с членами Верховного комитета, а с руководителями Арабской лиги. Но основная информация, касающаяся их позиции, была получена еще раньше объединенной англо-американской комиссией. Представитель Лиги преуспел лишь в том, что повел беседу в оскорбительно резком тоне, характерном для приспешников муфтия, и шантажировал членов комиссии ООН кровопролитием, которое неизбежно последует за разделом Палестины. Даже Аззам-паша, раньше отличавшийся сдержанностью, позволил себе намек, что в случае принятия решения о разделе возникнут неприятности не только для евреев Палестины, но и других стран Ближнего Востока, прежде всего — Ирака, где еврейская община насчитывала 120 тысяч человек. "Не думаю, что в арабских странах удастся защитить евреев", — позже заявил Аззам-паша в беседе с журналистом. Однако эти угрозы дали обратный результат. Они показали членам комиссии ООН, что судьба евреев, если они окажутся меньшинством под властью арабов, будет ужасна.

Что касается сионистов, то в течение пяти недель, которые комиссия находилась в Палестине, они активно принимали участие в заседаниях и подали ряд письменных докладов. Эти материалы мало отличались от тех, которые год назад были вручены англо-американской комиссии, однако сионисты придавали им особое значение. Представители

Еврейского Агентства понимали, что, если доклад комиссии ООН будет неблагоприятен для евреев, сионизм потеряет международную поддержку, возможно, навсегда. Члены комиссии прекрасно сознавали, в каком напряжении находится ишув. Пока они вели свою работу, действия Эцела и Лехи становились все ожесточеннее. Насилие достигло апогея в середине лета 1947 г. Четвертого мая, через несколько недель после того, как четыре подпольщика были повешены в тюрьме в Акко, Эцел произвел нападение на тюремное здание: стена его была взорвана динамитом, и из заключения бежали 251 человек. В конце июля англичанам удалось схватить нескольких беглецов, уже ранее осужденных на смерть. Они были повешены. Два дня спустя бойцы Эцела совершили ответную акцию: они похитили и повесили двух сержантов британской армии. "Мы отплатили врагу его же монетой", — гордо заявил Менахем Бегин. Общественность Англии была потрясена. 1 августа газета "Daily Mail" с возмущением обращалась к чувствам тех "американок, на доллары которых была куплена веревка палача".

Пораженные этими убийствами и ответными британскими мерами предосторожности — заграждениями из колючей проволоки, броневиками на улицах, горящими по ночам прожекторами, члены комиссии ООН осознали, что мандатный режим обречен. Если им требовались дополнительные доказательства того, до какого предела отчаяния дошли евреи, достаточно было только эпизода, происшедшего в середине июля и ставшего притчей во языцех. За полгода до этого нелегальной иммиграции в Палестину фактически был положен конец. Однако в начале месяца из французского порта вышел старенький американский пароход с

4500 перемещенными лицами на борту. В открытом море его поджидали семь английских военных кораблей, в том числе крейсер. Под их эскортом пароход, удачно названный "Эксодус-47" ("Исход-47"), пересек Средиземное море. Когда до территориальных вод Палестины осталось двенадцать миль, английская армада окружила судно с беженцами и взяла его на абордаж. Началась яростная схватка, которая продолжалась несколько часов. В конце концов, англичане пустили в ход пулеметы и гранаты со слезоточивым газом. Трое евреев было убито, несколько десятков — ранено. По ходу боя сообщения передавались по радио с парохода в тель-авивский штаб Хаганы, откуда они затем разошлись по всему миру. Команда парохода сдалась только после того, как англичане начали таранить его, чтобы пустить ко дну.

Накренившееся на борт судно было доставлено в хайфский порт. В обычных обстоятельствах британские власти переправили бы пассажиров на Кипр. Однако два кипрских лагеря для интернированных были безнадежно переполнены — в них размещалось 26 тысяч человек, направленных на протяжении последнего года. Поэтому Бевин принял решение "преподать беженцам урок" и вернуть их в тот порт, откуда они направились в путь. На английских транспортах, которые были, в сущности, плавучими тюрьмами, перемещенных лиц под палящим средиземноморским солнцем доставили в Марсель. Однако там все евреи, за исключением больных и стариков, отказались сойти на берег. Французское правительство предложило беженцам свое гостеприимство и медицинскую помощь, но это предложение было отвергнуто. Страдая от невыносимой жары и эпидемии кожных заболеваний, пассажиры требовали отправить их в Эрец-Исра-

эль. Журналистка Рут Грубер так описывала их положение:

> Прячась от зноя под зеленым козырьком уборной, под жестяными навесами, в тесноте сидели сотни и сотни полуголых людей, словно бродячие псы, пойманные и живодерами... Растерянные, оказавшиеся в западне, они, перебивая друг друга, что-то кричали нам на разных языках... Жаркое солнце через решетки освещало лица беженцев, на их разгоряченные, потные полуобнаженные тела ложились контрастные полосы света и тени. Матери кормили малышей. Старики и старухи открыто плакали, зная, что их ждет впереди.

А впереди их ждала Германия. Через три недели французское правительство, опасаясь вспышки эпидемии, потребовало, чтобы транспорты покинули Марсель. Британское правительство на экстренном заседании решило, что единственный выход — отправить евреев назад в Германию. И бóльшая часть беженцев была доставлена в Гамбург. Около полутора тысяч человек отказались сойти в этом порту. Под изумленными взглядами немцев английские солдаты резиновыми дубинками сгоняли евреев на берег. Затем беженцы по железной дороге были переправлены в лагеря для интернированных лиц в Поппендорф и Амштау. На протяжении месяца англичане пытались провести среди них перепись, но в ответ на все вопросы слышали только одно: "Эрец-Исраэль". Эта трагедия, разыгравшаяся в течение трех месяцев, широко освещалась мировой прессой. Она произвела сильное впечатление на членов комиссии ООН. "Более достоверных свидетельств не может быть", — сказал представи-

тель Югославии 20 июля, когда комиссия направлялась в Бейрут. Через неделю, прибыв в Женеву, она решила направить в немецкие и австрийские центры для перемещенных лиц группу экспертов. Там, в лагерях, представители ООН увидели ту же картину, которую наблюдали их предшественники: около 250 тысяч евреев-беженцев с нетерпением ожидали, когда же, наконец, им удастся вырваться в Палестину.

Доклады специальной комиссии ООН

В августе комиссия занималась обсуждением возможных вариантов решений проблемы. Моше Шарет и Давид Хоровиц, представители Еврейского Агентства, все это время встречались с ее членами, пытаясь защитить интересы сионистов. Во встречах участвовал и Ричард Кроссман, который стал на сторону сионистов еще во время своей работы в англо-американской комиссии. Доклад был закончен 31 августа. В нем содержалось одиннадцать пунктов, самыми важными из которых были следующие: мандат должен быть прекращен, а независимость Палестины обеспечена в самый кратчайший срок; политическая структура нового государства (или государств) должна иметь демократическую основу; экономическое единство Палестины должно быть сохранено; следует обеспечить безопасность святых мест и доступ к ним; Генеральной Ассамблее надлежит немедленно предпринять шаги для разрешения неотложной проблемы перемещенных лиц — 250 тысяч евреев, находящихся в Европе. Исходя из этих принципов, комиссия рекомендовала осуществить раздел Палестины. За это решение проголосовало большинство из семи делегатов (Канада, Чехословакия, Гватемала, Ни-

дерланды, Перу, Швеция и Уругвай); три (Индия, Иран и Югославия) высказались за создание федерации. Представитель Австралии воздержался от голосования.

По плану раздела, поддержанному большинством, арабская территория должна была состоять из западной Галилеи, горных районов центральной Палестины, за исключением иерусалимского анклава, и части прибрежной равнины к югу от Ашдода до египетской границы. Еврейскую территорию составляла остальная часть Палестины, кроме района Иерусалима и Вифлеема (Бет-Лехема), который передавался под международный контроль. На протяжении двухлетнего периода (с сентября 1947 г.) управление Палестиной должна была осуществлять Великобритания под контролем Организации Объединенных Наций. При этом в докладе большинства подразумевалось, что частичная ответственность будет возложена на Соединенные Штаты. В то же время будет продолжаться еврейская иммиграция, квота которой составит 6250 человек в месяц. За два года в Палестину, таким образом, въедет 150 тысяч человек. Затем, если возникнет необходимость продлить переходный период, квота будет снижена до 5 тысяч человек в месяц, то есть составит 60 тысяч человек в год. Экономическое единство Палестины должно быть обеспечено десятилетним таможенным и валютным договором между арабским и еврейским государствами. Руководство экономическим союзом будет передано особому органу, в который войдут три представителя арабского государства, три — еврейского и три представителя ООН, причем еврейское государство должно будет предоставить ограниченные финансовые субсидии арабскому.

В докладе, подготовленном меньшинством, все

эти меры характеризовались как нереальные и антиарабские. Меньшинство предлагало преобразовать мандат в независимое федеративное двунациональное государство со столицей в Иерусалиме. В юрисдикции представителей арабского и еврейского сообществ будут находиться внутренние дела. Иммиграция, международные отношения и национальная оборона подлежат ведению центра — двухпалатного законодательного органа, причем одна из палат будет сформирована на основе равного представительства, а другая — на основе пропорциональности. Для принятия любого закона необходимо будет получить большинство в обеих палатах. Особенно радикально позиция меньшинства отличалась от точки зрения большинства в вопросе о еврейской иммиграции. По плану меньшинства, беженцы в течение трех лет могли допускаться только в еврейские "районы", притом "в таком количестве, чтобы не превысить... абсорбции... [и] не нарушить прав населения, которое уже проживает в этом государстве и будет иметь естественный прирост в будущем". "Экономическая емкость" еврейских районов должна быть определена международной комиссией. Наконец, в отличие от доклада большинства, план меньшинства предусматривал передачу Яффо и большей части Негева арабскому государству.

Безусловно, у сионистов не было поводов для ликования даже в связи с докладом большинства. Ведь он предусматривал такой раздел, при котором обоим народам отводились территории, "сплетающиеся друг с другом в смертельном объятии, как две борющиеся змеи", — так Герберт Сэмюэл в свое время охарактеризовал план Пиля. Не вполне реалистичным было и предположение, что евреи, став хозяевами собственного государства,

согласятся в течение неопределенного времени поддерживать субсидиями более слабого экономически арабского соседа. И все же в целом сионисты рассматривали эту схему как шаг вперед по сравнению с докладом меньшинства, который ничем не отличался от кантонального плана Моррисона-Грэйди; она предоставляла им, по крайней мере, два жизненно важных условия — суверенитет и рассчитанную на достаточно длительный период иммиграцию. Поэтому Еврейское Агентство в сдержанных выражениях одобрило доклад большинства.

Арабы же, напротив, самым энергичным образом отвергли выводы этого доклада. Более того, для них был неприемлем и план меньшинства. Премьер-министр Ирака Салих Джабр созвал экстренное заседание Политического комитета Арабской лиги. На этом заседании, состоявшемся 16 сентября в ливанском городе Софаре, было принято решение об экономических санкциях и о помощи палестинским арабам солдатами и оружием. На следующий день Арабская лига официально пригрозила войной в том случае, если ООН одобрит один из докладов комиссии.

Сионисты в той же мере, что и ООН, были заинтересованы в том, чтобы выйти из тупика в отношениях с Арабской лигой. Они понимали, что ради будущего следует достичь взаимопонимания с соседями. С этой целью представители Еврейского Агентства Давид Хоровиц и Обри (Абба) Эвен 14 октября 1947 г. встретились в Лондоне с Аззам-пашой. Как вспоминал впоследствии Хоровиц, сионистские эмиссары выразили готовность дать самые надежные гарантии того, что евреи не стремятся к экспансии, и начать переговоры о региональных связях в экономической области. Аззам только улыбнулся в ответ. Вопрос, сказал он, не

может быть решен ни переговорами, ни компромиссами. Если завтра он или любой другой арабский политик явится в Каир или в Дамаск с мирным соглашением, заключенным с сионистами, часы его будут сочтены. К этому председатель Арабской лиги добавил, что ни он, ни его сторонники больше не управляют ситуацией в арабском мире. Теперь политику делают такие люди, как его сын и те студенты, которые жгут вагоны трамваев и забрасывают камнями западные посольства. Ближнему Востоку, как раньше — Европе, придется решать свои проблемы с применением силы, не без сожаления констатировал Аззам.

Ясно было, что переговоры между арабами и евреями невозможны. Будущий статус Палестины зависел только от членов ООН, в первую очередь — от великих держав. Поэтому Генеральная Ассамблея передала палестинский вопрос на рассмотрение специально учрежденного комитета, в который вошли представители всех стран-участниц. В течение двадцати четырех дней состоялось четырнадцать открытых заседаний. С самого начала стало ясно, что на содействие англичан надеяться не приходится. Как раз в это время Лондон вел переговоры о заключении нового соглашения с Египтом и стремился заручиться поддержкой арабских стран, чтобы защитить свои нефтяные владения. В Великобритании и помыслить не могли о том, чтобы принять участие в разработке плана, отвергаемого арабами, даже если этот план пользуется поддержкой мирового сообщества. Сэр Александр Кадоган ограничился тем, что заявил: Англия принимает рекомендации комиссии ООН относительно прекращения мандата, но готова поддержать только такой план, относительно которого будет достигнуто согласие между арабами и евреями. Иными сло-

вами, это означало, что англичане отвергают предложения доклада большинства. На деле "нейтралитет" Великобритании выразился в том, что Лондон упорно не сообщал о дате начала эвакуации уже тогда, когда комиссия по разделу практически закончила свою работу. Англичане не согласились ни на постепенную передачу власти представителям ООН, ни на какое-либо перераспределение полномочий в пользу арабского и еврейского государств.

Тем не менее, на политическую борьбу в Генеральной Ассамблее решающее влияние оказала не Великобритания, а Советский Союз. Прошло уже два года после окончания войны, а Кремль ни единым намеком не определил своей позиции в палестинском вопросе. Евреи не тешили себя радужными надеждами на этот счет: антипатия к сионизму стала аксиомой советской политики еще в начале 20-х гг. Правда, организованный Хистадрутом во время войны сбор средств в помощь России произвел благоприятное впечатление на советское руководство, и появлявшиеся в Палестине в начале 40-х гг. представители СССР выражали евреям свои симпатии. Однако последовательная поддержка Москвой арабского национализма в Леванте и Египте, казалось, не предвещала сионистам ничего хорошего. Тем неожиданней прозвучала речь советского представителя Андрея Громыко, выступившего на специальной сессии ООН в середине мая 1947 г. Громыко внезапно обрушился на банкротство мандатной системы в Палестине и поддержал "стремление евреев к созданию своего государства". Затем он сделал ядовитое замечание насчет западных стран, которые не "смогли защитить элементарных прав еврейского народа". Громыко добавил, что Советский Союз считает оптимальным решением проблемы "создание независимого

двунационального, демократического, арабско-еврейского государства". Однако, если такое решение окажется невозможным, правительство СССР поддержит раздел Палестины на два государства — еврейское и арабское.

Такое изменение курса при всей его неожиданности не было лишено логики. Цели советской политики верно определил посол США в Москве Уолтер Смит, направивший обстоятельный доклад в Вашингтон. Смит проницательно указал, что Россия, намереваясь реализовать свои политические амбиции и закрепиться на Ближнем Востоке, вынуждена использовать все возможности. Первой такой возможностью был северный Иран, второй — проливы и Греция. В обоих случаях Запад энергично воспротивился советскому давлению. Очевидно, третья возможность открывалась перед СССР в Палестине — при условии, что образуется политический вакуум, вызванный уходом англичан. С точки зрения Москвы, создание современного еврейского государства, проникнутого духом национализма, скорее приведет к вытеснению Великобритании, чем еще один отсталый арабский режим, которому Лондон будет поставлять советников, деньги и оружие. Если же еврейское государство возникнет не сразу, в Палестине после ухода англичан, вероятно, начнется кровопролитный конфликт между арабами и евреями. Хаос, который воцарится в Святой земле, будет на руку Москве, если только эвакуация англичан не повлечет за собой роста американского влияния.

Если принять эту точку зрения, все последующее поведение русских становится совершенно логичным. 13 октября 1947 г. советский представитель в специальном комитете ООН по Палестине Семен Царапкин официально поддержал план раз-

дела, представленный комиссией ООН. Кроме того, он потребовал, чтобы управление Палестиной в переходный период происходило непосредственно под контролем Совета Безопасности. Американцы и англичане с этим не согласились. Но Царапкин настаивал на том, чтобы Великобритания немедленно отказалась от мандата и в будущем не претендовала на активное участие в урегулировании палестинского вопроса. Теперь советские интересы на Ближнем Востоке стали вполне очевидными. Однако сионистов интересовало только голосование в ООН. А изменение советского курса обеспечивало им голоса Советского Союза, Украинской и Белорусской советских социалистических республик, а также Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и, может быть, даже Югославии. Таким образом, сторонники раздела преодолели трудное препятствие.

США делают выбор

В конечном счете и для арабов, и для евреев теперь все зависело от позиции Соединенных Штатов — по общему признанию, самой влиятельной силы в мировом сообществе. На эту позицию, в свою очередь, оказывали влияние противоречивые мнения самих членов американской администрации. После второй мировой войны экономические и стратегические интересы США на Ближнем Востоке резко возросли. Значение этого региона для американских коммуникаций оценивалось так высоко, что в сентябре 1946 г. представитель президента Трумэна Джордж А. Браунелл был направлен в арабские страны для заключения авиационно-транспортных соглашений от имени американских авиакомпаний. Двусторонний договор был подпи-

сан Соединенными Штатами и Египтом, затем аналогичные договоры были заключены с Ливаном и Сирией. Но в 1947 г. неожиданное обострение палестинской проблемы помешало добиться соглашения с Ираком. Как позже писал Браунелл, "публичные заявления официальных представителей американской администрации по палестинскому вопросу... так возмутили некоторых иракских деятелей, что нашим сотрудникам было заявлено: никакие соглашения невозможны. Реакция мусульманских государств по этому поводу не поддается описанию".

Однако беспокойство по поводу авиалиний было несравнимо с опасениями относительно нефтяных владений США. В 1947 г. американским корпорациям принадлежало около 42 процентов всех ближневосточных запасов нефти, в основном в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне и даже в Ираке. За время войны производство и переработка нефти на американских предприятиях в Персидском заливе удвоились. Корпорации не собирались останавливаться на достигнутом. Джеймс Терри Дьюс, исполняющий обязанности вице-президента "Арамко" (Аравийско-американской нефтяной компании), намеревался добиться расположения саудовского правительства, а заодно и увеличить владения своей компании в Персидском заливе. С точки зрения Дьюса и других руководителей корпораций, палестинский вопрос мог пагубно сказаться и на приобретении новых концессий, и на прокладке нефтепроводов через арабские страны. Как правило, опасения, что поддержка сионизма может поставить под удар интересы нефтяных компаний, не высказывались прямо. Однако, например, в июне 1948 г. на страницах газеты "Petroleum Times" Макс У. Торнбург, вице-президент одной из компаний, сотрудничавших с "Арамко", выражал

свою тревогу в связи с тем, что Вашингтон "навязал [Генеральной] Ассамблее [ООН] расовые и религиозные критерии как основу государственной политики... Пойдя на это, Америка потеряла свой моральный престиж, а арабы утратили веру в ее идеалы". Уже после голосования в ООН Кермит Рузвельт, еще один бывший руководитель нефтяной корпорации, с негодованием восклицал: "То, каким образом евреи-сионисты заручились американской поддержкой для раздела Палестины, показывает, что нам жизненно необходима внешняя политика, построенная на национальных, а не на узкопартийных интересах".

Министерство обороны и государственный департамент целиком разделяли беспокойство в связи с американскими нефтяными владениями на Ближнем Востоке. Объединенный комитет начальников штабов напоминал Трумэну, что доступ к арабской нефти имеет решающее значение для национальной обороны и что этот вопрос должен быть принят во внимание администрацией, когда она будет заниматься решением палестинской проблемы. "[Министр обороны] Форрестол не раз говорил мне об опасности того, что враждебно настроенные арабы могут закрыть нам доступ к своим нефтяным богатствам", — вспоминал президент. Это, действительно, тревожило Форрестола. На встрече с бизнесменами 9 октября 1947 г. он говорил о том, что из-за истощения собственных нефтяных ресурсов "мы... должны разрабатывать запасы нефти за пределами страны. Самым крупным, неограниченным источником нефти является Ближний Восток... Трубы для нефтепроводов в Саудовской Аравии нужнее, чем трубы для аналогичных проектов в Америке". Забота министерства обороны о запасах нефти вскоре превратилась в маниакальный страх

перед сионистским влиянием на администрацию. Форрестол неутомимо повторял, что палестинский вопрос должен быть поставлен "вне политики". Как показывает его архив, он несколько раз обращался к Дж. Ховарду Мак-Грату, председателю Национального комитета Демократической партии, с требованием, "чтобы никаким группировкам в нашей стране [т.е. сионистам] не было позволено влиять на нашу политику в такой степени, которая может поставить под угрозу национальную безопасность".

Опасения в связи с влиянием американских сионистов разделяли с Форрестолом Джеймс Бирнс и Лой Хендерсон в государственном департаменте и их коллеги из ближневосточного отдела — Гордон Мерриам, Фрэзер Уилкинс и Эван Уилсон. В докладной записке от 14 января 1947 г. Уилкинс предупреждал Бирнса, что поддержка, оказываемая сионистам, может нанести

> ... вред Америке. Отношения с арабами в области образования, торговли, нефтедобычи и транспорта [окажутся под угрозой]. Сохраняющаяся неясность и напряженность в отношении к палестинскому вопросу, ослабляя англо-американские позиции на Ближнем Востоке, способствует быстрой экспансии советской России и тревожит христиан всего мира, поскольку христианские интересы в Палестине оказываются забытыми в связи с арабско-еврейским конфликтом.

Трумэн впоследствии писал, что сотрудники государственного департамента "почти все без исключения испытывали враждебность к будущему еврейскому государству... Как и большинство английских дипломатов, некоторые наши дипломаты

полагали, что из-за многочисленности арабов и их контроля над огромными запасами нефти следует придерживаться по отношению к ним политики умиротворения. Должен с сожалением признать, что некоторые из этих дипломатов имели склонность к антисемитизму". Так или иначе, позиция ряда чиновников определялась их опытом и выдержанным в проарабском духе образованием: это касалось в первую очередь тех, кто учился в Американском университете в Бейруте или годами служил в посольствах и консульствах США в различных арабских странах. Их кругозор, как правило, был ограничен арабским миром и мировоззрением.

Однако в Белом доме и в Конгрессе существовали и другие тенденции, там ощущалось и явное просионистское влияние. Большую роль здесь играли американские политические деятели, зависевшие от евреев-избирателей в Нью-Йорке, Иллинойсе, Пенсильвании и других штатах, где имелось еврейское население. Возможно, это влияние само по себе и не имело бы большого значения, если бы не тот факт, что благодаря многолетним стараниям сионистам удалось заручиться поддержкой американского еврейства в целом. К концу 2-й мировой войны в США проживало около 5 миллионов евреев. Сначала информация о нацистских лагерях смерти, а потом трагическая судьба беженцев привели к тому, что сионизм начал определять настроения этого политически влиятельного меньшинства. В результате к 1947 г. сбор средств в пользу европейских евреев и в помощь иммиграции достиг 100 миллионов долларов в год — таких результатов еще не добивалась в Америке ни одна этническая группа и ни одна филантропическая организация.

Немаловажно и то, что американские евреи ото-

звались на призыв таких сионистских лидеров, как Абба Хиллел Сильвер и Стивен Уайз, и засыпали Белый дом и Конгресс письмами и телеграммами, поступавшими со всех концов страны. Уже в 1943 г. для руководства лоббистской деятельностью был создан сионистский чрезвычайный совет, который вскоре превратился в одну из самых мощных групп по оказанию давления на администрацию. Имея солидный бюджет и четырнадцать отделений с профессионально подготовленными сотрудниками, чрезвычайный совет в считанные дни мог организовать сбор подписей под петицией или засыпать Вашингтон письмами протеста. Совет действовал через синагоги и другие еврейские учреждения, прибегал к помощи профсоюзных деятелей, журналистов и священнослужителей (объединенных в американском христианском палестинском комитете), проводил выступления во время встреч с влиятельными представителями государственной администрации. Кроме того, он издавал массу брошюр, книг и руководств и занимался организацией митингов, конференций и массовых кампаний. Это приносило заметные результаты как в Конгрессе, так и в исполнительных правительственных органах.

Когда в апреле 1945 г. Гарри Трумэн стал президентом, он сразу же испытал всю силу воздействия сионистов. Это вызвало у Трумэна раздражение, но и произвело на него известное впечатление. Президент не только глубоко сочувствовал еврейским беженцам, но и не остался безразличным к советам тех сочувствующих сионизму либералов, оценкам которых он доверял. Среди них были Элеонора Рузвельт, губернатор Нью-Йорка Герберт Леман и полковник Джейкоб Арви, председатель комитета Демократической партии округа Кук (Чикаго). Тру-

мэн и его советники не могли пренебречь политической поддержкой американского еврейства, которое представляли эти либеральные деятели. Например, 4 сентября 1947 г. Роберт Ханнеган, только что назначенный председателем Национального комитета Демократической партии, обратился к президенту с просьбой сделать заявление в поддержку сионистов в Палестине, "поскольку такое заявление может в значительной степени повлиять на сбор средств для Национального комитета Демократической партии". По словам Форрестола, Ханнеган сообщил, что "год назад демократами были получены весьма значительные суммы, и теперь на такую поддержку могут повлиять действия президента в связи с Палестиной".

Одним из тех, кто вел особенно удачную закулисную деятельность, был Дэвид К. Найлс, советник Трумэна по проблемам меньшинств. Благодаря этому совершенно заурядному, довольно мрачному человеку президент узнавал о настроениях американских сионистов. Именно Найлз в июле 1947 г. убедил Трумэна заменить чиновников государственного департамента Джорджа Уордсворта и Лоя Хендерсона, советников американской делегации на Генеральной Ассамблее ООН, и поставить на их место генерал-майора Джона Х. Хилдринга, который, служа в американской военной администрации в Германии, проявил особое сочувствие к перемещенным лицам и произвел благоприятное впечатление на сионистов. Однако дальше этого назначения Трумэн не пошел и 6 октября отклонил предложение Ханнегана поддержать в официальном выступлении раздел Палестины.

Между тем, государственный департамент сознательно сохранял нейтралитет в своих официальных заявлениях. Во второй половине лета 1947 г.,

пока продолжались заседания специальной комиссии ООН, государственный секретарь Джордж Маршалл избегал формулировать официальную позицию по палестинскому вопросу. С другой стороны, он в частном порядке поддержал меморандум, составленный в июне Хендерсоном, американским представителем в Совете Безопасности Уорреном Остином и Дином Раском, главой бюро по политическим вопросам государственного департамента. В этом документе одобрялась идея единого государства под опекой ООН, причем иммиграция не должна была превышать "экономических абсорбционных возможностей" Палестины. Более того, 7 июля государственный секретарь конфиденциально заверил Бевина в том, что Соединенные Штаты будут сотрудничать с англичанами и помогут им положить конец нелегальной еврейской иммиграции в Палестину. Кроме того, Маршалл склонялся к точке зрения Хендерсона, который 22 сентября настаивал на том, что Соединенным Штатам не следует поддерживать доклад большинства комиссии ООН. Однако вскоре инициатива в палестинском вопросе выскользнула из рук государственного секретаря.

9 октября 1947 г. Трумэн узнал, что Арабская лига призвала страны-участницы направить войска к границам Палестины. Еще до этого из арабских столиц донеслись воинственные заявления. Судя по всему, президент возмутился. Он отдал государственному департаменту распоряжение поддержать план раздела Палестины, и Маршалл послушно отказался от своей личной точки зрения. Как впоследствии писал Трумэн, его главной целью было "вновь поставить на повестку дня обещания, данные в Декларации Бальфура, и способствовать спасению хотя бы части жертв нацизма. У меня

не было никаких предпочтений в том, что касалось конкретной формы палестинской государственности и конкретного порядка действий... Суть дела в том, что наша политика — политика американская, а не еврейская и не арабская". 11 октября Х.В. Джонсон, американский представитель в специальном комитете ООН по Палестине, сообщил о решении президента поддержать "основные принципы" раздела, в которые могут быть внесены "некоторые поправки и изменения". То была минута горького разочарования для арабов и ликования — для евреев.

21 октября 1947 г. комитет по Палестине поручил отредактировать доклад большинства комиссии ООН — группе, куда вошли представители девяти стран, поддерживавших раздел. Среди них были делегаты от США и СССР. Этот ход оказался удачным. В результате успешного сотрудничества американская и советская делегации разработали общий порядок британской эвакуации. Американцы первоначально решили не включать в предполагаемые границы еврейского государства основную часть Негева, но Вейцману удалось добиться личного свидания с Трумэном и заручиться поддержкой президента. Он рассказал Трумэну об исторических связях евреев с этой пустыней, после чего президент одобрил границы, предусмотренные первоначальным планом раздела.

24 ноября 1947 г. группа меньшинства в комиссии, состоящая в основном из представителей мусульманских стран, представила в комитет по Палестине проект федеративного государства. В комитете по Палестине были представители всех стран, входивших в Генеральную Ассамблею, поэтому по результатам голосования можно было определить, каким окажется окончательное решение

ООН. Сионисты надеялись, что американцы используют все свое влияние, чтобы не был принят этот проарабский по своей сути проект, но их ожидало разочарование. Хендерсон в очередной раз подыграл Маршаллу. Согласно инструкциям государственного секретаря, Джонсон не должен был навязывать точки зрения США другим делегациям. Кроме того, на этот раз евреев не стали слушать в Белом доме. Президент устал от тактических приемов сионистов. "Думаю, ни разу до этого я не сталкивался со столь мощным пропагандистским давлением на Белый дом, — писал Трумэн. — Настойчивость нескольких экстремистски настроенных сионистских лидеров... мешала мне и вызывала раздражение". На официальном обеде 1 декабря 1947 г. заместитель государственного секретаря Роберт Ловетт сказал, что он лично "ни разу в жизни не испытывал такого давления, как в последние дни обсуждения палестинского вопроса в ООН". В то же самое время арабы, окончательно утратив сдержанность, угрожали противодействием нефтяным интересам западных стран и заявляли, что развяжут на Ближнем Востоке войну, если не будет принято устраивающее их решение.

Теперь сионистам стало ясно, что в поисках поддержки делегаций на помощь США им рассчитывать не приходится. Сионистские эмиссары: Шарет, Хоровиц, Эвен, Сильвер, Эпштейн и другие — в беседах с политическими деятелями неустанно напоминали им о пронацистской деятельности арабов во время войны и отчаянном положении перемещенных лиц. Пытаясь сделать все возможное, они использовали свои связи в американской еврейской среде с тем же упорством, с каким арабы угрожали членам ООН войной и экономической блокадой. Неофициальное, но весьма эффективное

экономическое давление было оказано на Китай и на ряд стран, которые первоначально поддерживали доклад меньшинства. Среди них были Гаити, Либерия, Филиппины, Эфиопия и Греция. На правительства этих государств обрушился шквал телеграмм, телефонограмм и писем. Им не давали покоя посетители-бизнесмены. Кончилось тем, что делегации всех этих стран, кроме Греции, проголосовали против арабских предложений. В результате план федеративного государства был отвергнут двадцатью девятью голосами против двенадцати. А на следующий день, 25 ноября, комитет по Палестине двадцатью пятью голосами против тринадцати одобрил отредактированный план раздела Палестины.

Голосование в ООН

В план, который предстояло вынести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, было включено несколько изменений. Они были предложены Соединенными Штатами и одобрены комитетом по Палестине. Первая поправка предусматривала передачу арабам, а не евреям портового города Яффо с большим арабским населением. Вторая — сохранение за арабским государством двух районов Негева, в том числе Беер-Шевы с окрестностями и узкой полосы, идущей от Средиземного моря вдоль египетской границы в направлении Эйлатского залива. Таким образом, согласно окончательной редакции, арабское государство должно было занимать территорию в 4,5 тысячи квадратных миль с населением 804 тысячи арабов и 10 тысяч евреев. Еврейскому государству отводилась территория в 5,5 тысяч квадратных миль с населением 538 тысяч

евреев и 397 тысяч арабов. В остальном доклад большинства специальной комиссии был оставлен практически без изменений. Оба государства должны были быть связаны экономическим союзом и общей валютной системой, а также единой сетью железнодорожного транспорта и шоссейных дорог, почты, телеграфа и телефона. От 5 до 10 процентов доходов от налоговых и прочих сборов предназначались для нужд Иерусалима, остальное делилось между двумя правительствами поровну. Еврейское государство должно было ежегодно выплачивать арабскому субсидию в 4 миллиона фунтов стерлингов как компенсацию за свои более плодородные земли, отведенные под цитрусовые плантации, и за опережающее техническое развитие.

Слабее всего был разработан вопрос о том, как решение ООН будет претворено в жизнь. В результате жаркой полемики комитет по Палестине без особого энтузиазма принял канадское предложение: Генеральная Ассамблея должна была назначить международную комиссию, которой и поручалось наблюдение за проведением раздела под юрисдикцией Совета Безопасности. В обоих государствах законность и порядок должны были поддерживаться местными формированиями армии и полиции, но "в случае угрозы миру" ответственность мог взять на себя Совет Безопасности. Это предложение было задумано как компромисс, однако никто не пытался найти лучшее решение и обеспечить участие иностранных вооруженных сил. Основная причина заключалась в следующем: многие полагали, что полицейские функции в рамках переходного периода возьмет на себя Великобритания. Кроме того, Соединенные Штаты опасались, что, если будет создан смешанный воинский контингент Совета Безопасности, у русских появится возмож-

ность внести свой вклад в поддержание "мира и порядка" в Палестине.

29 ноября резолюция о разделе Палестины была передана для рассмотрения и последующего голосования в Генеральную Ассамблею. Евреи и арабы до последней минуты продолжали свои политические маневры. Однако они уже не имели смысла: и американцы, и страны социалистического блока были за раздел. Эту позицию разделяли также Норвегия, Канада и Гватемала. К ним примкнули и те пять стран, на которые удалось повлиять сионистам. Как и следовало ожидать, против раздела твердо выступил мусульманский блок, который поддерживали Индия, Югославия и Греция (множество выходцев из Греции проживало в арабских странах). Под вопросом по-прежнему находилась позиция Франции. В первые послевоенные годы французы демонстрировали свое сочувствие к евреям и столь же явную неприязнь к арабам и английской ближневосточной политике. Создание еврейского государства, бесспорно, должно было укрепить позиции сочувствующих Франции маронитов[63] в Ливане. Однако французская делегация вела себя непоследовательно. Ее председатель Александр Пароди не хотел вызвать недовольство в странах Магриба и поставить под удар многочисленные французские католические учреждения в мусульманских странах. Тем не менее, в дело была внесена ясность после того, как Вейцман, находившийся в США, позвонил в Париж Леону Блюму. Бывший премьер-министр все еще пользовался большим влиянием. Менее, чем за два часа до окончательного голосования французская делегация получила инструкции поддержать раздел Палестины.

Резолюция Генеральной Ассамблеи была принята тридцатью тремя голосами против тринад-

цати, то есть получила необходимые две трети голосов. Против раздела выступили мусульманские страны и некоторые страны Азии, а также Куба и Греция. Решающую роль в принятии резолюции сыграли латиноамериканские государства, составляющие не менее 40 процентов всех стран-участниц. На них сионисты почти не оказывали давления. На позицию латиноамериканцев, видимо, не повлияли и Соединенные Штаты. Скорее, напротив: когда в апреле 1948 г. Вашингтон предложил временно отложить раздел и заменить его опекой, делегации Латинской Америки единогласно выступили против этой идеи. Судя по всему, эти страны, не имевшие почти никаких интересов на Ближнем Востоке, приняли во внимание только суть дела, а не сопутствующие соображения. На их отношение, несомненно, повлияло сострадание к перемещенным лицам — спустя год эти страны, руководствуясь сходными чувствами, выступили в защиту арабских палестинских беженцев.

Таким образом, события показали (вопреки утверждениям тех, кто критиковал план раздела), что ни еврейское, ни арабское давление на Генеральную Ассамблею не сыграли решающей роли. Куда большее значение имел неожиданный и впечатляющий факт сотрудничества СССР и США в сфере внешней политики. Кроме того, у Генеральной Ассамблеи не было серьезной альтернативы разделу. И арабы, и евреи заявляли, что не согласятся на федеративное государство, а в пользу раздела высказалась, по крайней мере, одна из сторон. Примечательно, что утром перед началом голосования арабские делегаты в панике выразили готовность поддержать идею федеративного устройства. Однако ясно было, что они по-прежнему отвергают еврейскую иммиграцию, и проблему перемещен-

ных лиц невозможно разрешить, даже если принять план меньшинства. Кроме всего прочего, в этот момент сторонники раздела уже располагали необходимым большинством голосов и не были заинтересованы в новой отсрочке.

Арабский исследователь Альбер Хурани тонко проанализировал причины, приведшие к разделу. Евреи принадлежат к западному миру, отметил он, и известны значительно лучше, чем арабы, народ совершенно иной культуры. Трагическая судьба евреев была укором совести для Запада, к ней примешивалось и чувство вины за собственное бездействие. Отнюдь не случайно, что именно те страны, которые закрыли свои двери перед еврейской иммиграцией, проголосовали за создание еврейского государства. Хурани обратил внимание и на то, что западному сознанию импонируют свойственные сионистам слаженность и эффективность действий, а также их социальная философия: "[Европейцам] симпатичен отважный маленький народ с великим и трагическим прошлым, [им] симпатичны пионеры, преображающие пустыню, с помощью науки улучшающие производство; труженики коллективных ферм, отказавшиеся от недостатков и пороков индивидуализма, террористы, бросающие вызов властям, — все эти представители нового мира... оптимистичные, серьезные и полные энергии". Сионисты пользовались более простым объяснением. Оно было изложено Вейцманом перед англо-американским комитетом за год до описываемых событий. Вейцман сказал, что, создавая еврейское и арабское государства и предоставляя убежище огромному числу беженцев, надо думать не о том, кто прав, а кто не прав, а о том, как причинить наименьшую несправедливость.

Реакция на раздел

Резолюция о разделе Палестины предусматривала достаточно высокий уровень экономического сотрудничества между арабами и евреями. Кроме того, члены Генеральной Ассамблеи надеялись, что ряд трудностей удастся свести до минимума, заручившись помощью англичан для решения ряда принципиально важных проблем, в том числе их эвакуации из Палестины не позднее 1 февраля 1948 г., подготовки порта для приема массовой еврейской иммиграции и участия в управлении страной на протяжении переходного периода совместно с назначенной ООН палестинской комиссией. С этой целью палестинская комиссия была создана меньше, чем через месяц после принятия резолюции. В нее вошли представители Боливии, Чехословакии, Дании, Панамы и Филиппин. Члены комиссии, как и вся Генеральная Ассамблея, рассчитывали на активную поддержку со стороны Великобритании.

Но напрасно. Как неоднократно предупреждал сэр Александр Кадоган, его правительство не собиралось ни самостоятельно, ни в составе какого-либо органа осуществлять план, который не был бы "принят одновременно арабами и евреями". Фактически Великобритания отказалась от какой бы то ни было ответственности и даже не согласилась сообщить о графике вывода своих войск до тех пор, пока не будет завершена работа комиссии по разделу. Но и после этого в качестве окончательного срока было названо 1 августа 1948 г., что далеко выходило за временные границы, установленные ООН; правда, несколько недель спустя англичане перенесли дату эвакуации на 14 мая. Кроме того, Кадоган препятствовал постепенной передаче пол-

номочий комиссии ООН. Он объяснял, что эта мера может привести к "путанице и беспорядку". 1 декабря 1947 г. Бен-Гурион нанес визит верховному комиссару Кеннингему в его иерусалимской резиденции. Кеннингем холодно принял председателя Еврейского Агентства и воздержался от поздравлений. "Вы, я думаю, довольны резолюцией", — только и сказал он по этому поводу. Бен-Гурион попытался обсудить перспективы на будущее, попросил предоставить ему фотокопии земельного регистра, информацию о снабжении Палестины продовольствием и горючим и обратился к верховному комиссару за разрешением создать милицию. Кеннингем обещал рассмотреть эти просьбы, однако ответа так и не последовало. Более того, англичане отказались допустить в Палестину членов комиссии ООН до 1 мая. Когда же группа сотрудников ООН все-таки прибыла в Святую землю в начале января 1948 г., мандатные власти не стали скрывать своего недовольства. Шести членам комиссии было предоставлено помещение в душном подвале здания, находившегося напротив английского штаба в Иерусалиме; там они и вынуждены были представлять интересы мирового сообщества. Подвергаясь различным опасностям, работая в тяжелых условиях, испытывая трудности со снабжением, члены комиссии пытались разработать систему переходного режима в Палестине. Но вскоре самой насущной для них проблемой стали поиски воды. Труды их не принесли никакого результата.

Причины, которыми объяснялось нежелание англичан сотрудничать, были очевидны. Прежде всего, в условиях, когда позиции Великобритании на Ближнем Востоке пошатнулись и арабские страны начали пересматривать соглашения о добыче нефти и прокладке нефтепроводов, когда в

Египте шли сложные переговоры, Лондон вовсе не собирался раздражать арабов. К этому примешивалась неприязнь к евреям: с мая 1945 по октябрь 1947 г. еврейскими террористами были убиты 127 и ранен 331 английский военнослужащий. Нелегальная еврейская иммиграция и сионистская пропаганда скомпрометировали Великобританию в глазах мировой общественности. Бевин был возмущен позицией Трумэна, которую он считал политиканством и вмешательством во внутренние дела Великобритании. Точка зрения Бевина описана Ричардом Кроссманом, который виделся с ним 4 августа 1947 г. и впоследствии сравнивал воззрения министра иностранных дел с идеями, изложенными в знаменитой антисемитской фальшивке "Протоколы сионских мудрецов"[64]. По утверждению Бевина, евреям удалось организовать международный заговор против Англии и против него лично. Он заявил также, что все еврейское "давление" — это гигантский шантаж, которым руководят из Америки. На это Кроссман заметил, что подобные проблемы были и с Ирландией, однако Великобритании все же пришлось согласиться на создание Ирландского свободного государства[65]. "Да, — ответил Бевин, — но они же не разворовали до этого полгосударства". Говоря о последних акциях Эцела, министр иностранных дел добавил, что немцы в своих зверствах, возможно, только брали пример с евреев. Из этого разговора Кроссман сделал вывод, что Бевин помешался на палестинском вопросе.

Помимо заботы об отношениях с арабами и неприязни к евреям, роль сыграло и то, как в Лондоне оценивали будущее Палестины после окончания мандата. Англичанам представлялась весьма вероятной и скорой военная победа арабов. А значит, стоило подумать о возможности вернуться в Па-

лестину, вступив в союз с арабами, прежде всего — с трансиорданским королем Абдаллахом, связанным с Великобританией договором. Много лет спустя один из ближайших советников министра иностранных дел Эдуард Фрэнсис-Уильямс рассказал следущее: по мнению Бевина, победу в будущих военных действиях одержат арабы; тогда евреи обратятся за помощью к англичанам, и в результате Палестина будет поделена так, что евреям не достанутся ни Хайфа, ни Негев. Именно на эти районы рассчитывал генеральный штаб британской армии в случае, если придется выводить войска из Египта. Предполагалось, что на основе договора с Абдаллахом англичанам впоследствии удастся разместить там армию. 17 декабря Бевин предупредил Маршалла, что евреям могут "перерезать глотки". Того же мнения придерживалось и английское военное руководство. В марте 1948 г., когда уже начались военные действия, евреи, по определению фельдмаршала Монтгомери, "попались" и оказались не в состоянии защитить свои коммуникации. Эту точку зрения подтверждали донесения английских офицеров из Иерусалима, Аммана и Каира. В апреле командующий британскими войсками в Палестине генерал сэр Гордон Макмиллан прямо заявил, что арабские армии "без труда захватят всю страну".

Поэтому не в интересах Великобритании было оказывать поддержку плану, который так или иначе ослаблял сопротивление арабов. Напротив, Лондон мог вернуть себе утраченное влияние в Палестине, намеренно сея хаос. Нет сомнения, что именно ради этого англичане вывели Палестину из стерлингового блока и заморозили палестинские валютные авуары[66] в Лондоне — эти меры сулили гибель нарождавшемуся еврейскому государству.

Палестинская казна была пуста — денег для нового правительства не было. В феврале 1948 г. Англия одобрила только одну меру финансового характера — Верховному мусульманскому совету было выделено 300 тысяч фунтов. Этот шаг фактически был денежной помощью арабским армиям. По мере того, как англичане ослабляли свой контроль над Палестиной, прекращалось движение поездов и закрывались почтовые отделения. Вплоть до самой эвакуации англичан ни к средствам связи, ни к железнодорожному транспорту местные жители не имели доступа.

Нежелание мандатория сотрудничать с ООН особенно ярко выразилось в конце 1947 г. в неприкрытой поддержке, которую Великобритания оказывала военным приготовлениям арабов. Власти строго следили за выполнением запрета на еврейскую иммиграцию и приобретение евреями оружия. Им не позволяли создать милицию, членов Хаганы преследовали и разоружали. В то же время англичане продолжали продавать оружие Ираку и Трансиордании согласно своим договорам с этими странами. Генералу Макмиллану, под командованием которого в Палестине находилось 50 тысяч солдат, ничего на стоило бы остановить арабскую инфильтрацию. Однако, имея правительственные инструкции, он ограничился тем, что поддерживал законность и порядок только в районах, где британские войска должны были находиться во время эвакуации. Порою проарабские симпатии превращались в прямую поддержку. Так, например, Макмиллан, намеревавшийся продать евреям самый крупный военный лагерь в Палестине, получил из Лондона распоряжение продать эту базу арабам. Нечто похожее происходило со стратегически важными фортами и другими видами государственной со-

бственности по всей стране.

Иракский генерал Таха Хашими, отвечавший за подготовку арабских добровольцев в Дамаске, рассказал в своих мемуарах о том, что арабские лидеры заблаговременно получили информацию о графике эвакуации английских полицейских участков в Цфате и Наби-Юше. Оба этих пункта были сразу же захвачены арабами, таким же образом попали в их руки форт Самах и находившийся по соседству большой военный лагерь. Согласно Хашими, заместитель начальника английской полиции Иерусалима уведомил арабов о предстоящей эвакуации британских солдат из Нового города, чтобы облегчить им захват этой части Иерусалима сразу после ухода армии. Мухаммад Нимр ал-Хавари, юрист из Яффо, вспоминал, что к нему "пришли сотрудники английского управления по арабским делам и предложили помощь оружием и людьми... Англичане прямо на улицах раздавали нашим бойцам оружие и боеприпасы. Это ни для кого не было секретом". Кристофер Сайкс дал блестящую характеристику завершающей фазе британского мандата: "Если сравнивать колониальную деятельность англичан и французов, преимущество... явно будет на стороне англичан, но поведение французов в соседней Сирии несравнимо со злонамеренными и некомпетентными действиями англичан в Палестине в период с ноября 1947 по май 1948 г."

На первых порах арабы отреагировали на резолюцию ООН очередной угрозой насилия. Этот тон определил их дальнейшую политику на многие месяцы и годы. В сирийском городе Алеппо были сожжены триста еврейских домов и одиннадцать синагог, половина четырехтысячного еврейского населения разбежалась. В Адене было убито семьдесят шесть евреев. В Палестине Верховный арабский

комитет назначил на 2–4 декабря 1947 г. трехдневную всеобщую забастовку. Сразу вслед за этим начались проявления насилия, нападениям подверглись еврейские кварталы в Иерусалиме, Хайфе и Яффо. Вскоре в арабских городах и деревнях Палестины Верховный комитет начал запись добровольцев. Большинство возникших "милицейских формирований" были организованы на базе организаций Футувва и Наджада. Поначалу тактика их сводилась к стремительным нападениям на отдаленные еврейские поселения и транспорт; при этом они грабили и уничтожали имущество. В этих нападениях участвовали только палестинские арабы, хотя деньги и кое-какое снаряжение поступали к ним из соседних арабских стран. Координации наступательных действий — даже в местных масштабах — в это время еще не было. Нередко этому мешала вражда, сохранявшаяся между группировками Нашашиби и Хусейни.

В первые недели после принятия резолюции о разделе многие умеренные арабские лидеры обратились к мандатным властям и к обеим национальным общинам, пытаясь предотвратить кровопролитие. Среди них был ал-Хавари, некогда — сторонник муфтия, со временем разочаровавшийся в террористической тактике Хусейни. "Вопрос, был ли я предателем в этой схватке, — говорил ал-Хавари, — мог ли я подстрекать народ Палестины к войне, которую он не способен был вести?" Убежденный в том, что разгул насилия кончится бедой для его собственного народа, этот арабский юрист неоднократно встречался с еврейскими руководителями. "Во многих случаях мне удалось предотвратить столкновения между арабами и евреями. Мы добились успеха, убеждая народ в том, что мирное сосуществование с евреями нам на пользу".

Говоря это, Хавари не прувеличивал. Арабы и евреи, если их оставляли в покое, продолжали мирно, хотя и не без опасений жить по соседству. Одному лишь Верховному комитету не удалось бы превратить отдельные акты насилия в настоящую войну между двумя народами.

Но палестинских арабов и евреев не оставили в покое. 16 сентября 1947 г. на заседании в Софаре (Ливан) Политический комитет Арабской лиги призвал к экономическим мерам, направленным против Великобритании и США, и к оказанию помощи палестинским арабам деньгами и оружием. Три недели спустя было проведено новое заседание с целью организации военного комитета арабских государств. Тем не менее решение об интервенции принято не было. Однако после голосования в ООН инициативу опять взял в свои руки темпераментный премьер-министр Ирака Салих Джабр, по предложению которого 12 декабря 1947 г. в Каире состоялось совещание премьер-министров арабских стран. Салих Джабр потребовал немедленного выполнения тайных решений Блуданской конференции и прямого вмешательства арабских государств в события в Палестине. Однако для правительств Египта и Саудовской Аравии это предложение было чересчур смелым. Король Трансиордании Абдаллах не соглашался даже на отправку добровольцев. В конце концов, был принят компромиссный план: военному комитету Лиги должны быть переданы 10 тысяч винтовок и другого стрелкового оружия, через Сирию в Палестину предстояло переправить 3 тысячи добровольцев и, кроме того, на "оборону Палестины" выделялся 1 миллион фунтов.

В этих обстоятельствах и была организована Арабская армия освобождения. Генерал Исмаил

Сафват-паша из иракского генерального штаба был назначен ее командующим, его ставка вскоре разместилась в сирийском военном лагере на окраине Дамаска. Практическое руководство этой "добровольческой" армией взял на себя Фаузи ал-Каукджи, человек сомнительной репутации, командир времен гражданской войны в Палестине в 1936 г. Приняв участие в обороне Сирии на стороне вишистских войск в 1941 г., Каукджи затем бежал в Германию и жил там до конца войны. В 1945 г. ему (как муфтию и другим врагам Великобритании) было предоставлено убежище во Франции. В конце концов, он вернулся в Сирию. Большинство его "добровольцев" были сирийскими наемниками вперемежку с югославскими мусульманами, кавказскими черкесами, поляками из армии Андерса, немцами из числа бывших эсэсовцев и испанскими фалангистами. В конце января 1948 г. подразделения этих войск начали проникать в Палестину. Вскоре Каукджи перенес свой штаб в Тверию, город на севере Палестины, и почти сразу за этим начал перебрасывать в Святую землю более крупные соединения. В конце февраля общая численность их составила пять, а в конце марта — семь тысяч человек. В отличие от недисциплинированных банд муфтия, эти подразделения в некоторой степени обеспечивали безопасность тех арабских населенных пунктов, где они были размещены.

В начале весны 1948 г. руководство Арабской армии освобождения разделило палестинский театр военных действий на отдельные участки. На севере страны под командованием Каукджи и сирийца Адиба ал-Шишакли находилось 7 тысяч бойцов. В центре страны действовало 5 тысяч человек, в основном нерегулярные формирования, которыми командовал Абд ал-Кадр ал-Хусейни, племянник

муфтия. Юг был отдан под контроль египетских добровольцев Мусульманского братства — количество их составляло около 2 тысяч. Все эти силы не были по-настоящему организованной армией, однако численное превосходство позволило им зимой и ранней весной 1948 г. увеличить размах операций. В городах, особенно в Иерусалиме, участились нападения на еврейские кварталы, в горах Хеврона от набегов страдали киббуцы. Англичане вместо того, чтобы положить конец вооруженным выступлениям арабов, передали в их распоряжение свои полицейские форты. В результате арабам удалось блокировать дороги, соединявшие Тель-Авив с Иерусалимом, Хайфу — с западной Галилеей, Тверию — с восточной Галилеей и Афулу — с долиной Бет-Шеан. Вскоре еврейские поселения в Негеве оказались изолированными от остальной территории Палестины.

Сионисты не ожидали, что так скоро окажутся предоставлены самим себе в политическом и военном отношении. К тому же, увлеченные борьбой с англичанами, они недооценили серьезности арабской военной угрозы. В 1947 г. в распоряжении евреев находились только Палмах, в котором было около 3 тысяч молодых людей, "войска" Эцела, насчитывавшие 5 тысяч плохо вооруженных бойцов, и примерно 800 — 1000 членов Лехи. Резервисты Хаганы (к марту 1948 г. их было около 21 тысячи) были слабо подготовлены и вооружены. Важнейшей задачей Еврейского Агентства стал не набор добровольцев, а приобретение оружия. Еще летом 1945 г. Бен-Гурион побывал в Нью-Йорке, где ему удалось собрать несколько миллионов долларов на приобретение американских станков, работавших ранее на оборонных заводах. Оборудование было куплено, демонтировано и в виде 75 тысяч дета-

лей "текстильных машин" отправлено в Палестину. Там оно было спрятано в киббуцах, однако извлечь его из тайных хранилищ до ухода англичан было невозможно. Кое-какое оружие закупали в Европе: дюжину винтовок — здесь, еще полсотни — там, три пулемета — в третьем месте.

Сионистам пришлось быстро разрабатывать стратегический план. В конце 1947 г., после того, как ООН приняла решение о разделе Палестины, руководство Хаганы определило для себя две основные задачи. Первая — защита ишува от нападения палестинских арабов в течение полугода, пока осуществляется вывод английских войск. Вторая — оборона страны в случае широкомасштабного арабского вторжения после 15 мая. Труднее всего далась начальная фаза. Согласно решению Бен-Гуриона и исполнительного комитета Еврейского Агентства, следовало удерживать каждую пядь земли, предназначенной для еврейского государства. Собственно говоря, у сионистов не оставалось иного выхода: если бы после принятия резолюции ООН они отступили, это было бы политической катастрофой. Однако поначалу за эту твердость было заплачено дорогой ценой, поскольку силы Хаганы, которые следовало бы сконцентрировать, пришлось разбить на мелкие подразделения и разместить по всей стране. Кроме того, снабжение осуществлялось через арабские территории, где транспортные колонны легко могли попасть в засаду. Ведь Галилея и Негев почти целиком оказались в руках арабов. Арабы держали под своим контролем Яффо, Рамлу, Лод и Акко, а частично Хайфу и Иерусалим. Еврейские анклавы на этой территории нужно было каким-то образом снабжать. Поэтому вначале командование Хаганы вынуждено было придерживаться чисто оборонительной тактики и избегать

активных действий в районах арабского заселения, даже если этого требовали стратегические соображения. Любые шаги в этом направлении были бы блокированы англичанами.

Раздел под угрозой

Оказав поддержку резолюции о разделе Палестины, правительство Соединенных Штатов рассчитывало на быстрое оперативное решение вопроса. Однако после того, как начались вооруженные столкновения, стало ясно, что этот расчет не оправдался. Сразу после голосования в ООН чиновники государственного департамента начали понемногу отступать от просионистского курса американской администрации. В начале декабря 1947 г. Вашингтон отменил свое решение о поставках оружия на Ближний Восток, а 22 декабря Лой Хендерсон ответил отказом на просьбу приехавшего из Палестины Элиезера Каплана, казначея Еврейского Агентства, о предоставлении 500-миллионного займа для решения проблем иммиграции. Коллега Хендерсона по государственному департаменту Гордон Мерриам впоследствии высказался так: "Немыслимо, чтобы Конгресс или банки стали изыскивать фонды для экономической и иммиграционной помощи под столь ненадежное обеспечение... Такое вложение капитала было бы бесперспективным".

Арабское давление на Вашингтон и американские нефтяные компании привело администрацию к выводу, что следует без лишнего шума отказаться от раздела Палестины. 6 января 1948 г. министр обороны Форрестол встретился с президентом одного из нефтяных концернов, который сообщил, что

вследствие неспокойной обстановки в Палестине его компания и сотрудничающие с ней корпорации прекращают сооружение нефтепровода в Саудовской Аравии. Еще один неприятный сюрприз ждал Форрестола 21 февраля, когда Арабская лига приняла решение не предоставлять американским фирмам права на строительство нефтепроводов и использование их до тех пор, пока США не изменят свою политику в Палестине. Премьер-министр Сирии Джамиль Мирдам-бей заявил о своем намерении посетить Эр-Рияд с тем, чтобы призвать Ибн Сауда к действиям, направленным против "Арамко".

Не испытывая давления со стороны Белого дома и не сомневаясь в молчаливой поддержке государственного секретаря Маршалла, сотрудники внешнеполитического ведомства США заняли в вопросе о разделе Палестины весьма неопределенную позицию. 21 января заместитель государственного секретаря Ловетт ознакомил Форрестола с документом, подготовленным плановым отделом государственного департамента. В документе утверждалось, что раздел неосуществим, что Соединенные Штаты не должны поддерживать это решение, если осуществить его можно только силой, и что Америке следует добиваться отмены резолюции ООН или, по крайней мере, отсрочки. В последующие недели Хендерсон и сотрудники ближневосточного отдела все чаще и настойчивее возвращались к этой теме. Затем их точка зрения была одобрена Маршаллом.

В результате 24 февраля представитель США в Совете Безопасности Уоррен Остин поставил перед делегатами других стран вопрос о том, не угрожает ли миру ситуация в Палестине. Он заявил, что его правительство, в принципе, готово рассмотреть

вопрос о применении вооруженных сил, но только для восстановления мира, а не для осуществления раздела страны.

Сионистское руководство, которое внимательно следило за намерениями американцев, поняло, что США собираются радикально изменить свою политику, и бросило все силы на то, чтобы убедить американскую администрацию не отступать от прежнего курса. Однако, мобилизовав своих сторонников в Соединенных Штатах, сионисты чуть не лишились своего главного союзника — президента. Впоследствии Трумэн вспоминал:

> После принятия в ООН резолюции о разделе еврейское давление на Белый дом не уменьшилось. Отдельные лица и целые группы обращались ко мне — обычно в весьма вызывающей и эмоциональной форме — с просьбой остановить арабов, помешать англичанам, поддерживающим арабов, предоставить для этого американских солдат, сделать то, другое, третье. Думаю, можно сказать, что я сохранил убеждение в правильности моей политики вопреки некоторым евреям... Давление настолько усилилось, что мне пришлось отдать распоряжение о том, чтобы ко мне больше не допускали особенно ярых защитников сионистских интересов.

В этот момент встречи с президентом настойчиво добивался Вейцман, который ради этого проделал путь в 6 тысяч миль из Палестины в США. Сперва Трумэн не хотел принимать его. Затем президент все же изменил свое первоначальное решение: его переубедил Эдуард Джейкобсон, биз-

несмен из Канзас-Сити, некогда бывший деловым партнером Трумэна. 18 марта Вейцман был неофициально принят в Белом доме. Беседа, проходившая в обстановке сердечности, продолжалась час. На президента произвели впечатление чувство собственного достоинства и обаяние Вейцмана, столь непохожего на истеричных американских сионистов. "Я по возможности откровенно объяснил ему, — писал Трумэн, — почему сначала не хотел с ним встречаться. Он меня понял. Я объяснил ему, на чем зиждется моя заинтересованность еврейским вопросом, и сказал, что стремлюсь к тому, чтобы восстановить справедливость без кровопролития. Когда он покидал мой кабинет, я чувствовал, что он получил полное представление о моей политике, а я понял, чего он хочет".

19 марта, через день после того, как Трумэн и Вейцман достигли взаимопонимания, Уоррен Остин поразил Совет Безопастноти предложением отсрочить раздел Палестины. "По-видимому, все согласны с тем, что этот план не может быть в настоящее время осуществлен мирным путем", — заявил Остин. Он предложил провести специальное заседание Генеральной Ассамблеи с тем, чтобы рассмотреть вопрос о временной опеке над Палестиной "независимо... от того, какой характер примет окончательное урегулирование". Сионисты пришли в ужас от этого выступления. В ответ они засыпали президента телеграммами и петициями, по всей Америке состоялись манифестации возмущенных евреев-ветеранов войны. 23 марта исполнительный комитет Еврейского Агентства заявил правительству США, что сионисты сделают все возможное для безотлагательного решения вопроса о независимом еврейском государстве. Один только Вейцман по-прежнему не сомневался в Трумэне.

"Не верю, что президент Трумэн знал, что произойдет в ООН в пятницу, когда он говорил со мной за день до этого", — сказал лидер сионистов Джейкобсону. Вейцман в какой-то степени был прав. Хотя Трумэн заранее знал о готовящемся заявлении Остина, он был растерян и удивлен если не содержанием этой речи, то тем, какой для этого был выбран момент. Поэтому президент немедленно приказал своему политическому советнику Кларку Клиффорду "выяснить, как это могло случиться. Я заверил Хаима Вейцмана, что мы поддерживаем раздел и не изменим своей позиции. [Вейцман] решил, наверное, что я лжец".

Дело заключалось в том, что государственный департамент, не подозревая о беседе Трумэна с Вейцманом, решил, что если президент хранит молчание по палестинскому вопросу, то, следовательно, он одобряет постепенное изменение политического курса. Поддержав мнение, которое давно уже высказывали Хендерсон, Мерриам и другие специалисты в государственном департаменте, Маршалл одобрил идею опеки и в официальном меморандуме сообщил об этом американской делегации в ООН. Узнав о том, как развивались события, Трумэн позвонил государственному секретарю, находившемуся в это время в Сан-Франциско. Судя по всему, Маршаллу удалось убедить президента в том, что опека предлагается не взамен раздела, а как временное решение, связанное с вооруженным конфликтом. С другой стороны, сомнительно, чтобы в этот момент кто-либо, кроме самого президента, всерьез думал, что это только временная отсрочка раздела. Дин Раск, незадолго до этого возглавивший отдел государственного департамента по представительству в ООН, выступил перед журналистами и энергично высказался в пользу опеки

над Палестиной. Хоть он и назвал этот план "временным", нетрудно было понять, что речь идет об отказе от раздела.

Другие делегации в ООН отрицательно отнеслись к этому предложению. Дипломаты в еще большей мере, чем представляемые ими правительства, рассматривали отсрочку как серьезный удар по репутации ООН. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Трюгве Ли был так обеспокоен ситуацией, что предложил Остину вместе с ним уйти в отставку в знак протеста. Остин отказался. Как ни парадоксально, теперь против плана опеки был настроен Бевин. Он подозревал, что маневр Вашингтона, в конце концов, приведет к продлению мандата, а развитие событий в Палестине убедило Бевина в том, что это абсолютно исключено. Еврейское подполье активизировало свои действия. Более того, после принятия резолюции о разделе нападения Лехи на английских военнослужащих и на военные объекты участились. Каждый день в Палестине происходили антибританские выступления. Кроме того, было очевидно, что в Вашингтоне совершенно не представляют себе, как осуществить опеку на практике. 29 марта Форрестол признал в разговоре с Ловеттом, что Америка не предоставит войск для этой цели, хотя и согласился с тем, что Соединенным Штатам "не избежать участия" в опеке. После этого Ловетт говорил с Трумэном, который сказал, что "не хочет брать на себя твердых обязательств относительно посылки войск в Палестину".

В ООН все сильнее чувствовалось прохладное отношение других стран к американскому плану. Выступая в Совете Безопасности 30 марта, Остин не случайно ни словом не обмолвился об опеке. Вместо этого он говорил о необходимости перемирия между

арабами и евреями и о том, что на специальной сессии Генеральной Ассамблеи следует рассмотреть вопрос об управлении Палестиной в переходный период. 1 апреля Совет Безопасности одобрил это предложение, так как оно никому ничем не угрожало. Через две недели собралась Генеральная Ассамблея. До окончания британского мандата оставалось не больше месяца, так что обсуждение палестинского вопроса в ООН сильно отставало от реального развития событий. "Организация Объединенных Наций, как ни странно, погрузилась в летаргию, — вспоминал об этом представитель Гватемалы в ООН Хорхе Гарсия Гранадос. — В Палестине шла война, но [в ООН] не было ни малейшего движения". 3 мая общее мнение Генеральной Ассамблеи выразил Крич-Джонс, предложивший полностью отказаться от американского плана и создать "нейтральный" орган власти для того, чтобы по возможности контролировать работу административных и общественных учреждений Палестины. Иными словами, это означало, что раздел уже стал реальностью.

Евреи ускоряют развитие событий

Военное положение ишува становилось все хуже. В конце марта 1948 г. была сделана отчаянная попытка оказать помощь евреям Иерусалима и Галилеи, оказавшимся в осаде. Операция закончилась неудачей — арабы уничтожили транспортные колонны. Именно в этот момент и было принято кардинальное решение. 1 апреля начальник оперативного отдела генерального штаба Хаганы Игаэль Ядин[68] встретился с Бен-Гурионом и его советниками и доложил им, что положение ишува угрожающее и больше нельзя придерживаться так-

тики пассивной обороны. С помощью отдельных транспортных колонн не наладить снабжения Иерусалима и еврейских поселений. Хагане остается одно: перейти в наступление и овладеть дорогами Палестины и командными высотами. Для успеха операции придется захватить те арабские города, которые расположены на важнейших коммуникационных линиях, — эта мера была новшеством в стратегии Хаганы. Предложение было чрезвычайно рискованным: помимо того, что у Хаганы не хватало людей и оружия, весьма вероятной становилась эскалация военных действий англичан. Хотя эвакуация английских войск шла согласно графику, невозможно было предсказать, как генерал Макмиллан отреагирует на широкомасштабные действия евреев. Сионистское руководство обсуждало план Ядина в течение трех часов. Окончательное решение принял Бен-Гурион.

Ни один из последующих шагов Бен-Гуриона — будь то провозглашение государства Израиль или даже вторжение на Синай в 1956 г.[68] — не был чреват более серьезными опасностями. И то, с какой решимостью он пошел навстречу этим опасностям, доказывает истинную отвагу и твердость этого человека. Лишь в этот период имя председателя Еврейского Агентства становится известным в каждой еврейской семье за пределами Палестины. Ничья другая судьба не была связана до такой степени с судьбой ишува — с момента в 1906 г., когда девятнадцатилетний юноша, по имени Давид Грин, приехав из Польши, сошел на берег в порту Яффо. С тех пор каждый эпизод его жизни был связан с очередным этапом в истории сионистского возрождения. До первой мировой войны он работал поденщиком на цитрусовых плантациях. Во время войны служил в Еврейском легионе. Потом стал лидером

партии Ахдут ха-авода (впоследствии — Мапай)[69], затем — генеральным секретарем Хистадрута. В 1935 г. Бен-Гурион был избран председателем палестинского исполнительного комитета Еврейского Агентства и — желал он того или нет — вошел в мир большой политики.

В отличие от Вейцмана, Бен-Гурион вовсе не был тонким дипломатом. По складу характера он по-прежнему оставался деятельным профсоюзным вожаком, таким же энергичным и прямым, как Бевин, но только еще более упрямым. Сам внешний вид Бен-Гуриона свидетельствовал о его характере: невысокая коренастая фигура, мозолистые ладони, обветренное лицо, упрямый твердый подбородок. По воспоминаниям его соратников, Бен-Гурион был беззаветно, фанатично предан идее еврейского национального очага, не испытывал потребности в роскоши и начисто лишен был тщеславия, хотя при этом отнюдь не был равнодушен к власти. Хорошо понимая, какая судьба уготована ишуву, Бен-Гурион был полон решимости вопреки всему и несмотря ни на что бороться за сохранение своего народа. Именно поэтому ему и удалось убедить членов еврейского руководства принять план Ядина и начать решительные действия в Палестине.

Главная проблема заключалась в оружии. За несколько дней до этого совещания Бен-Гурион телеграфировал Эхуду Авриэлю, агенту Хаганы в Праге, требуя немедленных поставок оружия — винтовок и пулеметов. Ночью 1 апреля на заброшенном английском аэродроме на юге Палестины приземлился первый транспортный самолет из Чехословакии. Сразу после разгрузки оружие было роздано жителям ближайших сельскохозяйственных поселений. Через два дня к палестинскому берегу тайно пристал пароход с дополнительной

партией чехословацкого оружия: на его борту находилось несколько сотен пулеметов и тысяча винтовок. После этого добровольцы выступили против арабов, контролировавших дорогу на Иерусалим.

Еще в начале подготовки к наступлению выяснилось, что положение евреев сильно облегчается отсутствием солидарности в лагере их врагов. Как вспоминал впоследствии ал-Хавари, агенты военного комитета Арабской лиги покупали в Каире оружие со скидкой и, взвинтив цену, перепродавали его палестинцам. Кое-кто из этих агентов сколотил себе состояние на торговле оружием. Нередко оно оказывалось плохого качества (хотя и не хуже того, которым располагали евреи) и устаревшим, еще времен первой мировой войны. Кроме того, муфтию хотелось, чтобы все арабские силы в Палестине находились под его личным контролем. В связи с этим обострилось соперничество между ним и Фаузи ал-Каукджи, командующим Арабской армией освобождения. "Как рассказал мне Каукджи, — писал ал-Хавари, — муфтий, находясь в Европе, обвинил его в шпионаже в пользу Англии, а также в том, что он, Каукджи, пьет вино и увлекается женщинами, а значит не заслуживает звания генерала освободительной армии". Однако большинство арабских лидеров хорошо относились к Каукджи, не жалели для него денег и щедро его одаривали. Взбешенный этим Хадж Амин решил действовать независимо и назначил своих сторонников командирами частей в различных районах Палестины. Из этого ничего хорошего не вышло. Офицеры муфтия не сумели провести всеобщую мобилизацию палестинских арабов. В результате организованные на местах подразделения были сформированы из добровольцев, эти нерегулярные отряды не подчинялись указаниям центра и пренебрегали

дисциплиной. Такой подход к делу, не мешавший удачным действиям во время гражданской войны 1936 г., теперь оказался малоэффективным, особенно из-за организованности евреев.

В начале весны 1948 г. конфликт между Каукджи и кланом Хусейни обострился. Каукджи стремился избавиться от палестинских арабов в своей армии. "Они пригодны для того, чтобы взорвать мост, — объяснил один из его офицеров журналистам, — но во время военных операций просто путаются под ногами". Генерал Сафват-паша, назначенный лигой командующим арабскими силами в Палестине, жаловался на то, что из-за недисциплинированных банд муфтия срывается военная кампания против евреев. Как и раньше, единого командования у арабов не было. Армия освобождения действовала на севере страны, иногда согласуя свои операции с сирийским генералом ал-Шишакли, которому был подчинен галилейский фронт. Центральные районы Палестины были под контролем муфтия, племянник которого Абд ал-Кадр ал-Хусейни командовал войсками в Иерусалиме и в горах Хеврона. Наконец, Хасан Саламах, также сторонник муфтия, руководил операциями на побережье. Из-за такого распределения сфер влияния действия отдельных групп редко осуществлялись согласованно. Воинские соединения муфтия не обращали внимания на директивы Арабской лиги. И среди сторонников Хадж Амина, и в армии Каукджи солдаты то и дело бунтовали; процветало массовое дезертирство. "Противник может захватить город или деревню — соседняя деревня не придет на помощь, — писал один из участников событий. — Каждая группа действует сама по себе, независимо от других". Сафват предупреждал лигу, что "если положение не изменится, деятельность генерального

штаба превратится в пустой фарс". Вражда между группировками достигла такого накала, что в конце концов по неофициальному соглашению Каукджи с Хаганой Арабская армия освобождения обязалась не оказывать поддержки Абд ал-Кадру ал-Хусейни в том случае, если евреи начнут наступление на иерусалимском фронте. Вскоре это соглашение было реализовано.

В операции по уничтожению арабской блокады на иерусалимском шоссе приняли участие 1 500 бойцов Хаганы — до этого в боевых действиях еще не участвовало столь крупное еврейское соединение. Хагане предстояло опробовать в боевых условиях только что полученные из Чехословакии винтовки. Наступление началось с атаки на горную крепость Кастель в пяти милях к западу от Иерусалима. В самый разгар сражения Абд ал-Кадр ал-Хусейни связался по телефону с Фаузи ал-Каукджи и попросил его помочь оружием. В ответ Каукджи сказал (разговор был подслушан Хаганой): "У меня ничего нет!" На самом деле оружие у него было в избытке, но делиться им он не собирался. Вскоре после этого Абд ал-Кадр ал-Хусейни был убит, арабы начали сдаваться в плен, и евреи захватили Кастель. По освобожденной дороге Хагана спешно отправила три колонны из 250 грузовиков в Иерусалим. Через несколько дней шоссе снова оказалось под контролем арабов, но продовольствия, доставленного в город, населению хватило на несколько недель.

К концу апреля англичане заметно ускорили темпы эвакуации. Хотя они продолжали заблаговременно снабжать арабов информацией о том, когда и какие районы они покидают, Хагане удалось захватить некоторые полицейские участки и оставленные британской армией лагеря. В этот период

самая важная операция была проведена в Хайфе, городе со смешанным населением. После того, как стало известно, что англичане собираются уйти из Хайфы 18 апреля, противники начали подготовку к сражению. В Хайфе было около 150 тысяч жителей, и арабы имели там некоторый перевес, но им не хватало опытных руководителей. С другой стороны, стратегические преимущества впервые были на стороне евреев. Их кварталы находились на склонах горы, а арабские в основном в низине, около порта. Кроме того, Хагане были заранее известны маршруты, по которым к городу должны были подойти арабские транспортные колонны с оружием, — и девять из них попали в засаду. Утром 21 апреля, после полуторадневной перестрелки, несколько сотен евреев бросились в атаку со склонов горы Кармел и захватили основные учреждения и центральные улицы Хайфы. Вскоре после этого арабское население бежало из города.

Наступательная тактика, несомненно, начала приносить евреям успех. Однако в Верхней Галилее преимущество оставалось за арабами. После того, как оттуда в конце апреля ушли англичане, арабские силы, дислоцированные в горных районах, ужесточили нападение на двадцать еврейских сельскохозяйственных колоний, располагавшихся в долине. Операцией Хаганы, направленной на снятие осады с этих поселений, командовал Игал Аллон, 29-летний уроженец Палестины, один из самых талантливых командиров еврейских вооруженных сил. Сознательно пойдя на риск, Аллон собрал все оружие, которым располагали галилейские киббуцы, и раздал его своим солдатам. После этого его соединение, состоявшее из тысячи молодых палмаховцев, захватило ключевой полицейский форт и военный лагерь неподалеку от Рош-Пинны и ук-

репилось там, опередив арабов. Следующей целью был Цфат. Положение 1 400 евреев, которые жили в городе, осажденном 10 тысячами арабов, было совершенно отчаянным. Сирийские наемники под командованием Адиба ал-Шишакли постепенно смыкали кольцо вокруг еврейского квартала. Арабы и евреи, десятилетиями мирно жившие по соседству в Цфате, теперь стали смертельными врагами. В ночь с 9 на 10 мая войска Аллона перешли в атаку. Бой шел за каждый дом, за каждый метр. Положение арабов было вовсе не безнадежным, численно они даже превосходили евреев. Но напряжения рукопашной схватки сирийцы не выдержали и бежали вместе с арабскими жителями Цфата.

Это поражение имело большое значение в глазах арабов. Цфат на протяжении многих поколений был административным центром северо-восточной Палестины. Более того, муфтий, находившийся в своей ливанской штаб-квартире неподалеку от Тира, успел уже объявить Цфат столицей Галилеи в будущем арабском государстве. После того, как туда вошли евреи, многие арабы из соседних деревень, как по сигналу, бежали в Сирию и в Ливан. Впервые за многие месяцы восстановилось сообщение между поселениями восточной Галилеи; была освобождена вся северная Палестина и побережье. Последний арабский город — Яффо — был захвачен евреями 14 мая. Местное арабское население, насчитывавшее 70 тысяч человек, в страхе бежало. Таким образом, Хагана больше не должна была оборонять изолированные друг от друга анклавы и могла начать подготовку к предстоящему вторжению арабских армий, которое ожидалось 15 мая.

Вечером 22 апреля 1948 г., когда евреи окончательно укрепились в Хайфе, Бевин позвонил Эттли.

Министр иностранных дел пребывал в состоянии паники. По сообщениям из арабских столиц, сказал он, евреи перерезали в Хайфе 23 тысячи арабов, а англичане даже пальцем не пошевелили. Бевин жаловался на то, что армия его "предала" и поставила в ужасное положение перед арабами. Эттли немедленно вызвал фельдмаршала Монтгомери, бывшего в то время начальником генерального штаба. Одновременно к премьер-министру явился Бевин, а с ним и военный министр — фельдмаршал Александер. Как впоследствии писал Монтгомери, "Бевин был очень взвинчен" и Эттли готов был принять его предложения. На следующий день все они встретились снова, и министр иностранных дел, по свидетельству Монтгомери, "волновался еще сильнее". События приняли не предусмотренный Бевином оборот. Чтобы не лишиться доброжелательного отношения арабов, правительство принялось поспешно вносить изменения в свой политический курс. 23 апреля Крич-Джонс, выступая на Генеральной Ассамблее, предложил, чтобы ООН отказалась от попыток найти окончательное решение арабо-еврейского конфликта и поставила перед собой "более скромные цели", чем раздел. Великобритания будет способствовать этим усилиям. Но было уже поздно — сам Крич-Джонс признал это десять дней спустя. Евреи полностью изменили военную ситуацию в Палестине.

Значительно изменилась и политическая ситуация. Никто уже не принимал всерьез заявления, сделанного в конце марта Бевином, который утверждал тогда, что англичане несут ответственность за законность и порядок в Палестине до окончания мандата. "Законность и порядок" явно не входили в намерения государства-мандатория. Хаос, воцарившийся в Палестине, парализовал все

государственные учреждения: перестали работать суды, почта, телефон, железные дороги. Для того, чтобы заполнить административный вакуум и заложить основы будущего государственного аппарата, еврейский межпартийный комитет ранней весной образовал временный народный совет еврейского населения Эрец-Исраэль под председательством Бен-Гуриона. Избранное этим органом народное правление, состоящее из тринадцати человек и бывшее прообразом кабинета министров, на нескольких чрезвычайных заседаниях приняло следующие решения: налогообложение в еврейском секторе должно осуществляться на тех же принципах, что и раньше; сотрудники Еврейского Агентства и Ваад Леумми останутся на своих постах; отделы этих организаций преобразуются в ведомства с полномочиями министерств. Северный Тель-Авив стал временной столицей, где должны были располагаться эти ведомства. Они получили все необходимое и начали набирать служащих из жителей различных районов Палестины. Было принято решение о проведении национального займа, организованы управления по вопросам трудоустройства и снабжения. 27 апреля Хагана и Эцел подписали соглашение о сотрудничестве во всех областях. В тель-авивской типографии были срочно подготовлены образцы почтовых марок и напечатаны денежные купюры. Вообще говоря, палестинские евреи не требовали от новой национальной администрации такого рода символических атрибутов, да и не нуждались в них. Общинное чувство дисциплины, воспитанное в ишуве за годы сионистской деятельности, оставалось неизменным.

С успешным строительством еврейского государства разительно контрастировал почти полный распад палестинской арабской общины. Возможно,

англичане надеялись, что хаос в Палестине повредит только евреям и обойдет стороной арабов или что арабское население сплотится вокруг трансиорданского короля Абдаллаха. Однако в последние недели мандата события развивались вопреки этим ожиданиям. От административной неразберихи явно выигрывали евреи. Поэтому Верховный арабский комитет, хотя и с опозданием, но обратился ко всем арабским служащим, работавшим в британских учреждениях, с призывом оставаться на своих местах. Координацию действий в различных районах Палестины должны были осуществлять местные агенты муфтия. Однако время для этих мер было безвозвратно упущено. Провал плана объясняется не только массовым бегством арабов. На протяжении всего мандатного периода арабские лидеры категорически не соглашались сотрудничать с англичанами и отказывались от какой бы то ни было национальной автономии, если она распространялась и на евреев. Теперь им пришлось расплачиваться за свое упрямство. У арабов не было ничего похожего на самостоятельные еврейские органы власти. Верховный мусульманский совет и Верховный арабский комитет являлись только органами пропаганды и насилия, они не подготовили служащих, пригодных для работы в государственном аппарате. В результате для арабского населения, отягощенного старыми традициями, настал час расплаты. Бегство из Палестины приняло такие небывалые размеры, что арабское руководство не могло ни сдержать его, ни направить в организованное русло. Да, собственно говоря, само это руководство первым бежало в соседние страны. Именно тогда, когда палестинцы особенно нуждались в интеллектуально-политической элите, элиты этой — кланов Хусейни и Нашашиби — с ними не оказалось.

В Вашингтоне внимательно следили за развитием событий. Отказавшись от неудачного плана, предусматривавшего опеку над Палестиной, государственный департамент сосредоточил свои усилия на том, чтобы избежать эскалации войны на Ближнем Востоке. В начале мая 1948 г. помощник государственного секретаря Дин Раск обратился к сионистам с просьбой хотя бы на время отложить провозглашение независимости. В противном случае, заметил Раск, Вашингтон блокирует поступление денег от американских благотворительных организаций. Эта скрытая угроза произвела сильное впечатление на д-ра Нахума Гольдмана[70], председателя американского отделения Еврейского Агентства, который начал всячески помогать чиновникам государственного департамента, пытавшимся приостановить провозглашение суверенитета. Однако Бен-Гурион и его сотрудники в Иерусалиме не отступили ни на шаг, в частности, принимая во внимание предстоящие президентские выборы в США. 4 мая они направили в Вашингтон телеграмму с отказом от предложения Раска. Через четыре дня Моше Шарет (Черток), министр иностранных дел во временном правительстве, вылетел в Вашингтон, чтобы встретиться с Маршаллом и заместителем государственного секретаря Ловеттом. Американцы больше не прибегали к угрозам, однако выразили уверенность в том, что вторжение арабских армий неминуемо. При этом, "если евреи собираются придерживаться прежнего курса, пусть не просят помощи у Соединенных Штатов". Шарет, в свою очередь, упрекнул американцев в том, что они изменили свою позицию по вопросу о разделе. Кровопролитие в Палестине, заявил он, в

значительной мере объясняется маневрами правительства Соединенных Штатов, ибо эта политика подтолкнула арабов к вооруженным выступлениям. После этого Маршалл прекратил совещание, заявив напоследок:

> Я не забуду ничего из сказанного вами. Я вполне понимаю всю весомость этих соображений. В мои обязанности не входит давать вам советы. Но хочу как военный сказать вам: не полагайтесь на своих военных советников. Они добились кое-каких успехов. Но что произойдет в случае продолжительного вторжения? Вы будете обессилены. У меня был опыт в Китае. Все началось с легкой победы. И вот они воюют уже два года и потеряли Манчжурию[71]. И все же, если окажется, что вы правы, и если еврейское государство будет создано, я буду счастлив. Но вы берете на себя серьезную ответственность.

Шарет, надо сказать, серьезно отнесся к этому предостережению. При поддержке Гольдмана он обратил внимание своих коллег в Нью-Йорке на то, что над словами Маршалла следует поразмыслить.

Серьезность принятого решения была понятна и находившемуся в Тель-Авиве Игаэлю Ядину. 12 мая молодой командир сделал обстоятельный доклад во время встречи с Бен-Гурионом и другими руководителями.

Как сообщил Ядин, Хагане удалось взять под контроль внутренние коммуникации в Палестине. Однако положение в Иерусалиме оставалось критическим — арабы по-прежнему владели половиной города, командными высотами и дорогами, в том числе ключевыми участками шоссе, идущего от по-

бережья. Как раз в этот момент части трансиорданского Арабского легиона, подготовку которого осуществляли англичане, стягивались к Иерусалиму. Перед этим легион захватил несколько киббуцов, расположенных между Иерусалимом и Хевроном. Ядин подчеркнул, что не лучше обстоит дело и с вооружением. Хотя из Чехословакии начало поступать оружие, артиллерийские орудия еще не были получены. Известно, что у арабов имеется большое количество английских орудий; некоторые из них уже обстреливали Иерусалим — и весьма эффективно. Когда начнется вторжение, на стороне арабских армий будет бесспорное преимущество в численности, а также в количестве и качестве вооружения. С другой стороны, отметил Ядин, англичане приступили к эвакуации, а значит, можно начать широкомасштабную мобилизацию ишува. Боевой дух евреев высок, у них есть тактические навыки и опыт планирования военных операций, которых нет у арабов. Можно рассчитывать на то, что после 15 мая появится оружие и увеличится численность еврейских войск. Если удастся быстро вооружить и обучить дополнительные подразделения, шансы у арабов и евреев станут равными. Однако Ядин был далек от оптимизма и подчеркивал, что следует искать путей к перемирию, не принося в жертву политических целей ишува.

Обсудив в течение ночи все "за" и "против", еврейское руководство шестью голосами против четырех постановило отклонить американское предложение о перемирии и высказалось за провозглашение государства. С Вейцманом, который находился в Нью-Йорке, связались по телефону. Он поддержал это решение, сказав: "Надо провозгласить государство во что бы то ни стало". Два дня спустя жребий был брошен. В восемь часов утра 14

мая англичане спустили свой флаг в Иерусалиме. В середине дня по всей стране уже шли бои. Евреи начали новое наступление с целью освободить Иерусалим, в других районах Палестины завязались ожесточенные сражения за только что оставленные англичанами форты. В 4 часа дня все еврейское население (за исключением Иерусалима, где не было электричества) услышало по радио трансляцию из Тель-авивского музея, где проходила церемония провозглашения государства. Бен-Гурион огласил Декларацию независимости государства Израиль. В этом документе, обращенном ко всему миру, говорилось, что Эрец-Исраэль — историческая родина еврейства, что сионистское движение — свидетельство того, какую роль играет Палестина в еврейской истории и религии, что Декларация Бальфура, резолюция ООН о разделе Палестины, подвиг сионистских пионеров и муки, выпавшие на долю еврейского народа в последние годы, — все это является нравственным и юридическим основанием для создания нового государства. Израиль, провозглашала Декларация, открыт для всех евреев, которые пожелают в нем поселиться. Он предоставляет социально-политическое равенство всем своим гражданам без различия религии, расы и пола и всем гарантирует свободу религии, совести, образования и культуры. В преддверии арабского вторжения авторы декларации обратились к другим странам со следующими словами: "Мы протягиваем руку в знак мира и доброй воли всем соседним государствам и их народам и призываем их к сотрудничеству с независимым еврейским государством во имя всеобщего блага. Государство Израиль готово внести свой вклад в развитие прогресса на Ближнем Востоке в целом". Приняв Декларацию независимости, народное правление немедленно издало

указ, отменяющий действие Белой книги 1939 г.

За два дня до этого, 12 мая, Вейцман направил в Белый дом письмо, в котором просил правительство Соединенных Штатов признать Израиль после того, как будет провозглашена его независимость. Эта просьба не осталась без ответа. Из-за двусмысленной политики государственного департамента по вопросу о разделе Трумэн в последние недели чувствовал себя неловко. 23 апреля он сказал судье Сэмюэлу Розенману: "Из-за доктора Вейцмана мне не дает покоя совесть". Президент искренне стремился вернуть себе уважение Вейцмана. 12 мая Трумэн обсудил проблему признания нового государства со своими советниками. Сам он высказался за признание Израиля, Маршалл и Ловетт были против. Все тщательно взвесив и обдумав, Трумэн, в конце концов, решил 14 мая признать государство Израиль de facto. Об этом было сообщено в тот же день, в 18 часов 10 минут. "Теперь старый доктор снова мне поверит", — сказал президент.

Несомненно, на решение Трумэна повлияли политические соображения. Приближались выборы, и решающую роль при этом могло сыграть голосование в крупных городах. Президент, вероятно, учитывал и то, что должен опередить действия Москвы. Ведь Советам, которые, как предполагалось, должны были немедленно признать Израиль (это случилось через два дня), нельзя было предоставлять монопольное право на благодарность еврейского народа. Однако нельзя недооценивать и личного упорства и настойчивости Трумэна. Позже он писал: "Мне сказали, что для некоторых руководителей государственного департамента [мое] решение было сюрпризом. Этого не произошло бы, если бы они последовательно поддерживали мою политику... Я хотел продемонстрировать, что за внеш-

неполитический курс отвечает президент Соединенных Штатов, а не второй и третий эшелоны государственного департамента". Наконец, на решение о признании еврейского государства повлияло сочувствие президента к лишенному поддержки маленькому народу — это сочувствие проявилось и раньше, когда решалась проблема беженцев. Бен-Гурион, встретившийся с Трумэном через несколько лет, когда оба государственных деятеля еще занимали свои посты, рассказал в интервью, записанном на магнитофон Моше Перлманом, следующее:

> Во время нашей последней встречи после очень интересной беседы, когда он уже собирался уходить, — это было в номере нью-йоркской гостиницы — я сказал ему, что как иностранец не могу судить о том, какое место он займет в истории Америки, но что благодаря его помощи нам, благодаря его постоянному сочувствию нашим задачам в Израиле, его отважному решению незамедлительно признать наше новое государство и неуклонной поддержке в еврейской истории имя [Трумэна] сохранится навеки. Когда я сказал это, на глазах у него выступили слезы. Он попрощался со мной, но слезы эти еще не просохли. Мне редко приходилось видеть, чтобы человек был так растроган. Я попытался задержать его на несколько минут, чтобы он справился со своим волнением, — ведь я знал, что в коридоре гостиницы его ждут фотографы и журналисты. Он ушел. Чуть позже я тоже вышел. Ко мне подошел корреспондент и спросил: "Почему президент Трумэн плакал, когда уходил от вас?"

Если евреи были благодарны США за признание Израиля, то реакция арабского мира была, как легко догадаться, прямо противоположной. Арабские государства не скупились на угрозы и заявляли, что перекроют американцам доступ к нефти. Однако вскоре после провозглашения независимости Израиля, когда правление "Арамко" сообщило о том, что намерено проложить нефтепровод через Палестину к Средиземному морю, Египет поспешно предоставил компании юридические привилегии, а сирийское правительство поторопилось выдать лицензию на этот проект. Отношения "Арамко" с Саудовской Аравией также ничем не были омрачены. Летом 1948 г. длительные переговоры компании с Эр-Риядом о распределении доходов от продажи нефти, наконец, закончились к обоюдному удовольствию. Тогда же, в июле 1948 г., шейх Кувейта заявил, что передал "Америкен Индепендент Ойл Компани" концессию на разведку и разработку в районах, принадлежащих этому государству в нейтральной зоне между Кувейтом и Саудовской Аравией. И тогда, и впоследствии на протяжении двадцати пяти лет, до октября 1973 г., нефть на Ближнем Востоке без каких-либо особых осложнений перекачивалась из принадлежавших американцам скважин к побережью Средиземного моря.

14 мая, в то время как Бен-Гурион оглашал Декларацию независимости, сэр Элан Кеннингем выехал из своей резиденции на одном из Иерусалимских холмов и не спеша направился в Хайфу. В порту он взошел на борт ожидавшего его крейсера "Эвриал" и отплыл на Кипр. На несколько часов раньше в Лондоне военный министр Александер в коротком выступлении в Палате общин сообщил о том, что Палестина больше не входит

в Британское Содружество. За этим последовали дебаты, растянувшиеся на целый час. Вскоре после этого министерство иностранных дел опубликовало официальное заявление о политике в Палестине, которое завершалось такими словами:

> Хотя Великобритания больше не несет ответственности за Палестину, правительство Его Величества искренне надеется, что обе стороны осознают те трагические последствия, к которым могут привести попытки силой захватить Палестину; что будет достигнут какой-то компромисс, удастся сохранить от уничтожения все то, что было сделано за последние тридцать лет, и народ Палестины, самостоятельно управляя своей страной, сможет жить в мире. Для этой цели правительство Его Величества по-прежнему готово оказать всевозможное содействие, однако не станет навязывать обоим народам неприемлемое для них решение.

Это заявление было вызвано не столько стремлением оправдать ту роль, которую Великобритания сыграла в палестинской трагедии, сколько желанием сделать дружественный жест по отношению к арабскому миру. В это время уже стало очевидно, что при официальном нейтралитете Лондон, безусловно, склоняется на сторону палестинских арабов.

Несмотря на официальный стиль документа, слова о том, "что было сделано за последние тридцать лет", имели под собой реальный смысл. Позже, когда страсти поостыли и раны затянулись, евреи не раз имели случай вспомнить, чем они обязаны Великобритании. Что ни говори, а возможность укрепиться в Палестине им дала Декларация Бальфура.

На протяжении тридцати лет, за исключением последнего полугодия мандата, Палестина являлась членом Британского Содружества и в этом качестве могла рассчитывать на помощь английской армии и флота, которые защищали евреев не только от Роммеля, но и от муфтия. Кроме того, членство в Британском Содружестве давало колоссальное преимущество — возможность участия в торгово-финансовом стерлинговом блоке. Ишув имел в Англии практически неограниченный рынок сбыта цитрусовых, а в самой Палестине торговлю оживляло присутствие английского военного и гражданского персонала. Административная деятельность англичан в Палестине была на таком же высоком уровне, как и в Египте и Ираке, а юридическая система не уступала законодательству всех остальных государств Содружества. Столь значительные достижения заслуживали более достойного финала, чем тот, к которому привел страну Бевин.

За немногими исключениями, арабы рассчитывали на восстановление контроля в своей части Палестины, а возможно, и на большее — в том случае, если правительства соседних государств выполнят свое обещание и захватят всю страну. С другой стороны, судьба, ожидавшая евреев в случае вторжения пяти арабских армий в их только что созданную республику, была тем последним ударом, которого сионисты могли ожидать еще лет за пять-десять до этого. После Катастрофы европейского еврейства и трагедии перемещенных лиц ни один из руководителей Еврейского Агентства — ни Вейцман, ни Бен-Гурион — не рассматривали самостоятельную государственность как категорически необходимую цель сионистов. Если они и думали о суверенитете, то в рамках Британского Содружества или под опекой ООН. Но судьба повернулась так, как нередко

случалось в еврейской истории. Путь к цели всегда лежал через небывалую трагедию. Еврейский национализм возродился во 2-й половине XIX века, в тот момент, когда европейский антисемитизм принял новые и особенно опасные формы. Еврейский национальный очаг был создан в период, когда с большим запозданием начал набирать силы арабский национализм, до этого — самое слабое движение среди аналогичных в Оттоманской империи. После этого волна за волной началась иммиграция, и благодаря сионистскому эксперименту возникла жизнеспособная община, которая состояла большей частью из отверженных, нищих изгнанников, бежавших в период между двумя войнами из Европы, отравленной ядом юдофобии. Когда же, наконец, европейские евреи осознали, что Палестина — последнее их убежище, двери в нее закрылись и над еврейством нависла смертельная угроза. Даже резолюция ООН о разделе Палестины в лучшем случае казалась результатом не характерных для западного мира угрызений совести — ведь ее гуманизм не заходил настолько далеко, чтобы обеспечить безопасность обоим народам Палестины. И если арабские государства еще могли позаботиться об арабах Святой земли, то евреям угрожала вполне реальная опасность нового геноцида. Казалось бы, зная свою историю, евреи и не могли ожидать ничего лучшего. Но, как выяснилось, ишув не собирался мириться с таким развитием событий.

Глава XIII

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Арабские государства готовятся к вторжению

"Как прекрасен был тот день, 14 мая, — рассказывал офицер Арабского легиона. — Весь мир, затаив дыхание, ожидал того момента, когда пять арабских армий вступят в Палестину и освободят ее от сионистов и от Запада. В тот день арабские войска ворвались [в Палестину] отовсюду и совместно потребовали справедливости во имя Бога, во имя совести и долга". Генерал-лейтенант сэр Джон Бегот Глабб, английский командир трансиорданского Арабского легиона, так вспоминал о вторжении:

> Это был жаркий майский день, пыль столбом стояла на дорогах. И в городе Аммане, и в деревнях люди вышли на улицы, они кричали и аплодировали, когда мимо одно за другим проходили подразделения. Женщины и дети выбегали на плоские крыши, высовывались из окон, и их пронзительные вопли и громкие восклицания заглушали рев и грохот машин и приветственные крики мужчин, толпившихся у дороги. Войска тоже были в приподнятом настроении. Сидя в грузовиках, одни солдаты кричали и хлопали в ладоши, другие смеялись

и махали толпе руками. Многие машины были украшены зелеными ветками и розовыми цветами олеандра, сорванными на обочине. Это больше походило на карнавальное шествие, чем на армию, направляющуюся на войну.

Однако этим волнующим минутам предшествовали месяцы колебаний и споров. Чуть ли не до последней недели существования мандата оставалось неясным, состоится ли вторжение в Палестину. Вопрос о вооруженном вмешательстве был впервые поднят еще 9 июня 1946 г., во время совещания арабских лидеров в сирийском городе Блудане. Трансиорданский король Абдаллах поддержал эту идею. С ним согласились премьер-министр Ирака Салих Джабр и муфтий. Но цели их были различны.

Незадолго до этого, подписав договор с англичанами, Абдаллах стал королем и теперь стремился распространить власть своей династии на арабские районы Святой земли. Что касается остальной Палестины, он хотел достичь договоренности с евреями. Сирийцы же стремились захватить возможно большую часть северной Палестины, вырвав ее из-под контроля Арабского легиона. Проще всего были намерения муфтия. Он хотел изгнать евреев из страны и взять бразды правления в свои руки. Остальные арабские страны — Ливан, Ирак, Египет и Саудовская Аравия — в целом были против интервенции. Поскольку единства мнений достичь не удалось, решение о вторжении было отложено.

На последующих встречах также не было достигнуто взаимопонимания, хотя и был организован военный комитет. Как уже говорилось, в начале 1948 г., когда в Палестине начались вооруженные столкновения, Арабская лига поручила иракскому генералу Исмаилу Сафват-паше командо-

вание и подготовку "добровольцев". Однако лишь после того, как евреи захватили Хайфу и Тверию, Арабская лига потребовала от своих военачальников составить план интервенции регулярных армий арабских стран в Палестину. Но и тогда, как писал впоследствии иракский министр обороны, "члены Политического комитета были убеждены, что достаточно продемонстрировать [нашу] готовность сражаться, чтобы великие державы приняли сторону арабов, а евреи тем самым вынуждены были принять арабские требования".

К концу апреля стало ясно, что одной "готовности сражаться" недостаточно, чтобы блокировать решение о разделе. Евреи усилили военное давление на Яффо, самый крупный арабский город в Палестине. Если не считать района Иерусалима, военное преимущество было на стороне сионистов. Поэтому арабские начальники штабов провели экстренную встречу в Дамаске, чтобы выработать совместные меры. Согласно их стратегии, сирийская и ливанская армии должны были вторгнуться в северную Палестину и занять Тверию, Цфат и Назарет. После того, как эти части на севере вступят в бой с еврейскими войсками, иракская армия и Арабский легион нанесут основной удар южнее озера Киннерет в направлении Хайфы. В соответствии с планом, четыре армии должны были взять этот город в ходе совместной операции 21 мая. Что касается египтян, то в этот период войны они должны были главным образом отвлекать противника и сковывать еврейские силы к югу от Тель-Авива.

Эта программа не была реализована. Абдаллах, у которого были свои планы относительно восточной Палестины, был совершенно не заинтересован в совместных действиях и последующем расчленении страны. Так или иначе, эти расчеты потеряли

всякий смысл после того, как Хагана нанесла поражение Арабской армии освобождения Каукджи на севере. В первую неделю мая евреи закрепились в Верхней Галилее; коммуникационные линии, связывавшие Галилею с Хайфой, были надежно защищены. Цфат, который должен был стать базой сирийской армии, оказался в руках палмаховцев Аллона. В итоге тщательно разработанный арабами план пришлось заменить договоренностью общего характера, согласно которой иракцы, находясь на фланге Арабского легиона, должны были вторгнуться в северные районы центральной Палестины, а сирийской бригаде следовало двинуться на юго-восток от Тверии, в то время как северные районы отводились для действий не полностью укомплектованной ливанской дивизии. Наконец, египтяне должны были выступить на юге Палестины.

Арабы столкнулись с трудностями тылового обеспечения. Расстояние от Багдада до Хайфы составляет 700 миль. Маршруты снабжения египетской армии растянулись на 250 миль и проходили через пустыню. Даже Арабскому легиону пришлось преодолеть 80-90 миль, чтобы добраться до палестинского фронта. По пути через Иорданскую долину легиону пришлось сначала спуститься, а потом подняться на высоту 4 тысяч футов. Перед началом наступления арабы очень плохо представляли себе условия местности — настолько плохо, что в генеральных штабах у сирийцев и египтян не было ни одной военной карты Палестины и приходилось пользоваться школьными географическими картами и советами проводников. Не было у арабов и сколько-нибудь серьезного объединенного командования. 14 мая, исходя из признанного в арабском мире военного превосходства Арабского легиона, Абдаллах объявил себя главнокомандующим. Однако это

был всего лишь почетный титул. Никакого взаимодействия между арабскими армиями не было. Собственно говоря, и сам хашимитский монарх признал это в беседе с иракским министром внутренних дел Мухаммадом Фадилем ал-Джамили, который в день, когда началась война, находился в Аммане. "За обедом король сказал мне, что избран главнокомандующим арабских армий, — вспоминал Джамили, — но об арабских армиях он ничего не знает и затребованной им информации не получил".

Евреи противостоят вторжению

Если бы арабы знали о том, в каком состоянии находится оборона у евреев, у них бы не было таких колебаний. К 12 мая Хагана мобилизовала всего 30 тысяч человек. Количественно эти силы не намного уступали арабским войскам, брошенным на палестинский фронт: египтяне выставили 10 тысяч человек, Арабский легион — 4,5 тысячи, сирийцы — 7 тысяч, иракцы — 8 тысяч и ливанцы — 3 тысячи. Однако сила арабов, какой бы ограниченной она ни была, заключалась, прежде всего, в их огневой мощи и самолетах. В начале кампании у евреев не было ничего подобного. Недостаточная глубина обороны на всех четырех фронтах не позволяла им отступать. Структура еврейского генерального штаба оставалась несовершенной. Бен-Гуриону приходилось передавать приказы старшим командирам через гражданского посредника — Исраэля Галили[72]. Вся эта система оставалась еще с тех времен, когда Хагана выполняла идеологические функции и была организацией самозащиты поселенцев.

Евреи могли возлагать надежды главным образом на преданность и боевой опыт своих солдат.

Важную роль в этот период сыграл Игаэль Ядин. Археолог по образованию, Ядин с юности участвовал в секретных акциях Хаганы, в операциях против арабских партизан и нападениях на английские военные объекты в Палестине. На подпольных командирских курсах он продемонстрировал блестящие способности и инициативу, быстро продвинулся в военной иерархии и в последние годы мандата стал начальником оперативного отдела Хаганы. В 1948 г. ему было поручено взять на себя командование еврейскими силами обороны. Высокий, рано облысевший тридцатилетний человек, археолог, обладавший фотографической памятью и в мельчайших подробностях знавший рельеф Палестины, Ядин принял это назначение. Подчиненные ему командиры бригад были того же возраста и обладали не меньшим боевым опытом. На этот раз, правда, перед ними стояла задача небывалой трудности. И еврейские агенты, и платные информаторы в соседних арабских странах — все подтверждали, что вторжение неминуемо. Необходимо было как можно скорее выработать и реализовать общий план кампании.

Ядин тщательно распределил имевшиеся в его распоряжении силы. Три бригады из девяти были дислоцированы на севере. Две — оставлены на побережье для обороны Тель-Авива. На юге для обороны против египтян одна бригада была размещена в районе Реховота — Ашдода, другая — в северном Негеве. Наконец, две бригады должны были действовать в Иудейских горах — оборонять Иерусалим и вести бои за шоссе в "иерусалимском коридоре". В эти бригады были включены все 30 тысяч имевшихся в распоряжении бойцов. Хотя в последующие недели на службу было призвано еще несколько тысяч человек, к 14 мая численность

еврейских войск была невелика. Не хватало и оружия. В предшествующие месяцы его лихорадочно накапливали в европейских странах и за пределами Европы и даже доставили в Палестину, но выгрузка была запрещена англичанами до окончания мандата. Только после эвакуации британских войск удалось собрать станки, ввезенные в свое время как "текстильное оборудование", и наладить выпуск винтовок и гранат. К вечеру 14 мая разведка Хаганы приступила к обобщению данных. Трансиорданский Арабский легион был сконцентрирован в Иерусалиме и прилегающих деревнях. Части иракской армии расположились в центральной Палестине. На севере сирийцы и ливанцы продвигались к Галилее, в то время как другие сирийские части и иракцы наступали на еврейские поселения в Иорданской долине. На юго-западе две египетские бригады пересекли Синай.

Наименьшую угрозу для молодого еврейского государства представляла ливанская армия численностью от 3000 до 3500 человек. Ее офицерский корпус был укомплектован главным образом молодыми людьми из аристократических семей. Они, как и их правительство, больше заботились не о том, чтобы воевать, а о том, чтобы выглядеть как можно воинственнее. Самому ливанскому правительству приходилось трудно из-за конфронтации двух противоборствующих общин в стране — мусульманской и христианской, их отношение к только что возникшему еврейскому государству было различным. Через два дня после окончания мандата тысяча ливанских солдат захватила палестинский пограничный пост Малкия. Они были выбиты оттуда палмаховцами, однако 5 июня заняли Малкию снова, но дальше ливанские войска не двинулись до самого конца войны. Пожалуй, бо-

лее значительную угрозу представляла сирийская армия. До второй мировой войны ее подготовкой занимался генерал Максим Вейган, с 1945 г. в Сирии действовала британская военная миссия. К маю 1948 г. сирийская армия составляла 7 тысяч человек, однако солдаты ее не отличались храбростью. В армии не было генерального штаба, единственной боеспособной частью ее оказалась моторизованная бригада, которая и сыграла ведущую роль во вторжении. Главное преимущество сирийцев заключалось в технике. По сравнению с евреями, в начале войны они имели подавляющее превосходство в танках и артиллерии.

После 16 мая сирийская колонна, в которой было двести боевых машин, включая сорок пять танков, начала движение к южной оконечности озера Киннерет. Наступление было направлено на большие и богатые еврейские поселения по обе стороны реки Иордан. Колонна начала атаку на Дганию, самый старый киббуц Палестины. У евреев не было артиллерии, и они были не в состоянии остановить сирийцев. Из тяжелого вооружения к этому времени в хайфский порт были доставлены только четыре гаубицы того образца, который был на вооружении французской армии во время франко-прусской войны 1870 г. Две такие гаубицы были разобраны и экстренно доставлены в Дганию. Командир местной обороны подполковник Моше Даян едва успел организовать их сборку, когда в киббуц ворвались первые сирийские танки. Головной танк удалось подбить. Если бы сирийцы знали, что эти устаревшие орудия составляют половину еврейской артиллерии, они, может быть, и продолжили бы атаку. Но вместо этого боевые машины развернулись и обратились в бегство. Больше они не возвращались. После этого правительство Си-

рии и командование сирийской армии перешло к более осторожной тактике. В Дамаске (по традиции, унаследованной со времен французского мандата и явившейся результатом Парижской мирной конференции 1919 — 1920 гг.) предъявили территориальные претензии на некоторые районы Палестины. Особое значение имел "Галилейский палец", область в северо-восточной Галилее, обеспечивавшая доступ к дополнительным водным ресурсам. Кроме того, сирийцы хотели получить еще один район, расположенный южнее, — восточный берег озера Киннерет. И их дальнейшие военные действия были направлены на то, чтобы завладеть этими территориями.

Иракцы воевали ничуть не лучше сирийцев. В их армии, дислоцированной до 15 мая вдоль палестинской границы на территории Трансиордании, насчитывалось 8 тысяч человек, из них — 3500 пехотинцев. В день окончания мандата иракские части попытались форсировать Иордан в районе Бейсана. Операция окончилась неудачей. Затем командующий, генерал Тахир, отвел их из этого района и разместил в "треугольнике" Самарии — подразделения иракцев, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, были рассредоточены по Самарии, включая Дженин и Тул-Карм, всего в одиннадцати милях от средиземноморского побережья. Партизаны Каукджи контролировали гору Гилбоа и соседние арабские деревни, тем самым прикрывая иракцев. 28 мая евреи уничтожили этот заслон и завладели северной вершиной горной гряды.

Однако пять дней спустя атака евреев на Дженин была отбита подоспевшими иракскими подразделениями. Через два дня была отбита и вторая атака. Но сами иракцы переходить в контрнаступление не собирались, с этого момента и до перемирия 11

июня они только удерживали занятые ими позиции. Если бы в первые дни войны иракские части продолжали продвигаться вперед, не исключено, что им удалось бы захватить центр страны, разделив территорию молодого еврейского государства на две части. Но призванным в армию иракским крестьянам явно не хотелось воевать — и неоднократно приходилось видеть убитых иракских артиллеристов, прикованных к своим орудиям.

Израиль сохраняет равновесие сил

Во время Войны за Независимость главные сражения происходили на юге, где египтяне наступали вдоль побережья, и в Иудейских горах во время осады Иерусалима Арабским легионом. Как ни парадоксально, до 6 мая командование египетской армии считало, что можно ограничиться действиями добровольцев и партизан Мусульманского братства в южной Палестине. Когда был получен приказ перебросить на фронт две бригады, генерал-майор Ахмад Али ал-Муави, командующий египетским экспедиционным корпусом, заявил правительству, что войска находятся в ужасающем состоянии. Ответственность за это, безусловно, нес штаб армии. Между офицерами и рядовыми в египетских частях была такая же разница, как между фараоном и рабами. Премьер-министр Ноакраши-паша заверил ал-Муави в том, что воевать практически не придется, потому что еще до начала боевых действий в дело вмешается ООН. 2-я и 4-я египетские бригады общей численностью в 10 тысяч человек, имеющие на вооружении танки, были дислоцированы в Эль-Арише. 2-й бригадой командовал генерал Мухаммад Нагиб, начальником штаба был майор Абд ал-Хаким Амир.

Нагиб повел свои войска по прибрежной дороге по направлению к Газе и Тель-Авиву. 4-я бригада под командованием генерал-лейтенанта Абд ал-Азиза начала движение к Хевронским горам. 20 мая колонна Азиза прошла через бедуинский городок Беер-Шеву и, миновав Хеврóн, приблизилась к Бет-Лехему, в котором 22 мая египтяне соединились с Арабским легионом. После этого 4-я бригада повернула к киббуцу Рамат-Рахел, который находился на пути к населенному евреями иерусалимскому Новому городу. В это же время 5 тысяч человек под началом Нагиба не спеша двигались по прибрежному шоссе к Тель-Авиву. Тогда Ядин снял 2 тысячи человек из южной бригады с боевых позиций на иерусалимском шоссе. Эти войска, уже понесшие значительные потери в боях с Арабским легионом, нуждались в отдыхе и испытывали нехватку оружия. Однако Нагиб не подозревал о том, в каком неблагоприятном положении находятся евреи. В это время египтяне натолкнулись на неожиданно упорное сопротивление в киббуце Яд-Мордехай, жители которого в течение пяти дней выдерживали интенсивный артиллерийский обстрел, не оставляя боевых позиций. В течение этих пяти дней у Яд-Мордехая в военных действиях была занята почти половина бригады Нагиба, а один из египетских батальонов понес такие потери, что его пришлось отправить на переформирование. Столь яростное сопротивление встретило противника и в соседнем киббуце Негба, находившемся в нескольких милях от Яд-Мордехая, — там наступление египтян тоже было приостановлено. В конце концов генерал Нагиб решил обойти это поселение, однако Негба продолжала угрожать его флангу. Поэтому Нагиб продвигался вперед с большой осторожностью, а в шестнадцати милях от Тель-Авива

остановился.

Тель-Авив, население которого достигло четверти миллиона, к этому времени превратился в один из самых процветающих развивающихся городов Ближнего Востока. Он был уже в три раза больше иерусалимского Нового города, прежнего крупнейшего центра поселения евреев. Захват Тель-Авива означал бы военное поражение Израиля. Поэтому Ядин решил предпринять тактическое контрнаступление. 29 мая по его приказу подкрепления, прибывшие из "иерусалимского коридора", ночью окружили позиции Нагиба и атаковали египтян с тыла. Евреи, силы которых были в два раза меньше, чем египетские, использовали преимущества ночи и внезапности нападения не хуже, чем Саде и Уингейт в 30-е гг. В бригаде Нагиба началась паника, вызванная неожиданным появлением противника. Ядин удачно использовал растерянность египтян: он созвал пресс-конференцию и сообщил журналистам, что "преобладающие силы израильтян" перерезали египетские коммуникации. Эта "новость" была немедленно подхвачена информационными агентствами и вскоре достигла Каира. Как и рассчитывал Ядин, египетское командование поверило этому сообщению и дало Нагибу приказ срочно отходить. Недоумевающему генералу оставалось только подчиниться.

Неудача Нагиба стала переломным моментом в действиях египтян. Больше они уже не угрожали Тель-Авиву. Однако египетское правительство и командование были удовлетворены ходом кампании. К 11 июня, времени вступления в действие первого перемирия, заключенного по инициативе ООН, египетские войска находились на подступах к Иерусалиму и на расстоянии пушечного выстрела от Тель-Авива. Кроме того, они контролировали

основные дороги в Негеве. В то же время еврейские подкрепления, посланные на юг, потеряли почти 1200 человек убитыми и ранеными и остро нуждались и в оружии, и в отдыхе. Сионистские поселения в Негеве оказались в изоляции — их жителям угрожала голодная смерть.

Еще хуже было положение евреев в районе Иерусалима, осажденного трансиорданским Арабским легионом. Следует заметить, что и сионисты, и англичане всегда считали Абдаллаха самым сговорчивым из арабских лидеров. Действительно, он неоднократно давал понять, что его интересы в Палестине связаны исключительно с арабскими районами. Весной 1948 г. трансиорданский премьер-министр Тауфик-паша, находясь в Лондоне для заключения нового договора, сообщил Бевину, что в Аммане решено после окончания британского мандата направить Арабский легион за Иордан с ограниченной целью — оккупировать восточную Палестину, то есть области, отведенные арабам согласно резолюции ООН о разделе. Присутствовавший при встрече генерал Глабб вспоминал: "Я по сей день помню великолепную комнату и мистера Бевина, сидящего за столом. Когда я кончил переводить, он прервал речь Тауфика-паши и сказал: 'Это совершенно оправданный шаг'. Затем он добавил: 'Только не занимайте областей, отведенных евреям'. [Премьер-министр ответил:] 'У нас не хватило бы сил, даже если бы мы этого хотели'".

Абдаллах не скрывал своих намерений от Арабской лиги. На встрече с арабскими делегациями в Аммане 14 октября 1947 г. король заявил, что оставляет за собой свободу действий в Палестине. Ни при каких условиях не потерпит он особого палестинского правительства — с муфтием или без муфтия. Абдаллах не одобрял и использования пале-

стинских арабов в операциях против евреев. Двумя неделями раньше он изложил свои взгляды одному из доверенных лиц:

> Муфтий и Куватли [президент Сирии] хотят создать в Палестине независимое арабское государство во главе с муфтием. Если это произойдет, я буду со всех сторон окружен врагами. Это заставляет меня принять меры, чтобы помешать их плану. Поэтому мои войска займут районы, оставленные англичанами. Я не стану нападать на евреев, если они первыми не нападут на мои войска. Я не допущу бойни в Палестине. А после того, как будут восстановлены спокойствие и порядок, можно будет достичь и взаимопонимания с евреями.

Такое взаимопонимание как будто было достигнуто месяц спустя. Хашимитское королевство под британским покровительством в течение двадцати пяти лет существования поддерживало тесные экономические связи с евреями. Сам Абдаллах всегда высоко ценил возможности и энергию сионистов, не упуская из виду тех выгод, которые его маленький бедный народ мог извлечь из деятельности евреев по возрождению Палестины. За эти годы он обзавелся множеством друзей среди евреев и надеялся на заключение политического соглашения. Возможно, при этом понадобилось бы внести некоторые незначительные изменения в резолюцию ООН о разделе Палестины, например, предоставить Трансиордании право пользования хайфским портом и открыть палестинский рынок для сбыта арабской сельскохозяйственной продукции. Понятно поэтому, что в ноябре 1947 г. транси-

орданский монарх согласился на неофициальную встречу с г-жой Голдой Меерсон (Голдой Меир)[73]. Беседа, проходившая в дружественной атмосфере, состоялась в здании гидроэлектростанции Нахараим, расположенной на реке Иордан. Абдаллах сказал г-же Меерсон, что если ООН примет решение о разделе, он предполагает присоединить арабский сектор к своему королевству. Его собеседница не высказала никаких возражений, согласившись с королем в том, что "у нас общий враг — муфтий". Она добавила, что евреи не намерены нарушать границу, предусмотренную резолюцией ООН, и происходящее в арабском секторе их не касается.

Такое добрососедское взаимопонимание всегда проявлялось не только в отношениях между Абдаллахом и сионистами, но и прежде — в переговорах между евреями и братом Абдаллаха Фейсалом. В арабском мире это вызывало серьезное недовольство, позже начались прямые обвинения в "хашимитско-сионистском сговоре". "Из всех арабских лидеров глава хашимитской династии король Абдаллах особенно пришелся по душе сионистам, — писал иракский историк Мухаммад Удах. — По мнению ведущих сионистских авторов, одной из главных гарантий безопасности Израиля было то, что Абдаллах находился на иорданском троне". Даже после бесед Тауфика-паши с Бевином и Абдаллаха с г-жой Меерсон еще не было уверенности в том, что Арабская лига примет решение о вооруженном вторжении в Палестину. Лишь позже, 26 апреля, когда вопрос об интервенции был почти решен, Абдаллах в интервью сделал следующее признание: "Все наши попытки найти мирное решение палестинского вопроса закончились неудачей. Нам остается одно — война. Для меня будет честью

и счастьем спасти Палестину".

Абдаллах не рассчитывал на завоевание всей Палестины — в легионе было не более 4500 солдат, могущих принять участие в боевых действиях. Однако он надеялся на известный успех, поскольку в его распоряжении была артиллерия, а офицерские должности в легионе занимали англичане. Кроме того, за два дня до британской эвакуации Арабская лига пообещала Абдаллаху как главнокомандующему 3 миллиона фунтов. После того, как стало ясно, что война в Палестине неизбежна, король решил использовать имеющиеся у него преимущества и опередить другие арабские государства. Свою позицию он изложил г-же Меерсон во время второй секретной встречи с нею в Аммане 11 мая. В сопровождении сефарда Эзры Данина, уроженца Палестины, г-жа Меерсон, переодевшись крестьянкой, совершила полное опасностей путешествие в столицу Трансиордании. Абдаллах убеждал свою гостью в том, что следует отложить провозглашение еврейского государства и согласиться вместо этого на неделимую Палестину с автономными еврейскими районами. Г-жа Меерсон заявила, что это невозможно. Тогда король с некоторым смущением сообщил, что был бы рад сдержать свое обещание и не вторгаться на еврейскую территорию, однако теперь он — "лишь один из пяти", а потому "не имеет выбора и не может действовать иначе".

В ходе беседы г-жа Меерсон напомнила Абдáллаху, что евреи — единственные его друзья. "Я это знаю, — ответил король, — и сомнений на этот счет у меня нет. Я знаю [других арабов] и их 'добрые' намерения. Я твердо верю в то, что Божественное провидение возвратило вас — семитский народ, изгнанный в Европу и перенявший достижения европейского прогресса, — на семитский Восток, где

есть нужда в ваших знаниях и инициативе... Но ситуация сложилась серьезная, и вам не следует торопиться, чтобы не допустить ошибок. Поэтому я призываю вас проявить терпение". Г-жа Меерсон категорически заявила, что отложить провозглашение государства невозможно. "Мне очень жаль, — ответил Абдаллах. — Я сожалею о грядущем кровопролитии и разрушениях. Будем надеяться, что мы снова встретимся и наши отношения не пострадают. Если вы сочтете необходимым увидиться со мной во время военных действий, прошу вас, приезжайте сюда без колебаний". Когда г-жа Меерсон и ее спутник возвращались в Палестину, они увидели, как вдалеке тянутся в направлении фронта иракские батальоны на тяжелых грузовиках и мощная полевая артиллерия.

Абдаллах принял решение вступить в войну не только потому, что хотел развеять подозрения своих арабских соседей, но и потому, что всей душой желал заполучить Иерусалим — город, занимающий особое место в мусульманской истории. И действительно, захватив эту почитаемую святыню, хашимитский король компенсировал бы тем самым потерю Мекки и Медины, отобранных у его отца саудовской династией в 1925 г. Именно по этой причине Абдаллах выразил свое недовольство стратегическим планом Арабской лиги, согласно которому легион должен был действовать в северной Палестине и Хайфе. Он приказал своим войскам сосредоточить усилия на захвате Иерусалима и окрестностей, а также тех районов Палестины, которые по резолюции ООН были предназначены арабскому государству. Интересно, что это решение вызвало упорные возражения со стороны командующего легионом генерала Глабба. Англичанин сомневался в успехе боевых действий в Иеру-

салиме. Евреи, подчеркивал он, прекрасно владеют тактикой уличного боя. Вступив в такие схватки, легион не сможет использовать свои преимущества в тактической подготовке и мобильности. "У нас недостаточно солдат и совсем нет резервов, мы не можем позволить себе идти врукопашную", — настаивал Глабб, однако ему не удалось переубедить короля. Глабб настолько волновался из-за того, что ему придется вести сражение за Иерусалим, что, по его собственному рассказу, упал на колени и воскликнул: "О Господи! Мне не по плечу это дело. Молю Тебя, помоги мне!"

Однако, если Абдаллах проявил недальновидность, вступив в борьбу за Иерусалим, то Глабб тоже ошибался, переоценивая мощь еврейской обороны. Она была куда слабее, чем ему представлялось. Арабы контролировали все высоты в самом городе и вокруг Иерусалима. На этом участке фронта у них было 4500 солдат. У евреев было столько же бойцов, но почти безоружных. Половина сил Хаганы была направлена на защиту поселений в Иудейских горах — эти войска были отрезаны от Иерусалима. Ортодоксальное еврейское население в Иерусалиме было довольно многочисленно, однако ортодоксы были настроены фаталистически и не собирались сопротивляться. Если бы Глабб в этот момент знал, в каком отчаянном положении находится противник, он без колебаний бросил бы на Иерусалим все свои силы.

Битва за Иерусалим

Первые недели наступления трансиорданских войск чуть не оказались роковыми для 85 тысяч евреев Святого города, положение которых усугублялось тем, что арабы блокировали дорогу, веду-

щую из Иерусалима к побережью. 19 мая Абдаллах бросил свои подразделения в Старый город, исторический центр Иерусалима, где за сооруженными турками стенами жили арабы, армяне, греки и существовал небольшой еврейский квартал. В то же время 2 тысячи легионеров при поддержке артиллерии и под командой английских офицеров двинулись на Иерусалим с севера и вскоре заняли позиции вокруг города. Война еще только началась, а Арабский легион уже готовился к прорыву в населенный евреями Новый город.

Однако после десяти дней упорных боев меньшие по численности еврейские войска сумели оттеснить легион там, где он продвинулся наиболее глубоко, — в квартале Меа-Шеарим. 28 мая Глабб решил отказаться от наступления на Иерусалим с севера. Потери в некоторых трансиорданских подразделениях достигали 50 процентов, солдаты были деморализованы яростной стрельбой самодельных еврейских мортир. Арабы начали атаковать Иерусалим с юга. Египетским войскам в это время удалось соединиться с аванпостами легиона в Бет-Лехеме. 2 мая при мощной поддержке трансиорданской артиллерии египетская пехота пошла в наступление на киббуц Рамат-Рахел, находившийся на южных подступах к Иерусалиму. Завязался бой — самый ожесточенный бой за всю историю палестинской войны. На протяжении четырех дней маленький киббуц пять раз переходил из рук в руки. Солдаты, идя в штыковую атаку, шагали по грудам тел. И все-таки евреи — в основном бывшие члены Эцела — отстояли киббуц. По крайней мере, на какое-то время опасность, нависшая над Новым городом, потеряла свою остроту.

Однако еврейский квартал в Старом городе удержать не удалось. Ортодоксов, живших в этом рай-

оне грязных запутанных улочек и двориков, защищало всего одно подразделение Хаганы. 18 мая в Старый город на помощь им пробилась еще одна рота. Затем в течение недели другие подразделения Хаганы пытались прорвать кольцо окружения, но каждый раз их останавливала трансиорданская артиллерия. 28 мая еврейский квартал был захвачен. Известие об этом глубоко поразило евреев Палестины. Ведь Старый город всегда почитался как место, где некогда стоял древний Храм. Здесь находилась Стена Плача. Сюда совершали паломничество ортодоксальные евреи со всех концов мира. Впоследствии еврейство горько скорбело об этой утрате и осквернении иудейских святынь.

Однако с военной точки зрения израильское командование должно было больше беспокоиться о судьбе Нового города и его еврейского населения. Арабам пока не удавалось провести фронтальное наступление и захватить новые районы Иерусалима. Однако в начале июня способность города выстоять начала вызывать серьезные опасения. За три с половиной недели войны по Иерусалиму было выпущено 10 тысяч снарядов, в результате чего было разрушено около 2 тысяч домов и других построек и пострадало 1200 мирных жителей. Поскольку шоссе Тель-Авив — Иерусалим было блокировано, боеприпасы у защитников города кончались. Только благодаря твердости и решительности военного губернатора Иерусалима Дова Иосефа[74] большинство жителей в какой-то мере соблюдало дисциплину — исключение составляли только не слишком мужественные представители ортодоксальной общины. Выдержка мирного населения была чрезвычайно важна — ведь даже водопровод, соединявший Иерусалим с побережьем, долгое время не действовал, и жителям города при-

ходилось выстаивать в длинных очередях, чтобы получить ограниченное количество питьевой воды. Реальной была и угроза голода. В бедных кварталах, где жили сефарды и восточные евреи, дети просили подаяние у прохожих на улице. После долгих и мучительных споров с Ядином Бен-Гурион в конце концов настоял на том, чтобы армия целиком переключилась на снятие блокады иерусалимского шоссе.

С этой целью 23 мая с севера был отозван самый авторитетный командир израильских войск Игал Аллон. На него была возложена ответственность за штурм Латруна[75], в районе которого арабы перекрыли шоссе. Еврейские силы получили пополнение из числа новых иммигрантов, не имевших никакого боевого опыта и не прошедших военной подготовки. Новобранцев срочно доставили из Тель-Авива на автобусах и в такси. 25 мая, в разгар удушающего хамсина[76], полковник Шломо Шамир повел войска в атаку. Без предварительной разведки, без поддержки артиллерии еврейская пехота была брошена в наступление. 4-й полк Арабского легиона, занимавший позиции на окружающих высотах, открыл огонь из пушек и мортир. Евреи понесли тяжелые потери и отступили. В последующие дни они еще несколько раз возобновляли атаку, но безрезультатно. Под Латруном надежды евреев на то, что удастся прорвать блокаду Иерусалима, потерпели крах.

Оставался только один выход — наладить другие коммуникационные линии между побережьем и Иерусалимом. Уже до этого в течение нескольких недель полковник Давид Маркус, выпускник Уэст-Пойнта, пошедший на войну добровольцем и командовавший войсками в районе шоссе, воспользовался тропой к югу от Латруна и Баб ал-Вада для

переброски пехоты через горы в Иерусалим. Маркус предложил расширить эту дорогу, чтобы по ней могли двигаться автомобили. После того, как Ядин одобрил этот план, сотни рабочих из Тель-Авива начали расчищать ее от валунов и подрывать динамитом выступы скал. Несмотря на палящий зной, — времени на отдых не было — 11 июня вступало в силу перемирие. После этого работа была бы невозможна, и если бы к этому моменту не удалось закончить эту так называемую Бирманскую дорогу, в Иерусалиме начался бы голод. Наконец, к 9 июня дорога через иерусалимские холмы была проведена. По этому усеянному колдобинами и ямами пути пошли первые грузовики с продуктами и водой. Через несколько часов они были уже в Иерусалиме, где их восторженно приветствовало еврейское население.

Первое перемирие

В Совете Безопасности против резолюции о прекращении огня неизменно голосовал представитель Великобритании сэр Александр Кадоган. Более того, участвуя в дискуссиях в ООН, Кадоган вообще избегал слова "Израиль", говоря о новом государстве, он использовал выражение "еврейские власти в Палестине". Заинтересованный в победе арабов, как в своей собственной, британский представитель отказывался голосовать за прекращение огня до тех пор, пока арабские армии окончательно не потеряли боеспособности. Даже после этого он согласился только на то, чтобы ООН назначила посредника, полномочного давать рекомендации по урегулированию конфликта. Это компромиссное предложение было одобрено Советом Безопасности 20 мая, а на следующий неделе на Ближний Восток прибыл представитель ООН шведский дипломат

граф Фольке Бернадот[77]. Арабы уже были готовы согласиться на перемирие, но евреев не устраивало требование Бернадота ограничить иммиграцию на время прекращения огня, то есть на месяц. В результате был достигнут компромисс: вводился запрет на дополнительные поставки оружия, а мужчин-иммигрантов призывного возраста было решено разместить в лагерях под наблюдением ООН. Как выяснилось впоследствии, ни одна из сторон не соблюдала этих ограничений. Все боевые действия должны были быть прекращены 11 июня.

По выражению одного из израильских военных, для измученных солдат перемирие было "манной небесной". И у арабов, и у евреев силы были на исходе. В стратегическом отношении арабы мало чего добились. Сирийцы удерживали плацдарм на израильской территории, но он был невелик. Арабский легион захватил Старый город, однако это едва ли имело стратегическое значение. Египтяне закрепились в безлюдной пустыне Негев. Если перед началом войны у арабов существовало нечто вроде объединенного командования, то во время боевых действий оно никак не проявило себя. Например, когда сирийцы наступали на Самах, иракцы в шести милях к югу атаковали Гешер, но ни те, ни другие не позаботились о координации действий. Во время затишья на фронтах начальник иракского штаба генерал Салах Саиб ал-Джабури представил своему правительству пространный доклад, в котором предупреждал, что за время перемирия евреи значительно укрепят свою армию, и требовал, чтобы арабы немедленно объединили силы.

Действительно, такая попытка была предпринята. По собственному почину иракцы предложили пост главнокомандующего генералу ал-Муави, возглавлявшему египетский экспедиционный корпус.

Узнав об этом предложении, Абдаллах сразу же высказался против него. Причина заключалась в том, что хашимитский монарх в это время уже потерял интерес к войне и не хотел ее продолжать. Его армия понесла тяжелые потери. Надежд на территориальные приобретения в Палестине у короля почти не осталось. Как вспоминал Глабб, когда он попросил у правительства подкрепления, он получил резкий отказ. "Боевых действий больше не будет! — сказал мне [премьер-министр Тауфик-паша], грозя пальцем. — Больше не будет! Мы с Ноакраши-пашой [египетским премьер-министром] пришли к общему мнению, а раз уж мы договорились, остальным придется нас послушаться. Нет! Боевых действий больше не будет!" Комментируя эту речь, Глабб мрачно отмечает, что месячная передышка была упущена. Правда, другие арабские лидеры успешно воспользовались перемирием. Иракские силы в Палестине были увеличены до 10 тысяч человек, на фронт доставлено много нового снаряжения. Сирийцы и египтяне провели мобилизацию, в начале июля численность арабских регулярных войск в Палестине увеличилась с 32 до 45 тысяч.

Перед окончанием перемирия в Каире состоялось заседание Политического комитета Арабской лиги. Во время этой встречи Тауфик-паша энергично возражал против возобновления военных действий. Хотя большинство арабских начальников штабов втайне были согласны с ним, его никто не поддержал. Решение принимали политики, а они полагали, вероятно, что, согласившись на продолжение перемирия, нанесут ущерб своей репутации. Египетский премьер-министр Ноакраши-паша опасался, что в этом случае его правительство потеряет власть. Однако события показали, что арабские

государства, дав евреям передышку и возобновив после месяца перемирия военные действия, обрекли себя на поражение. "Эти правительства не сумели достойно ни вступить в войну, ни выйти из нее", — ядовито заметил впоследствии Муса ал-Алами.

Евреям было легче решить, продолжать ли борьбу. К началу перемирия позиции их никак нельзя было назвать прочными. Правда, вражеские армии были остановлены, но более трети всей территории, отведенной по резолюции ООН Израилю (прежде всего, Негев), находилось в руках арабов. На западном берегу Иордана сирийцы по-прежнему угрожали безопасности Галилеи, а в центре страны иракцы стояли всего в двенадцати милях от средиземноморского побережья. Наконец, оставалась под угрозой узкая дорога на Иерусалим, и снабжение еврейского населения продовольствием, водой и лекарствами все еще находилось под ударом. Молодая израильская армия испытывала нехватку резервов и оружия. Катастрофа могла произойти на любом из направлений, где она держала оборону. Поскольку семьям солдат оказывалась лишь незначительная помощь, поступавшая нерегулярно, боевой дух войск оставлял желать лучшего.

Согласно условиям перемирия, обеим сторонам было запрещено формировать новые подразделения. В Иерусалим было позволено доставить продукты и воду в количестве, которого хватало лишь на месяц. Однако израильское командование не собиралось соблюдать эти ограничения, поскольку считало, что это равносильно самоубийству. В Иерусалим одна за другой прибывали транспортные колонны с продовольствием и лекарствами. Продолжалась и мобилизация, темпы которой резко увеличились в начале июля. На полную мощность работали оружейные мастерские, изготовлявшие

патроны, гранаты и снаряды для мортир. На побережье тайно разгружались суда с боеприпасами. К этому моменту в Израиль начали поступать более крупные партии оружия. Еще до окончания мандата чехословацкое правительство выразило готовность продать евреям продукцию военных заводов "Шкода". На это решение повлияли различные факторы — политические (поддержка Израиля Советским Союзом), гуманитарные (традиционное для Чехословакии сочувствие к беженцам) и экономические (поставки оплачивались в долларах). 20 мая чехи предоставили в распоряжение евреев военный аэродром, который превратился в центральную в Европе транзитную базу Израиля по перевозке оружия. Между двумя странами были налажены регулярные рейсы транспортных самолетов, доставлявших в Израиль детали для монтажа истребителей, орудия, а также стрелковое оружие и боеприпасы. Самолеты прибывали и из других стран. Ветераны военно-воздушных сил нелегально перегоняли из Англии и Соединенных Штатов бомбардировщики и истребители. На каждые два самолета, благополучно приземлившиеся в Израиле, приходилось по одному разбившемуся или задержанному по пути. В страну стали поступать тысячи тонн боеприпасов, военного оборудования и обмундирования. Часть поставок была куплена, часть — пожертвована евреями разных стран.

Французское правительство и в этот момент не оставило Израиль без помощи. Франция продавала евреям большое количество оружия. Это оружие хранилось на пустующих аэродромах французских ВВС и поблизости от французских арсеналов. Там же проводилась военная подготовка личного состава. Самолеты, летевшие в Израиль, заправлялись горючим на аэродромах Корсики. Премьер-

министр Франции не мешал агентам Эцела проводить набор добровольцев и закупку оружия на территории страны. Именно благодаря этому Эцел приобрел американский транспортный корабль, пришедший в начале мая во Францию. Судно бросило якорь неподалеку от Марселя и приняло на борт сотни европейских и североафриканских евреев призывного возраста и большую партию оружия, которое после вмешательства премьер-министра Франции было передано израильтянам бесплатно. Начальник штаба французской армии генерал Руан и генеральный инспектор полиции Вейбо позаботились о том, чтобы в момент отплытия судна ему не чинили никаких препятствий. Планировалось, что корабль, названный "Альталена" (литературный псевдоним В.Жаботинского), совершит несколько рейсов между Францией и Израилем для перевозки добровольцев и оружия. 29 мая "Альталена" вышла из Марселя. На борту корабля находилось 500 человек, 5 тысяч винтовок, 450 пулеметов и патроны. Когда началось перемирие, "Альталена" еще была в море.

Бен-Гурион дал согласие на то, чтобы судно бросило якорь у израильского берега 20 июня. Конфликт возник из-за того, что Эцел потребовал передать 20 процентов оружия его бойцам. Премьер-министр наотрез отказался поступиться авторитетом израильского правительства. Когда капитан "Альталены" попытался пристать к берегу к северу от Тель-Авива, между регулярными войсками и Эцелом завязалась перестрелка, продолжавшаяся несколько часов. На "Альталене" вспыхнул пожар, 10 человек были ранены и 18 погибли (среди них был и Аврахам Ставский, которого судили в 1933 г. за убийство Арлозорова). Был нанесен ущерб грузу. После этого поставки оружия из Франции

прекратились. Кроме того, возобновилась ожесточенная борьба между израильскими правыми и социалистами, входившими в правительство. Эта борьба осложняла политическую жизнь государства в течение целого поколения. Непосредственным результатом истории с "Альталеной" стало решение правительства об аресте ряда руководителей Эцела и роспуске его формирований, входивших в состав регулярной армии.

Бен-Гурион был полон решимости добиться единства и дисциплины в войсках. Он объявил, что впредь намерен отдавать распоряжения непосредственно, а не через Исраэля Галили, гражданского посредника Хаганы. Он стремился назначать командирами офицеров, служивших ранее в палестинских частях английской армии. Не удивительно, что эти решения Бен-Гуриона чуть было не вызвали мятежа в Палмахе и Хагане и стали причиной недовольства командиров, включая Игаэля Ядина. Однако после долгих дискуссий премьер-министр, несмотря на все препятствия, в главных пунктах настоял на своем. Была введена военная форма и установлены высокие оклады для офицерского состава. За месяц перемирия новобранцы прошли интенсивную подготовку и освоили новые виды оружия. Это оружие начало в больших количествах поступать из Европы и Америки, и армия, насчитывавшая теперь 60 тысяч человек, постепенно приобрела черты современной грозной силы. На многие месяцы и даже годы она стала решающим фактором в политической жизни Ближнего Востока.

Между тем, египтяне готовились нанести первый удар. 8 июля, еще до окончания перемирия, генерал Нагиб возобновил наступление на Негбу, ключевой пункт израильской обороны на южном направлении. Однако за месяц евреи успели укрепить Негбу и перебросить туда артиллерию — многократные атаки египтян не имели успеха. Затем евреи перешли в контрнаступление на одном из участков фронта и освободили несколько деревень в северо-западном Негеве, оттеснив египетские войска. Вскоре в штабе Ядина стало ясно, что серьезная угроза со стороны египтян миновала. Активные действия против них можно было отложить на будущее.

На севере сирийцы ограничились тем, что укрепились в поселении Мишмар ха-Ярден, откуда могли вести артиллерийский обстрел шоссе. Другими плацдармами на еврейской территории они больше не располагали. Более серьезную угрозу представляли 2 тысячи арабских партизан под командованием Фаузи ал-Каукджи — они дислоцировались в горах Нижней Галилеи. Однако евреи решили и эту проблему, осуществив в недельный срок энергичную операцию и захватив арабский город Назарет и окружающие деревни. В это время направление главного удара израильтян было нацелено на удерживаемый Арабским легионом район Лод — Рамла, который клином входил в расположение еврейской армии. Этот клин всего в 11 милях до Тель-Авива угрожал рассечь еврейскую территорию пополам и позволял арабам контролировать главные дороги Палестины, соединяющие север с югом и запад с востоком, в частности, начало "иерусалимского коридора". В том же рай-

оне находился и единственный крупный аэропорт страны. 9 июля две бригады под командованием Игала Аллона начали наступление на арабские позиции. В результате боев, продолжавшихся сутки, арабы были окружены. 11 июля соединение механизированной пехоты под командой подполковника Моше Даяна захватило Лод и международный аэропорт. На следующий день колонна джипов появилась в Рамле. Солдаты Даяна, не сбавляя скорости, ворвались на главную улицу города и открыли пулеметный огонь. Арабские легионеры бежали. После столь впечатляющей победы евреев арабы уже не могли угрожать району Тель-Авива. Одновременно была открыта еще одна — пусть и небезопасная — дорога на Иерусалим, а наиболее важные пересечения шоссе в Палестине были отбиты у арабов. Правда, последующие попытки Аллона обойти с флангов Латрун не привели к успеху. Однако от внимания Глабба не ускользнуло то обстоятельство, что после возобновления военных действий евреи непрестанно атакуют, а арабы только обороняются, — иными словами, все обстоит иначе, чем в первый период войны.

Кроме того, к середине июля Глабб, не сумевший удержать Лод и Рамлу, утратил авторитет в глазах Абдаллаха. Поэтому, как только вступило в силу второе перемирие, король отправил своего английского командующего в Европу "на отдых". Как и сам Глабб, Абдаллах теперь помышлял только об обороне и сосредоточился исключительно на защите своих позиций в Иерусалиме и окрестностях. После этого Арабский легион перестал играть существенную роль в палестинской кампании. Изменчивое военное счастье отвернулось не только от Абдаллаха, но и от его английских покровителей. В первый день после прекращения перемирия, 9

июля, арабские правительства отклонили предложение о прекращении огня, надеясь на успех своих армий. Эту иллюзию разделяло и правительство Великобритании. Однако 12 июля до Лондона дошло известие о том, что евреи овладели аэропортом в Лоде, что израильский "военный корабль" (а на самом деле, спешно переоборудованное транспортное судно) обстрелял ливанский город Тир, а три "летающих крепости", только что полученные евреями, по пути из США в Израиль сбросили бомбы на Каир. После этого, следуя экстренным инструкциям из Лондона, Кадоган потребовал от Совета Безопасности немедленно добиться прекращения огня, а в противном случае применить против Израиля санкции. Это предложение было единогласно принято 15 июля: боевые действия должны были быть приостановлены через три дня. В это время Глабб, находившийся в Лондоне, имел беседу с Бевином. "[Министр иностранных дел] начал разговор с того, что стал горько сетовать на арабов, — писал впоследствии Глабб. — Он помогал им, как мог, а они в ответ только жаловались да склочничали". Бевин не мог смириться с тем, что к 18 июля Израиль, увы, займет куда бо́льшую территорию Палестины, чем ему отводилось в соответствии с резолюцией ООН, между тем как арабам удалось захватить всего лишь одно еврейское поселение Мишмар ха-Ярден и кое-какие земли, удерживаемые египтянами в Негеве.

Произошли и другие непредвиденные перемены — изменения демографического характера. В первые месяцы после принятия в ООН резолюции о разделе Палестины около 30 тысяч арабов решили покинуть страну. Как и во время гражданской войны 30-х гг., большинство эмигрантов составляли бизнесмены и их семьи, проживавшие в крупных го-

родах. Ликвидировав свои предприятия, они перевели деньги в египетские и ливанские банки и, не привлекая к себе внимания, уехали. Все остальные не собирались покидать Палестину. Напротив, после того как в Святую землю начали прибывать арабские добровольцы, а с ними и оружие, после первых побед Армии освобождения Каукджи в начале 1948 г. арабы Палестины почувствовали себя вполне уверенно.

Как уже говорилось, позже, в апреле — мае 1948 г. в Палестине наметился перелом в пользу евреев, которые взяли под контроль основные дороги страны, захватили важнейшие города и главные коммуникации (за исключением иерусалимского шоссе и отдельных районов Галилеи). В то же время, после эвакуации англичан в арабских общественных учреждениях воцарился хаос. Снова началась эмиграция арабских семей — на этот раз из страны бежали чиновники, мухтары (старосты) деревень, судьи и кади. За ними потянулись тысячи феллахов и городских жителей. На этом этапе арабского исхода особенно драматические события разыгрались в Хайфе, где проживало примерно 70 тысяч арабов. Арабские бизнесмены покинули город сразу после принятия резолюции о разделе. Уже в феврале — марте архиепископ Жорж ал-Хаким, примас греко-католической церкви, организовал отправку большой группы арабских детей в Дамаск и Бейрут. К концу марта из Хайфы выехало около 25 тысяч человек. Еще 20 тысяч покинуло город в начале апреля после того, как началось наступление Каукджи и распространились слухи о том, что арабская авиация собирается бомбить еврейские кварталы на горе Кармел. Наконец, 21 апреля английский гарнизон ушел из города, и евреи захватили Хайфу.

Днем 22 апреля еврейский мэр Хайфы и его сотрудники встретились с лидерами арабской общины. Во время встречи евреи просили арабов остаться в городе. До окончания мандата оставалось три с половиной недели, Соединенные Штаты уже не столь твердо поддерживали раздел Палестины, и евреи хорошо понимали, какое впечатление произведет на международную общественность массовая арабская эмиграция. Представители арабов, в том числе архиепископ ал-Хаким, поначалу согласились не покидать Хайфу, однако заявили, что им потребуется несколько часов для консультаций с Верховным арабским комитетом. В Ливан для встречи со сторонниками муфтия и представителями Арабской лиги были срочно отправлены курьеры. В тот же день мэру и другим руководителям еврейской общины был передан ответ: арабы и дня не останутся жить под еврейским господством, а поэтому просят отпустить их из города. Как подтверждают донесения американского консула, все попытки переубедить их были безуспешны. Арабское население — около 30 тысяч человек — за 36 часов покинуло Хайфу и отправилось в Ливан.

В других районах Палестины арабская эмиграция стремительно возрастала, а в последние недели мандата достигла 175 тысяч человек. Бегство объяснялось различными причинами, однако оно, безусловно, не было спровоцировано призывом, с которым к жителям Палестины якобы обратились арабские правительства, планировавшие начать вооруженную интервенцию в Святую землю. Хотя израильтяне после войны неоднократно ссылались на это распоряжение, следов его в документах Арабской лиги и в военных коммюнике того периода не обнаружено. Арабская печать и радио ставили перед собой скорее противопо-

ложную цель. За исключением городов, которые, как Хайфа, уже были захвачены евреями, Арабская лига предписывала палестинцам оставаться на местах, а против юношей призывного возраста, бежавших из страны, принимались суровые меры. Это распоряжение Лиги упоминалось даже в еврейских радиопередачах на иврите. В Рамалле командир Арабского легиона пригрозил жителям, что конфискует их имущество и взорвет дома, если они покинут город без разрешения. В какой-то момент ливанское правительство решило закрыть границу для всех палестинцев, кроме женщин, детей и стариков.

Самой очевидной из причин, которые привели к массовому исходу, был крах арабских политических структур в Палестине, последовавший в результате бегства арабских лидеров в тот момент, когда их присутствие в стране было особенно необходимо. Покинув Хайфу, иерусалимский Новый город, Яффо, Цфат и другие города, мухтары, судьи и кади нанесли своему народу серьезный удар. В силу полуфеодального устройства арабского общества неграмотные феллахи почти целиком зависели от владельцев земельных участков и кади, и стоило этой элите исчезнуть, как крестьяне очутились в общественном и культурном вакууме. Очевидно, под влиянием военных побед, одержанных евреями, страх усилился и ускорил эмиграцию. Кроме того, во многих случаях, например, во время сражения за "иерусалимский коридор", евреи, захватив арабские деревни, которые предположительно могли быть использованы арабами в военных целях, изгоняли местное население и взрывали жилые дома. Иногда арабские деревни становились базами для солдат Каукджи, что немедленно вызывало акты возмездия со стороны евреев.

Самая жестокая из этих карательных операций была проведена 9 апреля 1948 г. в деревне Дейр-Ясин, на подступах к Иерусалиму, Эцелом и Лехи. Жестокость, которую эти группы проявляли в своих действиях против англичан, с особой силой выразилась по отношению к арабам. После того, как деревня была захвачена, там было убито более двухсот арабов, взрослых и детей, а изувеченные тела брошены в колодец. Хотя командование Хаганы, а затем и еврейское правительство, арестовавшее виновных в расправе офицеров Эцела, немедленно осудили это массовое убийство, оно имело далеко идущие последствия. Известие об этом злодеянии быстро распространилось по всей Палестине, обрастая все новыми подробностями. Феллахам ничего не стоило поверить этим рассказам — им было отлично известно, как арабские террористы расправляются с мирными жителями-евреями. На улицах арабы открыто торговали фотографиями, запечатлевшими кровавую расправу. Кроме того, феллахам были известны слова Аззам-паши, сказанные перед началом арабского вторжения, о судьбе, ожидающей евреев: "Это будет война на уничтожение, беспощадная резня, которую будут сравнивать с монгольским нашествием и крестовыми походами". Неудивительно, что палестинские арабы ожидали подобного отношения и со стороны евреев. В то же время их лидеры давали широкую огласку всех действительных или вымышленных зверств сионистов, не задумываясь о том, какое действие окажет эта информация на арабское население. В апреле — мае арабы в ужасе бежали из деревень при приближении еврейских войск. Швейцарский наблюдатель Жак де Ренье так описывал панику арабов Яффо во время еврейского наступления:

> Страх мгновенно охватил всех, и вскоре эвакуация началась. Шоферы машин "скорой помощи" посадили в них свои семьи и уехали, позабыв о своих обязанностях. Больные в пижамах, медицинские сестры, врачи в халатах, покинув больницы, бежали из города. Все были одержимы одним стремлением — спастись любой ценой.

После 15 мая, когда в страну вторглись регулярные арабские армии, обстановка в арабской общине на короткое время стабилизировалась. О дружбе и сотрудничестве между временной гражданской администрацией и местными арабами сообщается в военных мемуарах ряда арабских офицеров, в том числе в воспоминаниях Насера[78], Абдаллаха ал-Теля, Камала ал-Дина Хусейна и Каукджи. Но эти отношения продолжались недолго — арабским армиям не удалось укрепить свое положение. К 11 июня, когда вступило в действие первое перемирие, около 250 тысяч арабов бежало из районов, которые контролировали евреи. Перейдя в наступление, и израильтяне изменили политику по отношению к местным арабам. Никто больше не уговаривал их остаться и приобщиться к благам, которые сулило еврейское государство. Наоборот, начав наступление после окончания перемирия, израильтяне в Лоде, Рамле и окружающих арабских деревнях способствовали тому, чтобы около 100 тысяч местных жителей обратились в бегство. Для этого применялся простой метод. Распространяя грозные предупреждения в арабских населенных пунктах, израильская армия еще до захвата их добивалась того, что все население бежало. К 9 июля число арабских эмигрантов достигло 300 тысяч. В начале осени, когда началось первое еврей-

ское наступление в Негеве, эмиграция продолжала возрастать. В это время даже самые оптимистически настроенные палестинские арабы вынуждены были признать, что еврейская республика, выстояв против вооруженного вторжения, показала, что и сама способна на жестокие и безжалостные военные действия.

После окончания вооруженного конфликта количество арабских беженцев с контролируемой Израилем территории составило, по оценкам ООН, примерно 720 тысяч человек (по оценкам евреев, около 600 тысяч), то есть 70 процентов арабского населения Палестины. Не все беженцы оказались за ее пределами. Около 240 тысяч арабов укрылось на востоке страны, в районах, оккупированных легионом. Еще 55 — 60 тысяч перебралось на другой берег Иордана, в Трансиорданию. Кроме того, 180 тысяч беженцев, первоначально оказавшихся на юге, теперь устремились в район Газы, то есть остались в пределах Палестины, вблизи от Синайского полуострова. Этим жителям Газы, брошенным на произвол судьбы, пришлось особенно тяжело. Не получая работы и жилья ни от египтян, ни от израильтян, они на протяжении целого поколения вынуждены были прозябать в условиях еще более ужасных, чем те, в которых находились еврейские беженцы в Европе, в лагерях для перемещенных лиц в 1945 — 1948 гг. Кроме беженцев, попавших в Газу и на территорию, оккупированную хашимитским королевством, почти 100 тысяч арабов эмигрировало в Ливан, 70 тысяч — в Сирию. Меньшие группы через Ирак и Египет перебрались впоследствии в страны Персидского залива. На первых порах бегство палестинцев отвечало интересам Израиля. Таким образом устранялась опасность "пятой колонны" в стране. Кроме того, тысячи семей

без всяких средств к существованию, наводнившие арабские государства, стали там причиной экономических сложностей и мешали ведению войны. Однако после ее завершения беженцы, в конечном счете, принесли арабским странам не меньше политических выгод, чем когда-то перемещенные лица сионистам.

Задолго до конца войны еврейское руководство ясно сформулировало свой подход к проблеме беженцев. Уже в апреле 1948 г., обращаясь к своим единомышленникам, Бен-Гурион заявил: "Арабы ошибаются, если думают, что ничего не потеряют, вступив в войну. То, что произошло в Хайфе и в Иерусалиме, может случиться и в других районах страны". Он откровенно говорил о "больших изменениях в составе населения". Затем, на заседании правительства 16 июня израильский премьер-министр высказал свою позицию еще более ясно: "Что касается возвращения арабов, я не только не разделяю мнения, что надо способствовать их возвращению... но и думаю, что их возвращение следует предотвратить... Война есть война... и тем, кто объявил нам войну, придется поплатиться за это после поражения". В ответ на призыв графа Бернадота разрешить арабам репатриироваться, Бен-Гурион, сознательно положив конец полувековым сомнениям сионистов относительно арабов, официально заявил 1 августа 1948 г.:

> Когда арабские государства выразят готовность заключить с Израилем мирный договор, вопрос [о беженцах] получит конструктивное решение в рамках общего урегулирования, причем во внимание будут приняты наше мнение об угрозе жизни и собственности евреев, долговременные интересы еврейского и

арабского населения, стабильность государства Израиль, перспективы мира между Израилем и его соседями, нынешнее положение и судьба еврейских общин в арабских странах, ответственность арабских правительств за развязывание агрессивной войны и их готовность выплатить репарации. Все это повлияет на то, как, в какой степени и при каких условиях будет позволено вернуться арабам, ранее проживавшим на территории Израиля.

Каковы бы ни были намерения Бен-Гуриона, стиль этого заявления разительно напоминает высказывания турецких дипломатов на конференции 1922 — 1923 гг. в Лозанне, когда они после войны с Грецией отказывались выплатить репарации этой стране. В 20-е гг. за этим последовал первый в истории Ближнего Востока грандиозный обмен беженцами. Эти события отчасти напоминают израильско-арабский конфликт, хотя судьба арабских беженцев впоследствии легла тяжким бременем на совесть израильской интеллигенции. В тот момент, когда Бен-Гурион делал свое заявление, угроза мусульманской ксенофобии нависла над большими еврейскими общинами, веками жившими в Северной Африке и исламских странах Ближнего Востока. В этих государствах преследование со стороны правительств, экономическое давление и погромы привели к тому, что в 1948 — 1957 гг. 467 тысяч евреев вынуждены были покинуть мусульманские страны, где некогда поселились их предки. Бóльшая часть этих беженцев оказалась в Израиле.

Предложение Бернадота

Учитывая намечающиеся демографические изменения и успехи в военных действиях, израильское правительство было заинтересовано в том, чтобы придать новому перемирию характер постоянного мира. Это перемирие, начавшееся 18 июля 1948 г., было результатом мер, предпринятых Организацией Объединенных Наций и ее представителем графом Фольке Бернадотом, и было введено путем давления, а не переговоров — государствам, которые отказались бы подчиниться, грозили суровые экономические санкции. Более того, перемирие было бессрочным. На время затишья, пока обе стороны продолжали обвинять друг друга, Бернадоту был предоставлен солидный штат сотрудников, в том числе 310 шведских, американских, французских и бельгийских военных наблюдателей и технический персонал, необходимый для обслуживания восемнадцати самолетов, четырех кораблей, сотен автомашин и множества радиопередатчиков. Этого было достаточно не только для наблюдения за исполнением условий перемирия, и Бернадот собирался использовать свой штат в лихорадочных попытках добиться постоянного урегулирования.

Посредник ООН был самого высокого мнения о себе как об организаторе переговоров. Этот опытный дипломат, связанный узами родства со шведской королевской семьей, свободно владел шестью языками. В годы второй мировой войны и после нее он был президентом шведского Красного креста. В этой роли Бернадот в последние недели войны вел переговоры с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, добиваясь от него освобождения узников нацистских лагерей смерти. Свою миссию граф выполнял с исключительной (а с точки зрения ев-

реев — непростительной) осторожностью и оглядкой, до последнего момента воздерживаясь от того, чтобы дать Гиммлеру гарантию неприкосновенности. Хотя тысячи евреев были перевезены на запад Германии, где их впоследствии освободили англичане и американцы, большинство заключенных в лагерях уничтожения, которые еще оставались в живых в апреле 1945 г., погибло в мае. Тем не менее, шведский дипломат полагал, что добился успеха, и позже без колебаний рассказал о том, как он спасал "своих" евреев от нацистских людоедов. Теперь же, летом 1948 г., Бернадот — пятидесятилетний энергичный, подтянутый, общительный человек — рассматривал ситуацию в Палестине как дело своей жизни и стремился от договора о прекращении огня перейти прямо к заключению мирного договора. Если бы он сумел этого добиться, у него были бы шансы получить Нобелевскую премию мира.

Его внимание было прежде всего направлено на быстроту и инициативу, а не на идеально справедливое решение. "Опыт последнего месяца, — писал Бернадот о первом перемирии в июне 1948 г., — постепенно привел меня к мысли, что резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 г., была неудачной... Искусственность границ государства Израиль, а также категорическое неприятие раздела Палестины и создания отдельного еврейского государства арабскими странами не могли не привести к осложнениям военного характера". Поэтому предложение посредника, которое он подготовил к 27 июня, заключалось в пересмотре резолюции ООН. Вместо двух независимых государств предусматривалось создание двух независимых "членов союза", в котором арабская сторона представляла собой не арабско-палестинское

государство, а расширенное Королевство Трансиорданию. Бернадот предлагал на первые два года снять ограничение на еврейскую иммиграцию. Затем право определять абсорбционные возможности Палестины передавались социально-экономическому совету ООН. Кроме того, посредник настаивал на том, чтобы все палестинские арабы вернулись домой, а их имущество было возвращено. Наконец, предлагалось передать Негев Трансиордании, а западную Галилею — Израилю. Иерусалим отходил к Трансиордании, но его еврейскому населению гарантировалась полная автономия. Хайфа и аэропорт Лода получали статус свободной зоны.

Предложение Бернадота было чревато многими осложнениями: оно сводило на нет анализ палестинской проблемы, полтора года проводившийся под эгидой ООН, вызвало гнев всех арабских стран, за исключением Трансиордании, привело в ярость евреев, которые провозгласили и защитили независимость своей части Палестины (включая и иерусалимский Новый город) вовсе не для того, чтобы теперь вернуть половину назад и утратить контроль над иммиграцией. Нет ничего удивительного в том, что Кадоган в Совете Безопасности оценил план посредника как реальный выход из "неразрешимой" ситуации насильственного раздела. С точки зрения Лондона, очевидное достоинство этого плана заключалось в том, что бóльшая часть Палестины должна была достаться английскому протеже Абдаллаху. А позицию Арабской лиги выразил офицер сирийского штаба Мухаммад Нимр ал-Хатиб: "Все эти посредники, по большей части, еврейские шпионы, — заявил он. — Это известно каждому". Арабские лидеры категорически отвергли план Бернадота, и Абдаллаху пришлось последовать их примеру. Израильское правительство от-

казалось даже обсуждать инициативу шведского дипломата. "По выражению, которое появилось на лицах тех, кто сидел рядом со мной, — писал Бернадот о тель-авивских переговорах, — я понял, что им глубоко несимпатично и мое предложение, и я сам". Убедившись, что обе стороны отвергли его план, посредник ООН решил на время оставить этот вопрос. В течение месяца после второго перемирия, с 13 августа по 16 сентября Бернадот побывал в Стокгольме, где в спокойной обстановке проанализировал ситуацию, а потом — на Родосе, где консультировался с персоналом своей миссии. "Евреи наглядно продемонстрировали, что не склонны к серьезному сотрудничеству, — сказал граф, — а арабы попросили меня дать им несколько недель, чтобы народные страсти немного поутихли".

К тому времени, когда посредник вернулся в Иерусалим, евреи отвоевали позиции, позволившие организовать надежную оборону, и Бернадот решил отказаться от своего плана отдать Иерусалим арабам и ограничить еврейскую иммиграцию. В его итоговом девяностостраничном докладе, составленном при участии сотрудников миссии и представленном в Совет Безопасности 16 сентября, первоначальные предложения были коренным образом изменены. Как отмечалось в документе, евреи создали свое государство и Израиль стал "живой, прочной и полной энергии реальностью". О политико-экономическом союзе уже не упоминалось, Иерусалим рассматривался теперь не как арабский город, а как международный анклав под контролем ООН. Бернадот по-прежнему считал, что следует передать арабам Негев, а также недавно захваченные евреями Лод и Рамлу. Однако в качестве компенсации к израильтянам переходила вся Галилея. Кроме того, в начале доклада посредник с

искренней озабоченностью писал о том, что "невозможно справедливое и полное урегулирование, если арабским беженцам не будет предоставлено право вернуться домой..." Однако, несмотря на продуманность и непредвзятость этого документа, он был с презрением отвергнут обеими сторонами.

На следующий день после того, как доклад был передан в ООН, а также арабским правительствам и правительству Израиля, три автомобиля, где были Бернадот и группа его коллег, выехали в штаб-квартиру посредника в здании YMCA, расположенном в иерусалимском Новом городе. Когда машины проезжали нейтральную зону, в которой можно было попасть под выстрелы арабских и еврейских снайперов, джип, неожиданно выскочивший из-за поворота, преградил им дорогу. В джипе сидели четыре мужчины в одежде цвета хаки и форменных кепи израильской армии. Трое выскочили на мостовую и подошли к машине Бернадота. Один из них несколько раз выстрелил в упор. Бернадот и еще один сотрудник ООН были убиты. Два дня спустя, 19 сентября, тело Бернадота было доставлено самолетом в Швецию. Потрясенное и испуганное этим убийством израильское правительство немедленно отдало распоряжение о розыске преступников. Поначалу подозрение пало на Лехи, но затем выяснилось, что убийцы принадлежали к еще более правой экстремистской группировке и считали шведского дипломата шпионом. Их так и не нашли. Однако по ходу розыска было арестовано более четырехсот членов "банды Штерна", в том числе их глава — Натан Фридман-Еллин. Многие из них находились в заключении до конца войны и даже в течение более длительного срока по обвинению в подстрекательстве к провокации. Перед судом, однако, предстали очень немногие,

что не ускользнуло от внимания шведского и других европейских правительств.

Трагедия Бернадота наложила особый отпечаток на восприятие его доклада. То, что первоначально рассматривалось просто как потенциальная возможность, превратилось в "политическое завещание" человека, отдавшего свою жизнь ради мира на Святой земле. Основываясь на этом документе, Бевин заявил в Палате общин, что "правительство всем сердцем поддерживает рекомендации графа Бернадота". В США государственный секретарь Маршалл также одобрил доклад посредника и призвал Генеральную Ассамблею принять его. У израильтян такое развитие событий вызвало самую серьезную озабоченность. План, согласно которому Израиль лишался Негева, а Иерусалим приобретал международный статус, был для англичан и американцев удобным средством давления на еврейское государство. Бен-Гуриону и его коллегам стало ясно, что Израилю придется упрочить свои позиции и предпринять новые решительные действия военного характера.

Битва за Негев

К 18 июля, началу второго перемирия, евреям удалось отбить у противника несколько деревень на северо-западе Негева. Однако бóльшая часть негевских поселений по-прежнему оставалась под контролем египтян. По мнению Ядина и его штаба, стратегические соображения требовали от израильтян наступления в пустыне. Теперь, после того, как возникла необходимость что-то противопоставить предложениям Бернадота, кампания в Негеве стала неотложным делом. Кроме того, поскольку египтяне представляли самую большую опасность

для еврейской республики, требовалось широкомасштабное наступление. В этой пустыне на юге Палестины египетские войска в той или иной мере контролировали три участка. Один из них тянулся вдоль берега от Рафиаха до Газы. Другой представлял собой полосу, проходившую с юга на север от ал-Ауджи к Бет-Лехему через Беер-Шеву и Хеврон. Эти два района соединяла еще одна полоса, шедшая с запада на восток вдоль дороги из Маджадла в Бет-Гуврин через Фалуджу. В тактическом отношении эти участки были чрезвычайно уязвимы, хотя египтяне перебросили туда дополнительно 15 тысяч солдат и мощную артиллерию.

По сравнению с первыми неделями боев еврейские войска — не в меньшей степени, чем египетские, — ощутимо выросли численно и получили немало оружия. К середине октября израильская армия насчитывала 90 тысяч человек, в том числе около 5 тысяч евреев-добровольцев и несколько сотен неевреев-наемников из-за границы, обладавших богатым боевым опытом. Все это время не прекращались поставки из Чехословакии и других стран: в Израиль прибывали истребители, танки, орудия, тысячи ящиков с винтовками и патронами, а также станки для оружейных заводов. В ходе подготовки к новому наступлению войска и оружие переправлялись на транспортных самолетах в северный Негев, где был построен аэродром. С августа и до конца октября 1948 г. таким образом было доставлено 2 тысячи тонн оборудования и 1900 бойцов. Под покровом ночи солдаты пробирались в расположенные за линией египетской обороны киббуцы — в конце концов таким образом там сосредоточилась целая бригада израильской армии. В это же время испытанные в боях северные бригады под командованием Игала Аллона подтягивались к

южному фронту. К середине октября Аллон располагал 30 тысячами бойцов, кроме того, в военных действиях должна была участвовать эскадрилья истребителей. Молодому военачальнику не терпелось вступить в сражение.

Такая возможность представилась 14 октября. С согласия ООН израильтяне направили на юг невооруженную транспортную колонну с продуктами для еврейских поселений. В районе пересечения дорог близ Фалуджи, контролируемом египтянами, головная машина колонны взлетела на воздух. Дело в том, что сами израильтяне незаметно от наблюдателей ООН начинили грузовики динамитом. Теперь у Аллона был подходящий предлог, и он решил незамедлительно действовать. Темп, в котором он начал наступление, ошеломил египтян. Израильские самолеты разбомбили за линией обороны противника базы и коммуникации, проложенные через Синай. В то же время бригада, тайно перемещенная в Негев, вывела из строя железнодорожную линию, ведшую к египетским складам боеприпасов, клином врезалась в позиции египтян и стремительно двинулась в сторону Бет-Хануна.

Но это был лишь отвлекающий маневр. Подлинной целью Аллона была Фалуджа, пересечение главных дорог пустыни Негев. На следующий день подразделения израильской пехоты пошли в атаку на египетские укрепления в Ирак ал-Маншия. Разгорелся жестокий бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Евреи захватили египетские позиции. 20 октября, в результате фронтального наступления, оплаченного дорогой ценой, солдаты Аллона захватили Хулейкат, укрепленный пункт, имевший стратегическое значение для египтян в верхнем Негеве. Линия обороны противника была прорвана — теперь 35-тысячные египетские силы

в районе Фалуджи оказались под угрозой удара и даже окружения. Однако у евреев почти не оставалось времени, чтобы воспользоваться плодами этой победы. Англичане, обеспокоенные развитием событий, внесли в Совет Безопасности резолюцию с очередным требованием о прекращении огня в Палестине. Она была принята. Евреи вынуждены были действовать быстро. Не задерживаясь на занятых позициях, Аллон решил использовать открывшийся перед ним путь на Беер-Шеву и направил три своих бригады ускоренным маршем на эту сонную арабскую "столицу" Негева. Египетский гарнизон был застигнут врасплох и сдался почти без сопротивления. Через два дня в соседний район Лахиша вошли моторизованные колонны израильтян.

На протяжении недели после 22 октября, когда постепенно входило в действие соглашение о перемирии, египтяне эвакуировали свои части из западного Негева на транспортных судах. Но и во время эвакуации они понесли тяжелые потери. Два военных корабля были пущены ко дну израильскими подводниками. Один из них, флагман египетского флота "Эмир Фарук", затонул у Газы с 700 солдатами на борту. Кроме того, 3 тысячи человек из отборных частей 4-й бригады были окружены к северо-западу от Фалуджи. В этом районе египтяне и евреи не соблюдали условий перемирия. 4-я бригада под командованием талантливого суданского генерала Таха-бея организовала оборону и стойко держалась в сужавшемся израильском кольце.

Показательна реакция союзников Египта на эту кризисную ситуацию. Вместо того, чтобы атаковать евреев на другом фронте и таким образом ослабить натиск на Фалуджу, Глабб направил подразделения легиона в Бет-Лехем и Хеврон, которые он хотел "спасти" для хашимитского королев-

ства. Легионеры заняли район, оставленный египтянами. 23 октября главы правительств арабских стран встретились в Аммане и с соблюдением всех формальностей обсудили вопрос о том, как спасти египтян. Встреча эта напоминала фарс. Абдаллах так рассказывал об этом в воспоминаниях:

> Обратившись к Ноакраши-паше [египетскому премьер-министру], я сказал: "Послушаем, что скажет его превосходительство". Он ответил буквально следующее: "О Боже, я приехал сюда слушать, а не говорить". Я заметил: "Думаю, что при нынешних обстоятельствах вы, ваше превосходительство, должны были бы говорить — ведь Беер-Шева пала, а ал-Фалуджа в осаде". "Кто это сказал? — ответил он. — Египетская армия пока удерживает свои позиции... Египетскому правительству не нужна ничья помощь. Но где же королевские иорданские и иракские войска? Все мы знаем, что от сирийских войск нет никакого прока". Так было сказано в присутствии Джамиля Мирдам-бея, который все это слышал.

Наконец Глабб предложил план, согласно которому два иракских батальона и один батальон Арабского легиона должны были атаковать еврейские позиции в районе Бет-Гуврина. В это время окруженная в Фалудже египетская бригада, выведя из строя свое тяжелое вооружение, должна была выйти из окружения по тайной тропе, известной некоему английскому майору Локхиду, служившему в легионе и уже наладившему связь с Таха-беем. Однако египетский штаб немедленно отклонил эту идею. Мало того, что по плану Глабба нужно было

бросить артиллерию, — план этот был предложен англичанином.

В то же время израильский командир Игал Аллон по собственной инициативе решил вступить в переговоры с Таха-беем. Встреча состоялась в киббуце Гат, в двух милях от места, где были окружены египтяне. Командующий египетскими войсками оказался рослым негром, любезным и улыбчивым. Он поздравил Аллона с замечательными военными победами Израиля и согласился с тем, что египтяне оказались в тяжелом положении. "Но одно я могу спасти, — заявил генерал, — честь египетской армии. Поэтому я буду сражаться до последнего патрона и до последнего человека". Ни эта, ни две последующие встречи ни к чему не привели — Таха-бей не изменил своего решения. Но беседа была не полностью безрезультатной: в ходе ее йеменский еврей, служивший Аллону переводчиком, майор Иерухам Кохен установил дружеские отношения с адъютантом Таха-бея полковником Гамалем Абдель Насером. Насер восхищался киббуцами и демократизмом ишува. Израильский "прогрессивизм" он противопоставлял жуликоватым и ко всему безразличным египетским землевладельцам. Однако самые резкие обвинения он приберег для англичан. "Они втянули нас в войну, — говорил Насер. — Что нам Палестина? Все это англичане выдумали, чтобы отвлечь наше внимание от оккупации Египта". Так называемые "союзники" Египта тоже вызывали гнев Насера, особенно Абдаллах, который и пальцем не пошевелил, чтобы помочь окруженным египтянам. Когда-нибудь хашимитский король поплатится за свое предательство, заявил Насер.

В речах молодого майора отразилось глубочайшее недоверие, которое уже давно питали друг

к другу арабские государства. Особенно сильным было взаимное недоверие между Египтом и Трансиорданией. Эти чувства в связи с проблемой оккупированной Палестины наконец проявились во всей полноте. Египтяне, которые не собирались отдавать Палестину Трансиордании, начали повсюду твердить о "правах палестинского народа" и заявили о своем намерении создать правительство Святой земли. С этой целью в конце октября 1948 г. в Каире было организовано "правительство всей Палестины" с резиденцией в Газе. А 1 октября в Газе собрался поддерживаемый египтянами Национальный палестинский совет, который послушно избрал президентом муфтия. Через две недели правительство в Газе было официально признано Сирией, Ливаном и Ираком. Однако вскоре стало ясно, что это марионеточный режим: когда Хадж Амин, вопреки указаниям Каира, отправился в Газу и был там опознан, муфтия немедленно задержали и отправили в Суэц, где он был помещен под неусыпное наблюдение.

Между тем Абдаллах тоже не терял времени даром. Заявив, что "правительству" Газы нечего делать на территории, оккупированной Трансиорданией, король поспешил созвать другую конференцию из числа покорных ему палестинских представителей, по большей части беженцев. В конце октября они собрались в Аммане и официально осудили осуществленный проегипетскими элементами в Газе фактический раздел Палестины. Затем в арабских городах и деревнях на западном берегу Иордана прошли "стихийные" массовые демонстрации — толпы на улицах умоляли Абдаллаха аннексировать районы Палестины, оккупированные легионом. Наконец, 1 декабря в Иерихоне состоялась "полномочная" конференция палестинских и

трансиорданских делегатов, которая приняла резолюцию, поддерживавшую объединение Палестины и Трансиордании в неделимое "Арабское Хашимитское королевство Иордании". Абдаллах "согласился" с этой резолюцией и назначил на место иерусалимского муфтия шейха Хассана Мухьи ал-Дина ал-Джараллаха взамен Хадж Амина ал-Хусейни.

Политический маневр Абдаллаха вызвал бурю возмущения в Каире и других арабских столицах. 10 декабря 1948 г. король Фарук сделал официальное заявление, в котором лишил поддержки палестинцев, принявших участие в Иерихонской конференции. Египетская армия, подчеркнул Фарук, не для того проливала кровь, чтобы предоставить палестинцев самим себе; принятая в Иерихоне резолюция ставит под удар арабское единство, и Арабская лига этого не потерпит. На следующий день великий улем[79] Ал-Азхарского университета официально осудил хашимитский режим за "дурную политику, способную нанести ущерб арабскому единству".

Последняя кампания палестинской войны

В то время как египетне и иорданцы осыпали друг друга обвинениями, евреи готовились к началу наступления против египетской армии и изгнанию ее с израильской территории. На этот раз главная цель операции заключалась в том, чтобы убедительно продемонстрировать суверенность и силу Израиля и, как надеялись евреи, положить конец войне. Войска были к этому готовы. Была усовершенствована организация армии, последние подразделения Палмаха и Эцела влились в регулярные части, была создана четкая мобилизацион-

ная система. К декабрю 1948 г. израильская армия насчитывала 100 тысяч человек, в ее распоряжении были теперь транспортные и военные суда.

Войска противника, дислоцированные в это время к северу от Синая, удерживали фронт, образовывавший два выступа. На северном выступе обороны были две бригады, расположенные в районе Рафиаха и Газы, в тылу у них находилась ключевая для египтян база в Эль-Арише. Южный выступ, который также удерживали две бригады, тянулся от ал-Ауджи до Бир Аслуджа и был направлен на Беер-Шеву. Кроме того, 4-я бригада, окруженная в районе Фалуджи, сковывала довольно значительные израильские силы. Линия египетской обороны была хорошо укреплена. Преимущества израильтян заключались во внезапности атаки и умении выбрать выгодную для нее местность — этими преимуществами Ядин и Аллон собирались воспользоваться как можно эффективнее. Предполагалось, что египтяне будут ожидать наступления на своем северном участке, там, откуда они угрожали плотно населенным прибрежным районам Израиля. Поэтому израильское командование приняло решение начать наступление на юге, в направлении ал-Ауджи, опорной точки египетской обороны в Негеве. Взяв ал-Ауджу, евреи смогли бы пройти через Синай и, выйдя к Эль-Аришу и к средиземноморскому побережью, одним ударом расстроить планы противника.

Для того, чтобы осуществить этот смелый план, надо было захватить ал-Ауджу. Однако главная дорога из Бир Аслуджа в ал-Ауджу была хорошо защищена египетскими танками и артиллерией. Прямую атаку вдоль южного шоссе можно было бы осуществить, только пожертвовав жизнями множества солдат и техникой. Ядин почти неделю пытался

справиться с этой задачей. 17 декабря он нашел решение в руководстве по археологии греко-римской Палестины, где имелась карта с изображением второй дороги на ал-Ауджу, идущей с юга. Конечно, настоящей дорогой эту каменистую тропу римских времен назвать было нельзя. Аллон немедленно послал разведчиков выяснить, существует ли еще эта тропа. Она, в конце концов, была обнаружена в дюнах под Бир Аслуджем и оказалась пригодной для передвижения.

Тогда закипела работа, которая продолжалась три дня. Под покровом темноты инженерные подразделения мостили и выравнивали самые сложные участки. Делалось это настолько тихо, что египетские аванпосты, находившиеся в двух милях от дороги, ничего не заподозрили. А в ночь на 22 декабря началось наступление. В соответствии с планом, Аллон направил бронетанковую колонну в направлении Газы. Пехотная бригада под прикрытием бомбардировщиков двинулась к главному шоссе между Бир Аслуджем и ал-Ауджей. Но это были лишь отвлекающие маневры. Обманутый противник решил, что израильтяне развертывают наступление согласно плану, предусмотренному египетским командованием. В следующие дни, пока египтяне отбивали одну за другой атаки на центральном участке, мощная израильская колонна, состоявшая из броневиков и машин с пехотой, медленно продвигалась вперед по римской дороге. На рассвете 26 декабря евреи подошли к ал-Аудже на расстояние выстрела. В прекрасно укрепленном форте было тихо — его гарнизон был сосредоточен на северном направлении. На север смотрели и стволы египетских орудий, которые держали под контролем главную дорогу. Авангард израильтян неожиданно врезался в тыл египтянам, а на го-

родской площади появились израильские танки и броневики. Несмотря на потрясение, египтяне сражались отважно. Бой продолжался сутки, а затем они капитулировали. Командир гарнизона, которого молниеносная атака израильтян застала во сне, сдался в плен прямо в пижаме.

Аллон не собирался останавливаться на достигнутом. Его войска, совершив фланговый обход, на десять миль углубились на египетскую территорию и заняли Абу-Агейлу. Затем они двинулись к средиземноморскому побережью и в направлении к центральной египетской базе — Эль-Аришу. За восемь месяцев войны евреи продвинулись далеко — и не только в географическом смысле. В мае их плохо вооруженные, малочисленные отряды остановили египетские танки в шестнадцати милях от Тель-Авива. А в декабре закаленная в боях пехота при поддержке танков и самолетов вторглась в Египет и совершила рывок к Эль-Аришу, отрезав египетской армии все пути к отступлению. Пораженное этим египетское правительство начало лихорадочную дипломатическую деятельность, пытаясь получить военную помощь у других арабских государств. Но рассчитывать Каиру было не на что. Силы Сирии и Ирака истощились. Абдаллах считал войну законченной. В ноябре 1948 г. в результате ряда встреч между Моше Даяном и полковником трансиорданской армии Абдаллахом ал-Телем, командующим частями легиона в Иерусалиме, было достигнуто соглашение о прекращении огня, вступившее в силу 1 декабря. В дальнейшем эти два офицера обсуждали вопрос о допуске еврейских транспортных колонн на гору Скопус и о снабжении находившегося там еврейского полицейского участка. Таким образом, эти беседы вышли за рамки чисто военных проблем и походили

на переговоры о заключении перемирия.

Мало того, что египетское правительство не нашло поддержки у своих союзников, — вскоре оно столкнулось с не менее тяжелыми последствиями военного поражения и у себя в стране. Вступая в палестинскую войну, Фарук надеялся отвлечь внимание народа от внутренних проблем и победить своих противников из партии "Вафд". Сначала могло показаться, что королю это удалось. Газеты кричали об успехах армии — подлинных и мнимых. В честь победы были заблаговременно выпущены почтовые марки. После того, как в декабре началось наступление Аллона, в Каире было решено скрыть поражение не только от союзников, но и от собственного народа. Но в конце концов египтяне, конечно, обо всем узнали. В ноябре по Египту прокатились бурные демонстрации против иностранных и еврейских предпринимателей, организованные Мусульманским братством. В больших городах начались беспорядки. Националистические лозунги соседствовали с выпадами против Ноакраши-паши и его правительства. В ответ премьер-министр объявил Мусульманское братство вне закона и отдал распоряжение о конфискации его имущества. Но приказ остался невыполненным — 28 декабря один из членов братства убил Ноакраши-пашу. Многие полагали, что в Египте может начаться гражданская война.

Но раздираемая конфликтами страна все-таки не осталась без помощи. По условиям англо-египетского договора 1936 г. Великобритания должна была оказать содействие Египту в случае, если он подвергнется нападению. Между тем, 29 декабря Совет Безопасности принял решение о немедленном прекращении огня в Палестине. Теперь у англичан появился шанс укрепить свои пошатнувши-

еся позиции в Египте, а может быть, и в Святой земле. Разумеется, в 1948 г. ничто, даже иностранное вторжение в Египет, не могло бы заставить Каир вернуться к договору о взаимопомощи 1936 г. Однако англичане использовали возникшую ситуацию, чтобы пригрозить Израилю. Если Израиль не подчинится резолюции Совета Безопасности, заявили они, Великобритания введет в действие свои вооруженные силы в соответствии с англо-египетским договором. Этот ультиматум не оставлял евреям никакого выбора. Каковы бы ни были права Израиля в соответствии с имевшимися прецедентами, он не мог вступить в конфронтацию с великой державой, и Бен-Гурион прекрасно это понимал. Того же мнения придерживался и Ядин. Слишком многого добилась израильская армия, чтобы теперь рисковать. 2 января 1949 г. штаб Аллона получил приказ уйти из Синая.

Однако по настоянию Ядина Бен-Гурион разрешил Аллону оставить за собой командные высоты в районе пограничного города Рафиаха. Таким образом, понесшим большие потери египетским войскам в полосе Газы был отрезан последний путь к отступлению. Англичане ответили на это еще одной угрозой: в течение нескольких недель самолеты британских ВВС регулярно сопровождали египетские эскадрильи в полетах над египетско-израильской границей. 7 января, когда в ООН была принята еще одна резолюция о прекращении огня, израильскими "мессершмитами" было сбито пять английских истребителей. Бевин, судя по всему, решил, что теперь у него есть подходящий предлог, чтобы пригрозить еврейскому государству прямой интервенцией и тем самым ослабить позиции Израиля на предстоящих в будущем арабо-израильских переговорах. 8 января он заявил, что евреи совер-

шили акты "неспровоцированной агрессии" против Египта, но англичане "пока" не начали перебрасывать свои войска с суэцких баз к палестинской границе. Через три дня английское министерство иностранных дел сообщило журналистам, что "с исключительной серьезностью" следит за военными операциями евреев.

Каир не замедлил воспользоваться тем, что англичане грозят Израилю вторжением. 12 января египтяне выдвинули свой ультиматум. Переговоры о перемирии, заявили они, не начнутся, пока евреи не уйдут с высот в районе Рафиаха. Однако израильский штаб никак не мог согласиться на это требование: разомкнув кольцо, в котором оказались войска противника, Израиль лишился бы на мирных переговорах своего главного козыря и, кроме того, оставил бы под контролем противника полосу Газы, глубоко вдававшуюся в израильскую территорию. Принять решение предстояло Бен-Гуриону. По мнению премьер-министра, отказ от условий, предложенных Каиром, означал бы продолжение войны с Египтом и — неизбежно английскую интервенцию. Между тем, еврейское государство уже было создано и, защитив себя от врагов, жило нормальной жизнью. Более того, Израиль захватил дополнительные 600 кв. миль и сумел выгодным для себя образом изменить демографический состав своего населения. Другие арабские государства готовы были вслед за Египтом сесть за стол переговоров. Вероятно, в этой ситуации правильнее всего было дать Каиру возможность спасти свою репутацию. Поэтому, несмотря на настоятельные просьбы Аллона, который прибыл в Тель-Авив и убеждал премьер-министра сохранить для Израиля главный козырь на переговорах, Бен-Гурион принял решение отвести войска.

Во вторую неделю января евреи покинули высоты в районе Рафиаха. Через две недели после этого, когда начались переговоры о перемирии, израильтяне выпустили солдат Таха-бея из Фалуджи. Стоя на склоне холма, Иерухам Кохен, адъютант Аллона, смотрел, как строятся остатки египетской бригады. Неожиданно он увидел полковника Насера. Кохен окликнул его, они подбежали друг к другу и обменялись дружеским рукопожатием. Под музыку израильского военного оркестра египетская колонна двинулась в направлении лагеря в Эль-Арише.

Переговоры о перемирии

29 декабря 1948 г. Совет Безопасности, который на протяжении полугода ограничивался резолюциями о прекращении огня и временных перемириях, призвал к окончательному перемирию во всех районах Палестины. Хотя Египет и другие арабские государства к этому моменту были уже обессилены и явно рады прекратить военные действия, само собой разумеется, что ни одна из арабских стран не согласится на "прямые" переговоры с Израилем, то есть не сможет обойтись без посредничества ООН. Поэтому, когда в начале января 1949 г. на острове Родос начались предварительные переговоры между Израилем и Египтом, было установлено, что они проводятся в рамках ООН. Обе делегации разместились в одной гостинице. Это повлекло за собой комические затруднения. Глава израильской делегации Вальтер Эйтан, сотрудник министерства иностранных дел, рассказывал, что если египтянин сталкивался в коридоре с израильтянином, то, "демонстративно отвернувшись, только искоса поглядывал [на еврея], а потом, не справившись с любопытством, оборачивался, чтобы все-таки получше

его разглядеть". Посредник ООН д-р Ролф Банч, сорокалетний американский негр, бывший в свое время заместителем Бернадота, оказался талантливым и умным дипломатом. Однако поначалу даже Банчу с его обаянием не удалось убедить египтян встретиться с их израильскими коллегами. Поэтому предварительные беседы посредник или его заместитель проводили отдельно с каждой делегацией.

Однако через несколько дней настойчивость Банча увенчалась успехом. Он собрал у себя в номере египтян и израильтян. Сам Банч председательствовал, сидя на диване. Впоследствии переговоры о перемирии с Иорданией, Ливаном и Сирией развивались примерно по той же схеме. Правда, сначала египтяне обращались только к Банчу, как если бы евреев в комнате не было. Но долго придерживаться столь неестественной линии поведения было невозможно. Вскоре делегации вступили в прямой диалог — по-английски и по-французски. Представители Израиля и Египта заверили друг друга в том, что стремятся достичь прочного мира в Палестине. С этой целью на первом этапе было разработано соглашение о перемирии в соответствии с реальной военной обстановкой. В результате Негев — за исключением узкой прибрежной полосы Газы, оккупированной египетскими войсками, — остался в составе Израиля. Город ал-Ауджа с окрестностями должен был быть демилитаризован под наблюдением ООН. Израиль согласился на такое решение, чтобы дать египетскому правительству возможность сохранить свой престиж: египтяне могли теперь заявить своему народу, что держат под контролем один из районов Палестины, так же, как это сделал хашимитский режим.

Обе стороны исходили из предположения, что перемирие в ближайшем будущем должно быть

закреплено постоянным мирным договором. Собственно, об этом говорилось и в самом соглашении о перемирии: "Стремясь установить постоянный мир в Палестине и признавая в связи с этим важность взаимных гарантий относительно дальнейших военных действий сторон, принимаются... следующие принципы". И далее: "Установление перемирия между вооруженными силами сторон рассматривается как необходимый шаг для ликвидации вооруженного конфликта и восстановления мира в Палестине". Соглашение было подписано 24 февраля 1949 г. Эйтан, руководитель израильской делегации, впоследствии вспоминал о том, в какой теплой атмосфере завершились переговоры:

> За те полтора месяца, что мы прожили вместе с египтянами в "Hotel des Roses", у нас установились вполне дружеские отношения... Помимо переговоров мы почти не общались, но когда Абдул Монеим Мустафа, главный политический советник египетской делегации, заболел, мы навестили его, а когда, наконец, было подписано соглашение, д-р Банч пригласил всех нас на вечеринку, которая удалась благодаря египтянам: для этого случая из Каира были доставлены самолетом деликатесы от Гроппи. Хорошо помню, как мы сидели вместе с главой египетской делегации и он показывал мне фотографии родных... Словом, атмосфера ничем не напоминала обстановку первого дня, когда египтяне отворачивались от нас в коридорах.

На Родосе был создан прецедент, ставший основой для последующих переговоров Израиля с другими арабскими странами. Если Египет, крупнейшее арабское государство, согласился на перего-

воры с евреями, другим странам было не так трудно пойти по его пути. Так, например, условия перемирия с Ливаном обсуждались в Рош ха-Никра на ливанско-израильской границе. В соответствии с соглашением, подписанным 23 марта 1949 г., израильтяне вывели свои войска из четырнадцати ливанских деревень, захваченных во время войны, и между Ливаном и Израилем была восстановлена старая международная граница. Этот документ, за исключением деталей территориального урегулирования, по содержанию ничем не отличался от израильско-египетского соглашения. В нем также выражалась надежда на то, что после окончания вооруженного конфликта удастся достичь постоянного мира. На подписание соглашений с Египтом, Ливаном и Иорданией ушло менее полутора месяцев. Трудности возникли только во время переговоров с сирийцами. Позиция Сирии объяснялась отчасти националистическими страстями (Сирия — колыбель арабского национализма), а отчасти нежеланием сирийцев вывести свои войска с оккупированной израильской территории. Переговоры тянулись с 5 апреля по 20 июля 1949 г., они проходили в палатке, расположенной на нейтральной полосе, у дороги Тверия—Дамаск. Стояла палящая жара. После бесконечных споров сирийцы наконец согласились отвести свои войска за линию границы, но только при условии, что в освобожденные районы не вступит израильская армия. Таким образом, возникла еще одна демилитаризованная зона. В остальном основные положения совместного сирийско-израильского документа соответствовали принципам, принятым в соглашениях Израиля с другими арабскими странами.

19 марта иракское правительство сообщило Банчу, что оно уполномочило иорданскую де-

легацию вести переговоры от его имени и что иракские войска будут выведены из Палестины. Действительно, иракская армия покинула Святую землю. Однако Ирак оказался единственной арабской страной, которая не подписала соглашения о перемирии с евреями. Это обстоятельство впоследствии позволило Багдаду на словах выступать против еврейского государства значительно резче, чем это делали непосредственные соседи Израиля, и в то же время воздержаться от каких-либо практических действий. Нури ас-Саид уже давно убедился в том, что с помощью подобных методов можно добиться популярности в народе, а может быть, и первенствующего положения в арабском мире. В дальнейшем такой подход был принят на вооружение и другими мусульманскими государствами, в частности, Алжиром и Ливией.

В ходе переговоров с арабскими правительствами самыми сложными и в то же время самыми перспективными для израильтян оказались контакты с Хашимитским королевством. Переговоры с Трансиорданией начались на Родосе через несколько дней после подписания соглашения с Египтом. Трансиорданские дипломаты производили куда менее внушительное впечатление, чем египтяне: они вели себя беспомощно и неуверенно, казалось, что у них нет точных инструкций. Так оно и было — Абдаллах, не дав им никаких ясных указаний, предпочел напрямую связаться с израильтянами через полковника ал-Теля, находившегося в Иерусалиме. В результате было решено, что израильская делегация тайно встретится с Абдаллахом в королевской резиденции в Шуне, у Мертвого моря. Судя по всему, хашимитский монарх не собирался предоставлять необходимые полномочия своим представителям на переговорах, хотя он и согласился на

формальное продолжение их на Родосе.

С помощью ал-Теля израильская делегация пересекла трансиорданскую границу, на пропускном пункте полковник представил их как наблюдателей ООН. Это едва ли показалось убедительным — ведь, кроме Эйтана, в израильскую делегацию входили Ядин и Даян, которых все знали в лицо. Однако пограничники спорить не стали. Абдаллах принял своих гостей в Шуне и показал себя таким же радушным хозяином, как и до войны. В ходе первого заседания, в котором участвовали евреи и арабы, король обратился к присутствующим с обзором событий, которые привели делегатов на эту странную встречу. Абдаллах говорил очень откровенно и подчеркнул, что его министры вместе с египтянами втянули Трансиорданию в войну, которой он не желал. Его выступление, направленное против его собственных чиновников, заняло двадцать минут. После этого арабы и евреи были приглашены на банкет, однако премьер-министр Абд ал-Уда, сославшись на боль в желудке, попросил разрешения не присутствовать на нем.

После банкета Абдаллах удалился, а делегации приступили к переговорам. Они заняли всю ночь, а под утро евреи отправились назад в автомобиле ал-Теля, чтобы успеть в Иерусалим до рассвета. Ночные поездки и переговоры продолжались целую неделю. Все это время, стремясь оказать давление на Трансиорданию, израильская армия продолжала демонстрировать подготовку к широкомасштабному наступлению в том случае, если Абдаллах согласится на пересмотр границ. В конце концов было достигнуто компромиссное соглашение. Демаркационная линия была проведена не в соответствии с дислокацией обеих армий, а на несколько миль восточнее. Таким образом, к Израилю

отходили шоссе Хадера—Афула, железная дорога между Лодом и Хайфой, а также часть горного района. Из соображений престижа иорданцы оставили на своей стороне большое количество деревень, но не позаботились сохранить за собой прилегающие к ним земельные участки. В результате многие крестьяне были отрезаны от своих полей. В любом случае соглашение рассматривалось как временное — за ним должен был последовать мирный договор и урегулирование вопросов, связанных с границей. После того, как были внесены необходимые изменения, демилитаризованная пограничная полоса протянулась от Мертвого моря до Акабы на юг и до Бейсана на север. Вместе с тем, пересмотр границ не коснулся Иерусалима — там сохранялся status quo: Новый город остался в руках евреев, Старый город — в руках арабов. Иорданцы гарантировали израильтянам свободный доступ к больнице Хадасса и Еврейскому университету, расположенному на горе Скопус, а также к святым местам и кладбищам на Масличной горе.

Такова была суть договоренности, достигнутой сторонами в три часа утра 1 апреля. Сразу после этого Даян и Джунди, представители израильской и арабской делегаций, вылетели на Родос, где 3 апреля соглашение было подписано "официальными" делегациями. После этого израильские войска выдвинулись на отданные еврейскому государству в ходе переговоров командные высоты. В августе 1949 г. на израильско-иорданской границе еще находились (предполагалось, что временно) представители ООН, которые наблюдали за соблюдением условий перемирия. В последующие месяцы продолжались весьма обстоятельные тайные беседы Абдаллаха с израильскими представителями, а в марте 1950 г. началась работа по подготовке мир-

ного соглашения. Однако, руководствуясь политическими соображениями, король решил не спешить с этим. Возможно, он допустил ошибку. Если бы он продолжил переговоры и, не медля, подписал соглашение, это было бы воспринято как совершившийся факт. А вместо этого информация о переговорах Абдаллаха с израильтянами начала распространяться в тот период, когда действовало зыбкое соглашение о перемирии. Это и погубило самого способного государственного деятеля арабского мира.

В результате перемирия с арабскими странами территория Израиля составила 8 тысяч кв. миль, то есть на 21 процент больше того, что предусматривалось планом раздела Палестины. Предполагалось, однако, что эти границы имеют временный характер и подвергнутся изменениям и уточнениям в ходе предстоящих мирных переговоров. Этого не случилось, и в результате территориальная проблема стала для Израиля источником постоянных трудностей. Так, например, проведенная между Израилем и Иорданией демаркационная линия, по одну сторону которой остались крестьяне, а по другую — принадлежащие им поля, непрерывно нарушалась и стала причиной постоянных пограничных конфликтов между двумя сторонами. Благодаря своему статусу, предусматривающему свободный доступ к святым местам и некоторым гражданским учреждениям, Иерусалим оказался в полной зависимости от арабов, и соглашения на этот счет оказались по сути нереальными. Евреи вынуждены были направить специальные силы полиции для охраны больницы и университета на горе Скопус. Не удалось достичь и договоренности о доступе к еврейским религиозными святыням в Старом городе и о надлежащем уходе за ними. Это, в свою очередь, постоянно омрачало жизнь верующих евреев как в Израиле,

так и за его пределами.

Соглашение с Сирией тоже было чревато опасностями. На территории, примыкающей к израильской демилитаризованной зоне вдоль сирийской границы, находились еврейские сельскохозяйственные поселения. Израиль планировал осуществить в этих районах несколько больших проектов по развитию земледелия. Предполагалось, в частности, осушить озеро Хула и повернуть русло реки Иордан. Собираясь приступить к освоению этих земель, евреи ссылались на пункт сирийско-израильского соглашения от 20 июля 1949 г., в котором в качестве главной цели перемирия признавалось "постепенное восстановление нормальной жизни в районе демилитаризованной зоны". Сирийское правительство не приняло такого толкования, и вскоре это стало поводом для конфликта. Когда евреи занимались сельскохозяйственными и ирригационными работами на приграничных участках, сирийцы время от времени обстреливали их с позиций, расположенных на Голанских высотах. Таким образом они помешали израильтянам осуществить план по созданию водозаборной системы на Иордане, и евреями пришлось прибегнуть к менее практичному и более дорогостоящему методу и пользоваться водой из Киннерета. Демилитаризованные зоны и в дальнейшем были источником напряжения и вооруженных конфликтов.

Такое же положение сложилось в полосе Газы, где по-прежнему оставались египетские войска. При подстрекательстве Каира эта переполненная беженцами зона была превращена террористами в базу, откуда они проводили операции против Израиля. Неопределенность формул израильско-египетского соглашения позволяла египтянам закрывать глаза на эту деятельность. Во всех соглаше-

ниях о перемирии говорилось о полном прекращении военных действий и о том, что на "агрессивные действия" обеих сторон налагался мораторий. Однако одно положение, включенное во все остальные документы, не вошло, — возможно, по недосмотру — в текст израильско-египетского соглашения. Положение это сводилось к следующему: "С территории, контролируемой одной из сторон, не должно производиться никаких военных или враждебных действий по отношению к другой стороне". Впоследствии египетское правительство использовало отсутствие подобного пункта в израильско-египетской договоренности как юридическое оправдание для того, чтобы поощрять террористическую деятельность, не пропускать израильские суда через Суэцкий канал и (до 1956 г., а также весной 1967 г.) блокировать Тиранский пролив. Таким образом, Газа тоже представляла для Израиля смертельную угрозу. Однако в 1949 г. все эти опасности казались столь далекими и недолговечными (как и сами соглашения о перемирии), что еще до того, как летом того же года были подписаны итоговые документы, в функции посредника выступила "комиссия примирения" — новый орган, созданный Организацией Объединенных Наций. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1948 г., перед комиссией ставилась задача не больше и не меньше, чем достичь "окончательного урегулирования всех спорных вопросов", возникших между Израилем и арабскими странами. Авторы этой резолюции были настолько уверены в благоприятных перспективах, что это само по себе было для евреев вознаграждением за все перенесенные в ходе войны страдания.

А страдания эти были велики. Во время войны погибло 6 тысяч человек, более 30 тысяч были ранены — немалые потери для страны с населением,

не превышающим 600 тысяч. Одни только военные расходы составили 500 миллионов долларов. Снова, как в 1917 — 1918 гг., в стране воцарилась разруха. Плодородные поля были изрыты и заминированы; цитрусовые плантации, десятилетиями служившие основой еврейской экономики в Палестине, уничтожены. И все же, несмотря на кровоточащие раны, маленькая еврейская республика выжила, а ее суверенитет был признан мировым сообществом. После того, как в январе 1949 г. были проведены парламентские выборы и народ передал власть правительству и Кнесету, те государства, которые ранее, сразу после создания Израиля признали его de facto, начали открывать свои миссии и посольства в Тель-Авиве и Иерусалиме.

Когда были подписаны соглашения о перемирии, просьба Израиля о принятии его в ООН была одобрена 11 марта 1949 г. Советом Безопасности, а затем, в мае 1950 г., Израиль стал полноправным членом Организации Объединенных Наций. В те времена вступление в ООН еще считалось важным свидетельством суверенитета и жизнеспособности государства. Когда на площади перед зданием Генеральной Ассамблеи в торжественной обстановке был поднят израильский флаг, присутствовавшие при этом Шарет и Эйтан, как и все евреи мира, не могли не вспомнить о том, что всего лишь за четыре года до этого Звезда Давида была знаком обреченности, эмблемой, которую носили узники концентрационных лагерей. Умудренному опытом журналисту или ученому не хватило бы ни знаний, ни таланта, чтобы описать путь к независимости, пройденный еврейским народом — народом, с которым так жестоко обошлась история. Казалось, случившееся можно объяснить только неизвестным, новым законом природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Эпштейн Ицхак** (1862 — 1943) — писатель, педагог, лингвист. В 1886 г. приехал из России в Эрец-Исраэль, работал учителем, позже — инспектором школ. Разработал новую методику преподавания иврита.

2 **Феллахи** — в арабских странах оседлое население, занятое земледелием, крестьяне.

3 **Эмиссия** — выпуск в обращение банковских и казначейских билетов, бумажных денег и ценных бумаг.

4 Автор имеет в виду мощную волну арабских беспорядков в Палестине, переросшую в восстание 1937 — 1939 гг. В апреле 1936 г. разыгрались кровавые события в Яффо, где было убито 16 евреев; была проведена всеобщая арабская забастовка, продолжавшаяся около 6 месяцев; банды террористов попытались объединиться, но были разбиты британскими войсками.

5 В марте 1920 г. Сирия была объявлена королевством, во главе которого стоял эмир Фейсал, сын правителя Мекки Хусейна ибн Али, принадлежавший к роду Хашимитов. В июле 1920 г. Фейсал был низложен французами, получившими мандат на управление Сирией.

6 **Муфтий** (*араб.*) — духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения по религиозно-политическим вопросам.

7 **Вакф** (*араб.*) — в мусульманских странах имущество,

предназначенное государством или частным лицом на религиозные или благотворительные цели.

[8] **Стена Плача** — Западная стена, часть сохранившейся после разрушения Второго храма (70 г. н.э.) стены, окружавшей Храмовую гору; почитаемая еврейская святыня.

[9] **Иом-Киппур** (Судный день) — наиболее важный день еврейского литургического календаря; день поста, покаяния и отпущения грехов, приходящийся на десятый день месяца тишрей (сентябрь-октябрь).

[10] **Ал-Акса** — мечеть, построенная в начале XVIII в. на руинах византийской церкви, которая была выстроена на Храмовой горе (после разрушения Храма).

[11] **Сеттльмент** — особый район, создававшийся в зависимой стране другим государством для проживания там подданных этого государства. Юрисдикции местных властей такой район не подлежал.

[12] **Джихад** (*араб.* "война за веру") — предписание ислама, требующее применения любых средств для его распространения, вплоть до "священной войны" против иноверцев.

[13] **Магнес Иехуда Лейб** (1877 — 1948) — еврейский общественный и религиозный деятель в США и Эрец-Исраэль; сторонник арабско-еврейского сотрудничества, которое рассматривал не только как условие мира в стране, но и как важный фактор еврейского национального сознания.

[14] **Брит-Шалом** (*ивр.* — "союз мира") — общество, созданное в Иерусалиме в 1925 г. с целью установления дружественных отношений между евреями и арабами и совместного решения проблемы будущего Палестины. Подвергалось резкой критике со стороны большинства сионистских партий, особенно ревизи-

онистов; к середине 30-х гг. практически прекратило свою деятельность.

[15] **Д'Аннунцио Габриеле** (1863 — 1938) — итальянский писатель, представитель декадентства; идеолог и апологет итальянского фашизма. Основная тема его творчества — культ силы, воспевание "сверхчеловека", имморализма и эстетизма.

[16] **Марморек Оскар** (1863 — 1909) — друг Т.Герцля, один из основателей сионистского еженедельника "Ди Вельт" (1897 г.) в Вене; в 1901 г. сопровождал Герцля в поездке в Константинополь.

[17] **Бетар** (аббр. от Брит Иосеф Трумпельдор — "Союз имени Иосефа Трумпельдора") — молодежная организация, созданная в Риге в 1923 г. Своей политической целью члены Бетара считали создание еврейского государства по обоим берегам Иордана; организация стала авангардом движения сионистов-ревизионистов, основанного В.Жаботинским.

[18] В июне 1933 г. Хаим Арлозоров (см. прим. 164 I тома) был убит в Тель-Авиве. По обвинению в убийстве были арестованы А.Ахимеир — лидер ревизионистской партии и два ее члена — Ц.Розенблат и А.Ставский. Суд признал вину Ставского, но впоследствии он был оправдан Верховным судом за недостатком улик. Члены сионистского рабочего движения восприняли убийство Арлозорова как доказательство существования фашистских тенденций в партии ревизионистов.

[19] **Эцел** (аббр. от Иргун цваи Леумми — "Национальная военная организация") — подпольная вооруженная организация в Палестине, созданная в 1931 г. с целью борьбы с арабским террором. Члены Эцела проводили карательные операции против арабов, применяли террористические методы против британских мандатных властей. В 1948 г. отряды Эцела были расформированы и вошли в состав Армии Обороны Израиля.

[20] **Левант** — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря, в более узком смысле — Сирия и Ливан.

[21] **Молодежная алия** — акция по спасению еврейской молодежи, в первую очередь детей, от нацистской угрозы. В 1933 г. на 18-м Сионистском конгрессе было решено создать отдел по устройству евреев-беженцев из Германии. К началу второй мировой войны в Эрец-Исраэль было привезено более 5 тысяч детей; в 1941 г. начали прибывать дети из стран Востока (значительная часть из Сирии), более тысячи из них было переправлено в Эрец-Исраэль нелегально; в 1943 г. — 800 детей из Польши; в 1945 — 1948 гг. — более 15 тысяч детей, спасшихся от Катастрофы в Европе. Общее число молодежи, прибывшей в Эрец-Исраэль в рамках Молодежной алии в 1934 — 1970 гг., составило 124 702 человека.

[22] **Общие сионисты** — либеральное крыло в сионистском движении, возникшее в 1907 г. в рамках Всемирной сионистской организации из числа ее членов, не примкнувших к социалистам, ревизионистам и религиозным партиям.

[23] **Кук Аврахам** (1865 — 1935) — раввин, религиозный мыслитель. В 1904 г. приехал в Эрец-Исраэль; солидаризировался с сионистским движением, выступал против антирелигиозного мировоззрения части молодых репатриантов-халуцим. Развивал религиозно-философскую концепцию сионизма и его роли в еврейской истории; его идеи оказали значительное влияние на развитие религиозно-сионистской идеологии.

[24] **Аггудат Исраэль** — всемирное еврейское ортодоксальное движение, объединенное в политическую партию, основанную в 1912 г. Аггудат Исраэль оказывала сопротивление любым попыткам возрождения государства в Святой земле без "Божественного вмешательства", поэтому отвергала идею сионизма.

[25] **Кнесет-Исраэль** — община Израиля в широком смысле, еврейский народ в целом. В подмандатной Палестине это название стало официальным наименованием еврейской общины, получившей право на создание собственных демократических органов управления.

[26] **Магриб** — регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко, а также Ливию, Мавританию, Западную Сахару, образующих Большой Магриб, или Арабский Запад.

[27] **Шахт Яльмар** (1877 — 1970) — немецкий банкир и политический деятель в нацистской Германии. В 1923 — 1930 и 1933 — 1939 гг. — президент Имперского банка, до 1943 г. входил в состав правительства. Играл первостепенную роль в финансовом обеспечении Германии при подготовке к войне. На Нюрнбергском процессе в 1945 г. был оправдан.

Фон Ширах Бальдур (1907 — 1974) — немецкий политик, один из организаторов и руководителей молодежного движения в нацистской Германии. Идеолог и апологет нацизма и личности Гитлера. Был причастен к депортации и уничтожению 185 тысяч австрийских евреев. На Нюрнбергском процессе был осужден на 20 лет тюремного заключения.

[28] **Нюрнбергские законы** — расистское антиеврейское законодательство, принятое в сентябре 1935 г. в нацистской Германии.

[29] **Эйхман Адольф** (1906 — 1962) — нацистский военный преступник; с 1937 г. возглавлял подотдел "по делам евреев" в имперском управлении безопасности, участвовал в разработке и реализации плана уничтожения евреев в Европе. После разгрома фашистской Германии скрывался в Аргентине; в 1960 г. захвачен израильской разведкой, судим в Израиле и казнен.

[30] **Пиль Роберт** (1788 — 1850) — премьер-министр Великобритании в 1834 — 1835 и 1841 — 1846 гг.

[31] **Ибн Сауд** (1880 — 1953) — король Саудовской Аравии в 1932 — 1953 гг.

[32] **Вильсон Томас Вудро** (1856 — 1924) — президент США (1913 — 1921 гг.), провел ряд либеральных государственных законов. Инициатор вступления США в первую мировую войну; в 1918 г. выдвинул программу заключения мира, ряд пунктов которой вошел в условия договора, выработанного Парижской мирной конференцией 1919 — 1920 гг.

[33] **Эвен Абба** (род. в 1915) — израильский государственный деятель и дипломат. С 1949 г. был постоянным представителем Израиля в ООН; занимал ряд видных постов в правительстве страны. Автор нескольких работ, посвященных истории еврейства; книга А.Эвена "Мой народ" вышла в издательстве Библиотека-Алия, 1990.

[34] После победы Турции в греко-турецкой войне (1920 — 1922 гг.), завершившейся Лозаннским мирным договором 1923 г., в соответствии с конвенцией об обмене населения в Грецию прибыло 1,5 млн. переселенцев.

[35] **Тэмплеры** (храмовники) — секта немецких протестантов, создавшая в XIX — XX вв. поселения в Эрец-Исраэль. В 1938 г. в стране было 1500 тэмплеров.

[36] **Мечеть Омара** — мечеть, построенная в 687 — 691 гг. на Храмовой горе в Иерусалиме. Внутри ее находится камень, названный мусульманами "Святой скалой", т.к., по их верованиям, отсюда пророк Мухаммад вознесся на небо.

[37] **Мухтар** (*араб.*) — старейшина, глава общины.

[38] **Саде Ицхак** (Ландсберг; 1890 — 1952) — создатель и первый командир добровольческих "ударных отрядов" (Палмах) Хаганы. В Эрец-Исраэль приехал в 1920 г., в России служил в армии во время первой

мировой войны, затем в Красной армии. В Эрец-Исраэль стал одним из организаторов и главой "рабочего батальона"; в качестве одного из руководителей Хаганы настаивал на тактике активных действий. Внес значительный вклад в дело создания Армии Обороны Израиля.

[39] **Аллон Игал** (Пайкович; 1918 — 1980) — государственный и военный деятель Израиля. В 1936 — 1939 гг. служил в полевых отрядах Хаганы и был одним из основателей Палмаха; в 1945 г. стал командиром Палмаха. Являлся одним из организаторов "нелегальной" иммиграции, ответственным за создание поселений в запрещенных зонах и за диверсионные акты против английской администрации. Во время Войны за Независимость командовал Южным фронтом израильской армии. С 50-х гг. занялся политической деятельностью, занимал ряд руководящих постов в правительстве Израиля. В издательстве Библиотека-Алия вышли книги И.Аллона "Отчий дом", 1975; и "Щит Давида", 1989.

[40] **Шамир Моше** (род. 1921) — израильский писатель. В 1941 — 1947 гг. член киббуца Мишмар ха-Эмек, в 1944 г. вступил в Палмах. В 1969/— 1971 гг. возглавлял отдел алии Еврейского Агентства. Автор исторических романов и произведений, посвященных судьбам еврейства XX в., редактор ряда литературных журналов. В издательстве Библиотека-Алия вышли книги М.Шамира "Он шел по полям", 1977, и "Своими руками", 1979.

[41] **Гафиры** (*араб.*) — резервные части полиции, которые мобилизовались, в случае необходимости, для охраны и поддержания общественного порядка. Первые еврейские охранники-гафиры были мобилизованы в Палестине в 1936 г. для "охраны жизни поселенцев внутри самих поселений". К концу 1936 г. их насчитывалось около 3 тысяч.

[42] **Уингейт Чарлз Орд** (1903 — 1944) — британский

офицер, организатор специальных ночных отрядов для борьбы с арабскими террористами, тесно сотрудничал с Хаганой. Многие бойцы Хаганы, прошедшие его подготовку, впоследствии заняли ведущие посты в Армии Обороны Израиля. Именем Уингейта назван открытый в 1957 г. израильский Институт физкультуры и спорта.

Чемберлен Невилл (1869 — 1940) — премьер-министр Великобритании в 1937 — 1940 гг. Сторонник умиротворения фашистских государств, подписал Мюнхенское соглашение 1938 г.; после начала второй мировой войны искал возможности соглашения с Германией. В обстановке военных неудач Великобритании в мае 1940 г. вышел в отставку.

Фейсал ибн Абд ад-Азиз ас-Сауд (1906 — 1975) — король Саудовской Аравии в 1964 — 1975 гг.

В марте 1938 г. Австрия была захвачена и насильственно присоединена к фашистской Германии. В результате Мюнхенского соглашения 1938 г., заключенного Великобританией, Францией, Германией и Италией, от Чехословакии была отторгнута и передана Германии Судетская область.

"Вишисты" — название фашистского коллаборационного правительства Петена во Франции, пришедшего к власти в 1940 г. Названо так по городу Виши, где оно обосновалось.

Находившееся в Лондоне (с июня 1940 г.) польское правительство в изгнании руководило действиями подпольных военных организаций (с 1942 г. — Армия Крайова) в Польше. Руководство Армии Крайовой организовало Варшавское восстание в 1944 г. В Чехии и Словакии антифашистское партизанское движение развернулось в 1942 г.

Де Голль Шарль (1890 — 1970) — президент Франции в 1958 — 1969 гг. В 1940 г. основал в Лондоне пат-

риотическое движение "Свободная Франция", примкнувшее к антигитлеровской коалиции; в 1941 г. — руководитель Французского национального комитета; в 1944 — 1946 гг. — глава Временного правительства Франции.

49 **Манн Томас** (1875 — 1955) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. В 1933 г. эмигрировал из Германии, активно боролся против фашизма, выступал в защиту евреев. Сборник произведений Т.Манна — "О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники" был выпущен издательством Библиотека-Алия, 1990.

50 **Всемирный еврейский конгресс** — всемирная добровольная ассоциация еврейских общин и организаций, созданная "для обеспечения существования и укрепления единства еврейского народа" в 1936 г. в Женеве. После второй мировой войны сыграла важную роль в выработке политики мирового еврейства и восстановлении еврейской жизни.

51 **Бранд Иоэль Иено** (1906 — 1964) — член Будапештского комитета помощи евреям во время второй мировой войны. После войны посвятил себя розыску нацистских преступников; выступал в качестве свидетеля на процессе Эйхмана.

52 Книга "Хана Сенеш: Ее жизнь, миссия и героическая смерть" вышла в издательстве Библиотека-Алия, 1975.

53 Книга "Энцо Серени" Рут Бонди вышла в издательстве Библиотека-Алия, 1976.

54 **Вайсгал Меир Вольф** (р. 1894) — израильский общественный деятель. В 1921 — 1938 гг. секретарь сионистской организации Америки, политический представитель Вейцмана в США. В 1949 г. поселился в Израиле.

[55] **Лехи** (аббр. от Лохамей херут Исраэль — "Борцы за свободу Израиля") — экстремистская подпольная военная организация, возникшая в результате раскола Эцела в 1940 г.

[56] **Потсдамская конференция** — конференция глав правительств держав-победительниц во второй мировой войне (СССР, США и Великобритании), проходившая в июле-августе 1945 г. Приняла решения о демилитаризации Германии, репарациях и территориальных проблемах.

[57] **Маккаби** — международная еврейская спортивная организация, названная в честь Иехуды Маккавея, героя еврейского народа. Возникновение всемирного спортивного общества Маккаби относится к концу XIX в., когда начали создаваться первые спортивные клубы еврейской молодежи.

[58] **Бегин Менахем** (1913 — 1992) — израильский политический деятель, с 1938 г. руководитель Бетара в Польше, в 1943 — 1948 гг. командир Эцела; в государстве Израиль — глава движения Херут, составившего ядро партии Ликкуд, в 1977 — 1983 гг. — премьер-министр.

[59] Мемуары Ш.Авигура "С поколением Хаганы" вышли в издательстве Библиотека-Алия, 1976.

[60] **Мейер Даниэль** (1909) — французский политический и общественный деятель. В 1933 — 1939 гг. сотрудничал в социалистической прессе, в годы оккупации Франции — член Национального совета движения Сопротивления; в 1943 — 1946 гг. — генеральный секретарь Французской социалистической партии. В 1946 — 1949 гг. занимал ряд министерских постов; в 1958 — 1975 гг. возглавил Лигу по защите прав человека. Принимал активное участие в жизни еврейской общины Франции.

[61] **Монтгомери Бернард Лоу** (1887 — 1976) — британский военачальник, фельдмаршал, в 1944 — 1945 гг.

командующий группы армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии. В 1951 — 1958 гг. заместитель главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе.

62 Так назывались пять постоянных членов Совета Безопасности ООН — СССР, США, Великобритания, Франция и Китай.

63 **Марониты** — приверженцы особой христианской церкви; первые общины их возникли в V — VII вв. в Сирии. Живут марониты главным образом в Ливане, а также в Сирии и Египте.

64 **"Протоколы сионских мудрецов"** — антисемитская фальшивка, инспирированная русской жандармерией; появилась в печати в 1902 г. и быстро получила распространение в Европе.

65 Ирландия, завоеванная англичанами в XVI — XVII вв. и ставшая английской колонией, после долгой борьбы добилась самостоятельности: в 1921 г. был заключен англо-ирландский договор о предоставлении Ирландии (за исключением Северной Ирландии) статуса доминиона. Ирландская республика была провозглашена в 1949 г.

66 **Авуары** — средства банка в иностранной валюте на его счетах в банках других стран.

67 **Игаэль Ядин** (1917 — 1984) — израильский военный и государственный деятель; известный археолог.

68 **Синайская кампания** (октябрь-ноябрь 1956) — крупная военная операция против египетской армии на Синайском полуострове. Военные действия продолжались 8 дней, в результате под контролем Израиля оказался весь Синайский полуостров.

69 **Мапай** (аббр. букв. "Рабочая партия Эрец-Исраэль") — социал-демократическая партия, созданная в 1930 г.,

стала самой массовой в ишуве, а затем в Израиле. В 1968 г. влилась в Израильскую партию труда (Маарах).

[70] **Гольдман Нахум** (1895 — 1982) — общественный деятель, один из лидеров сионистского движения. До 1933 г. жил в Германии, был одним из издателей "Еврейской энциклопедии"; в 1935 г. — представитель Еврейского Агентства в Лиге Наций. В 1956 — 1968 гг. — президент Всемирной сионистской организации. В 1962 г. поселился в Израиле, с 1968 г. — гражданин Швейцарии. Придерживается убеждения, что нейтралитет и территориальные уступки укрепят международное положение Израиля и благотворно скажутся на развитии израильского общества.

[71] После капитуляции Японии во второй мировой войне (9 авг. 1945 г.) китайское правительство с помощью США перебросило свои войска в города Китая, ранее оккупированные японцами; в важнейшие порты и стратегические пункты Китая вошли силы американской армии. В 1946 г. был подписан американско-китайский договор, позволявший США установить контроль над политической и экономической жизнью Китая. Однако в 1948 — 1949 гг. войска коммунистической Народно-освободительной армии захватили почти весь Северный Китай, а 1 октября 1949 г. в результате их победы в Пекине была провозглашена Китайская Народная республика.

[72] **Галили Исраэль** (1911 — 1986) — израильский государственный и военный деятель. В 1941 г. в числе трех представителей Хистадрута вошел в состав командования Хаганы, в 1945 — 1947 гг. — один из организаторов вооруженного подполья. Во время Войны за Независимость ведал приобретением оружия для Армии Обороны Израиля. Во временном правительстве Израиля в 1948 — 1949 гг. был министром обороны. Позже занимал ряд видных постов в правительстве Израиля.

[73] **Меир (Меерсон) Голда** (1898 — 1978) — деятельница сионистского движения, израильский политический деятель, в 1964 — 1974 гг. премьер-министр Израиля. Книга Голды Меир "Моя жизнь" вышла в издательстве Библиотека-Алия, 1984.

[74] **Иосеф Дов** (Бернард; 1899 — 1980) — израильский политический деятель. В 1918 г. вступил в Еврейский легион и служил в Эрец-Исраэль; был активным членом партии Мапай. В апреле 1948 г., во время Войны за Независимость, был назначен военным губернатором Иерусалима. В 1949 — 1965 гг. — депутат Кнесета от партии Мапай, занимал ряд важных государственных постов.

[75] **Латрун** — местность в 25 км к западу от Иерусалима, где находится монастырь ордена траппистов и полицейский форт времен британского мандата. Захватив этот укрепленный форт, Арабский легион блокировал дорогу на Иерусалим в 1948 г.

[76] **Хамсин** (*араб.* "пятьдесят") — сухой, жаркий ветер, дующий из Аравийской пустыни один-два дня, иногда дольше. В году бывает около 50 дней хамсина. Эти дни сопровождаются повышением температуры воздуха, иногда пыльной бурей.

[77] **Бернадот Фольке, граф Висборгский** (1895 — 1948) — шведский политический деятель. Во время второй мировой войны — представитель шведского Красного Креста, организовал обмен военнопленными между Германией и союзниками; в результате его переговоров с Гиммлером в 1945 г. было освобождено из немецких концлагерей более 7 тысяч узников. Способствовал освобождению нескольких тысяч еврейских женщин из концлагеря Равенсбрюк. В мае 1948 г. назначен Советом Безопасности посредником в арабско-израильском конфликте. Его план по урегулированию был отвергнут Израилем и не получил одобрения Генеральной Ассамблеи ООН. 17 сентября 1948 г. был убит в Иерусалиме, предположительно членами

Лехи. Убийцы не были найдены. В память о Бернадоте посажен лес в Иудейских горах.

[78] **Насер Гамаль Абдель** (1918 — 1970) — президент Египта в 1956 — 1970 гг. Непримиримый противник государства Израиль. За период его правления Египет несколько раз вступал, в коалиции с другими арабскими странами, в войну с Израилем: Синайская кампания (1956 г.); Шестидневная война (1967 г.); "война на истощение" (1969 — 1970 гг.). Во время Войны за Независимость Насер был офицером египетской армии, вторгшейся в Палестину.

[79] **Улемы** (от *араб.* "улама — ученые") — сословие мусульманских богословов и законоведов; в данном контексте — совет, собрание мусульманских богословов и законоведов.

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 1
2. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 2
3. **Д-р А.И.Кауфман.** ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. **Сарра Нешамит.** ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
   Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. **Д-р Е.Хисин.** ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. **Макс Брод.** РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. **6 000 000** ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. **А.И.Гешель.** ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. **Натан Альтерман.** СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. **Шаул Черниховский.** СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. **Теодор Герцль.** ИЗБРАННОЕ
14. **Ахад-ха-Ам.** ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. **Ахарон Мегед.** ХЕДВА И Я
16. **Яаков Цур.** И ВОССТАЛ НАРОД
17. **Р. и У.Черчилль.** ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. **Говард Фаст.** МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. **И.Домальский.** РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. **Игал Аллон.** ОТЧИЙ ДОМ
22. **Юлия Шмуклер.** УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. **Хана Сенеш.** ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 — 1967)

25. **Ш.Й.Агнон.** ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. **Элиэзер Смоли.** ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. **Тувия Божиковский.** СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. **А.Итай и М.Нейштат.** ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. **Эли Люксембург.** ТРЕТИЙ ХРАМ
32. **С.Г.Фруг.** СТИХИ И ПРОЗА
33. **Р.Губер.** КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. **Дж. и Д.Кимхи.** ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. **И.Башевис-Зингер.** РАБ
37. **Р.Бонди.** ЭНЦО СЕРЕНИ
38. **Иегуда Галеви.** СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. **Шломо Цемах.** ГОД ПЕРВЫЙ
40. **Шаул Авигур.** С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. **Ханох Бартов.** ВОЗМУЖАНИЕ
42. **Ружка Корчак.** ПЛАМЕНЬ ПОД ПЕПЛОМ
43. **Бернард Маламуд.** ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. **Моше Натан.** БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. **Ицхак Маор.** СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. **Ицхак Шенхар.** СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. **Генри Рот.** НАВЕРНО, ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. **Моше Шамир.** ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. **Ахарон Мегед.** ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. **Давид Маркиш.** ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. **Джон Орбах.** РИКША

56. **Иосеф Гедалия Клаузнер.** КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. **Исаак Бабель.** "ДЕТСТВО" И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. **Проф. И.Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. **Проф. И.Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. **Андре Шварц-Барт.** ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. **Эммануэль Литвинов.** ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ИЗБРАННОЕ
63. **Мартин Бубер.** ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. **Макс И.Даймонт.** ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. **Сол Беллоу.** ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
    И.Кауфман. Библейская эпоха
    Л.Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
    Ш.Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А.Суцкевер.** ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. **Ури Дан.** ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. **Моше Шамир.** СВОИМИ РУКАМИ
72. **Л.Коллинз и Д.Лапьер.** О, ИЕРУСАЛИМ!
73. **М.Новомейский.** ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. **М.Гесс.** РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. **Ф.Кандель.** ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. **Ф.Баазова.** ПРОКАЖЕННЫЕ
77. **А.Шлионский.** ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. **Х.Н.Бялик и И.Х.Равницкий.** АГАДА

80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б.Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С.Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. **Х.Бартов.** ВЫДУМЩИК
84. **Гилель Бутман.** ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. **Жак Дережи.** ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. **Цивья Любеткин.** В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. **М.Стейнберг.** ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. **А.Кестлер.** ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. **Ада Серени.** КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. **Иехуда Атлас.** ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. **М.Стейнберг.** КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н.Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. **Эли Визель.** ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. **Альбер Мемми.** ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. **Шломо Авинери.** ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. **Хаим Градэ.** АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. **Луи Финкелстайн.** РАББИ АКИВА
100. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. **Муня М.Мардор.** СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. **Феликс Розинер.** СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. **Владимир Лазарис.** МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА

105. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ
108. **Ахарон Аппельфельд.** ПОРА ЧУДЕС
109. **Гилель Бутман.** ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник произведений и писем
114. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. **Эфраим Урбах.** МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. **Оскар Минц.** ПРИЗМЫ
120. **Игал Аллон.** ЩИТ ДАВИДА
121. **Моше Даян.** ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. **Иерухам Кохен.** ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. **Исраэль Таяр.** СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 1
127. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 2

128. **Хаим Гвати.** КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. **Януш Корчак.** ИЗБРАННОЕ
132. **Ашер Бараш.** ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. **Ицхак Орен (Надель).** МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. **Андре Неер.** КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. **Ицхак Зив-Ав.** ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. **Эрбер Ле Поррье.** ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. **Шломо Гилель.** С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. **М.Бейзер.** ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. **Абба Ковнер.** КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. **Авигдор Шинан.** МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. **Давид Роскес.** ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. **Томас Манн.** О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. **И.Ахарони, Б.Ротенберг.** ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. **И.Гутман, Х.Шацкер.** КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. **Амос Эттингер.** СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. **Феликс Кандель.** СЛОВО ЗА СЛОВО
152. **Ицик Мангер.** ЖИЗНЬ В РАЮ
153. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 1
156. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 2
157. **Давид Шахар.** ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ

158. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** САМСОН НАЗОРЕЙ
159. **И.Башевис-Зингер.** СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПЯТЕРО
161. **Малькольм Хэй.** КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. **А.Эйнштейн.** О СИОНИЗМЕ
163. **И.Константиновский.** СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС-2. Сборник произведений израильских литераторов, пишущих по-русски
165. **Р.Зернова.** ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ. Сборник рассказов
166. **П.Пели.** ТОРА СЕГОДНЯ
167. **Р.Маркус, Г.Кохен, А.Галкин.** ТРИ ВЕЛИКИЕ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
168. **Яаков Кац.** ЕВРЕИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ
169. **Э.Луз.** ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ
170. **Яаков Кац.** КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
171. **И.Левит.** ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!
172. **Х.Герцог.** ГЕРОИ ИЗРАИЛЯ
173. **Говард М.Сакер.** ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 1
174. **Говард М.Сакер.** ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 2
175. **Д.Дорон.** КИШИНЕВСКОЕ ГЕТТО — ПОСЛЕДНИЙ ПОГРОМ
176. **Д.Фришман.** В ПУСТЫНЕ
177. **А.Херцберг.** СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 1
178. **А.Херцберг.** СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 2
179. **Гедалия Алон.** ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 1
180. **Гедалия Алон.** ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 2
181. **И.Бер.** ГАЛУТ

182. **Бат-Йеор.** ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 1
183. **Бат-Йеор.** ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 2
184. ИЕРУСАЛИМ И ОКРЕСТНОСТИ. Справочник
185. БАБИЙ ЯР. К пятидесятилетию трагедии. Сборник материалов

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс.** ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. **Дорит Оргад.** МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. **Ури Орлев.** ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. **Амос Оз.** СУМХИ
5. **Шмуэль Хуперт.** ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. **Й.Сегал.** ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. **Яэль Розман.** МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И ПНИНОЙ
8. **Двора Омер.** ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. **Сами Михаэль.** ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен.** И СОТВОРИЛ БОГ...
11. **Двора Омер.** ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. **Юрий Суль.** ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. **Ицхак Ной.** РОН И ДЖУДИ
14. **И.Башевис-Зингер.** ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей
15. **Эстер Файн.** ХАДАС
16. **Н.Гутман и Э.Бен-Эзер.** МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ
17. СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской литературы. Книга 1

18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. **Одед Бецер.** ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. **Давид Шахар.** ТАЙНА РИКИ
21. **Гила Альмагор.** ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИИ
22. ПУТЕШЕСТВИЯ БИНЬЯМИНА ИЗ ТУДЕЛЫ. Обработка Миры Меир
23. **Наоим Вишницер.** ГОЛУБАЯ БУСИНКА УДАЧИ, ИЛИ "ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ!"
24. **Мирьям Акавия.** ГАЛИЯ И МИКЛОШ: РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ.
25. **Яэль Розман.** ВСЕ ИЗ-ЗА НИХ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗРУБАВЕЛЫ
26. **Я.Черновиц, М.Лобэ.** ДРУЗЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ.
27. **Леа Гольдберг.** НИССИМ И НИФЛАОТ
28. **Сами Михаэль.** МЕЧТЫ ЖЕСТЯНЫХ ЛАЧУГ
29. БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. Обработка для детей Атары Офек

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Книга 1. История еврейского народа с древнейших времен до XVIII века. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Сборник задач и упражнений
2. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Книга 2. История еврейского народа от XVIII века до наших дней. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Сборник задач и упражнений
3. **Мартин Гилберт.** АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

4. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. От эпохи патриархов до восстания Бар-Кохбы. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Тетрадь для самостоятельных работ
5. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. 1870—1914. Учебник для среднего и старшего школьного возраста. К учебнику прилагается Методическое пособие
6. ГЕОГРАФИЯ ИЗРАИЛЯ. Прибрежная равнина и север страны. Учебник для среднего школьного возраста. К учебнику прилагается Тетрадь для самостоятельных работ

Наши книги можно заказать по адресу:

P.O.B. 4140, Jerusalem 91041, Israel

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....
82132/4

Говард М. Сакер — крупнейший американский специалист в области истории Ближнего Востока и Израиля, профессор университета им. Джорджа Вашингтона. Его фундаментальное исследование "История Израиля. От возникновения сионизма до создания государства Израиль" всесторонне освещает политическую и экономическую историю страны, а также идеологическую эволюцию сионизма с середины XIX до середины XX века.